С 302

А. К. Семёнов

Планы и сочинения

XI-XV

Народная литература.
Первый период русской письменности

1912

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
I женск. гимназіи.
...талогу № 4086
Отд... VII a
Подвижн. катал. № 331 57

128915.

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

Колич. предыд. выдачи

А. К. СЕМЕНОВЪ.

8(С)Р
С 302

ПЛАНЫ и СОЧИНЕНІЯ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

198915

XI—XV столѣтія.

КУРСЪ V КЛАССА ГИМНАЗІЙ.

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛІОТЕКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА
№

Книгоиздательство и типографія „ПОРЯДОКЪ"
С. К. Цессарскаго въ Одессѣ.
1912.

Печатано въ собственной типографіи.

I. Что такое народная поэзія?

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Что такое поэзія?
Отношеніе ея къ дѣйствительности.
Отношеніе ея къ идеалу.

Изложеніе.

Народное и личное творчество.
Особенности народной поэзіи.
- а) Личность поэта.
- б) Устная передача и ея значеніе.
- в) Фантастическій элементъ.
- г) Безыскусственность.
- д) Языкъ:
  - α) эпитеты,
  - β) метафоры,
  - γ) сравненія,
  - δ) параллелизмы,
  - ε) тропы и фигуры.

Значеніе народной поэзіи.
- а) Эстетическая сторона народной поэзіи.
- б) Нравственная сторона ея.

Заключеніе.

Значеніе изученія народной поэзіи: Народная поэзія, какъ
- а) источникъ для внѣшней исторіи,
- б) изображеніе быта и нравовъ,
- в) предметъ филологическаго изслѣдованія,
- г) памятникъ воззрѣнія народа на самого себя и на все окружающее.

Про Александра Македонскаго существуетъ любопытный разсказъ. Говорятъ, что, стоя на могилѣ Ахилла, онъ позавидовалъ ему въ томъ отношеніи, что Ахиллъ нашелъ въ Гомерѣ поэта, до-

стойнаго воспѣть его подвиги[1]). Этотъ разсказъ свидѣтельствуетъ о томъ, какъ высоко ставили поэзію уже древніе народы. И можетъ-ли это быть иначе? Поэзія есть выраженіе, и при томъ высшее выраженіе человѣческаго духа. Она не представляетъ собою ни просто вымысла безъ всякаго отношенія къ дѣйствительному міру, ни наоборотъ сухого и рабски-точнаго изображенія дѣйствительности. Напротивъ, поэзія это есть примиреніе только-что указанныхъ крайностей, строжайшее соединеніе идеальнаго съ дѣйствительнымъ. Въ этомъ ея заслуга, въ этомъ важнѣйшее ея значеніе.

Всѣ произведенія поэтическаго творчества дѣлятся на двѣ большія группы: въ однихъ авторомъ является цѣлый народъ, въ другихъ—отдѣльное лицо. Первый видъ—народная поэзія—возникла въ пору сѣдой древности, въ эпоху младенчества народа. Въ то время кругозоръ былъ еще такъ узокъ, кругъ понятій до того ограниченъ, что одна личность не могла замѣтно выдаваться надъ остальными, никто не могъ оказаться выше другихъ. Мысль одного была въ то же время мыслью всѣхъ, одно и то же событіе во всѣхъ вызывало одно и то же настроеніе.

Чѣмъ же былъ поэтъ въ такихъ условіяхъ?

Какъ и всякій поэтъ, въ своихъ произведеніяхъ онъ выражалъ свои мысли и чувства, всѣ свои лучшіе, задушевные помыслы, мечты и вѣрованія. Но каждый слушатель находилъ въ этой поэзіи также и *свои* мысли и настроенія, вполнѣ совпадавшія, какъ уже было сказано, съ тѣми, которыя выражены поэтомъ. Такимъ образомъ, народная поэзія—это собственность всѣхъ и каждаго. Кто поетъ пѣсню или разсказываетъ сказку, тому она и принадлежитъ, какъ литературная собственность, потому что онъ и самъ подумалъ бы и сказалъ бы точно такъ же. Пѣвецъ или разсказчикъ что-нибудь иногда прибавитъ и отъ себя, но такъ, что того не замѣтитъ ни онъ самъ, ни другіе и, передавая пѣсню такъ, что въ ней и половины первоначальнаго не останется безъ измѣненій, всѣ разсказчики однако же сохранятъ увѣренность, что «изъ пѣсни слова не выкинешь».

Постепенному измѣненію первоначальнаго текста произведеній народной словесности содѣйствуетъ еще то обстоятельство, что въ эпоху ихъ созданія письменности еще не существуетъ. Переходя съ мѣста на мѣсто, и отъ одного поколѣнія къ другому,

[1]) Ахиллъ — одинъ изъ героевъ Троянской войны. Его подвиги описываются въ «Иліадѣ» Гомера.

при томъ не записанная, а въ устной передачѣ, пѣсня, естественно, удерживала слѣды всѣхъ этихъ странствованій. Перемѣшиваются всѣ историческія и хронологическія данныя—татарское нашествіе (XIII в.) при Владимирѣ Святомъ (X в.),—и даже болѣе того, совершенно измѣняется съ теченіемъ времени отношеніе народа къ изображаемымъ героямъ. Въ эпоху обожествленія мертвой природы[1]) народъ создалъ образъ Святогора[2]) который *въ ту пору* представляется идеаломъ. Но проходятъ годы, идеалы народа измѣняются, его преклоненіе предъ одной только физической силой проходитъ, въ своихъ герояхъ онъ уже хочетъ видѣтъ другія достоинства, и вотъ былина о Святогорѣ получаетъ новый конецъ: народъ, относясь къ Святогору критически, указываетъ на вредъ, который приноситъ ему его сила:

(«А силушка по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается,
Тяжко отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени).

и заставляетъ его погибнуть въ безплодной и безславной борьбѣ съ «маленькой сумочкой переметной».

Воплощая въ своихъ герояхъ все идеальное, все то, чего не доставало людямъ того времени, авторъ—народъ легко впадаетъ въ крайности и преувеличенія *(гиперболы)*. Его богатыри, между плечами у которыхъ «косая сажень», голова «съ пивной котелъ», которые въ возрастѣ «полутора часовъ» говорятъ, «какъ громъ гремитъ» совершаютъ подвиги невѣроятные. Илья Муромецъ, у котораго «силушки половинушка» сравнительно со старшими богатырями, подбрасываетъ своего противника

«Выше дерева стоячаго,
Чуть пониже облака ходячаго»,

отъ свиста Соловья-Разбойника

«Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ».

и т. д. Вообще, громадное воображеніе первобытнаго младенца—народа содѣйствуетъ развитію въ его произведеніяхъ фантастическихъ образовъ.

Еще одно несомнѣнное достоинство народной поэзіи это ея искренность. Истинная поэзія не допускаетъ лжи и притворства; пѣсни народа — произведенія его чувства—не лгутъ. Народъ и самъ сознаетъ это, говоря «пѣснь—быль». И въ са-

[1]) См. сочин. № 2.
[2]) См. сочин. № 9.

момъ дѣлѣ, русская пѣсня выражаетъ чувства невыученныя, движенія души непритворныя, понятія незанятыя. Народъ является въ ней такимъ, какимъ есть: пѣсня—истина.

Съ искренностью соединяется безыскусственность народной поэзіи: все въ ней просто, естественно и непретенціозно. Она не подчиняется никакимъ правиламъ; народъ не придаетъ значенія отдѣлкѣ своихъ произведеній, стараясь лишь передать свои мысли и чувства такъ, какъ звучатъ они въ данный моментъ въ его душѣ.

Но при полной простотѣ, языкъ народныхъ произведеній отличается яркостью, богатствомъ, мѣткостью и поэтичностью. Эти цѣли достигаются обиліемъ эпитетовъ и другихъ фигуръ, разсыпанныхъ во всѣхъ народныхъ произведеніяхъ. Эпитеты народа быстро превращаются въ постоянные, въ такіе, которые неразрывно связываются со своими опредѣленными словами. Таковы эпитеты «зелено вино», «мать — сыра земля», «златъ шеломъ», «красно солнышко» и т. д. Изъ другихъ фигуръ чаще всего употребляются сравненія прямыя

«День за днемъ—какъ трава растетъ,
Недѣля за недѣлей—какъ дождь дождитъ,
А годъ за годомъ—какъ рѣка бѣжитъ»—

и обратныя:

«Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,—
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословеньица».

Сравненія иногда разрастаются въ параллелизмы:

«А и на небѣ просвѣтя свѣтелъ мѣсяцъ,
А въ Кіевѣ родился могучъ богатырь,
Какъ-бы молодой Волкъ Всеславьевичъ».

Нерѣдко встрѣчаются и другіе тропы и фигуры.

Произведенія народной поэзіи имѣли для своего времени громадное значеніе. Питая его эстетическое чувство, давая удовлетвореніе тому стремленію къ изящному и прекрасному, которое врождено всему человѣчеству, поэзія въ то же время дополняетъ все нравственное существо народа, потому что въ ней народъ находитъ уже готовое выраженіе тѣхъ сокровенныхъ духовныхъ началъ, которыя ему самому становятся доступны и ясны только въ этой внѣшней, уже установившейся, окрѣпшей формѣ.

И для современнаго историка народныя пѣсни являются чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ.

1) Какъ лѣтописи событій, источники для внѣшней исторіи, по которымъ историкъ можетъ узнавать и объяснять происшествія прошедшихъ временъ. Въ этомъ отношеніи достоинство пѣсенъ еще не такъ велико; во-первыхъ потому, что сюда принадлежатъ только такъ называемыя историческія пѣсни (примѣръ—«Пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ» [1]), во-вторыхъ потому, что цвѣтъ фантазіи часто отодвигаетъ на задній планъ историческую истину (примѣръ—историческая пѣсня «О нашествіи татаръ» [2]).

2) Какъ изображеніе народнаго быта, источникъ для внутренней исторіи, по которымъ историкъ можетъ судить объ устройствѣ общественномъ, о семейномъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и т. п. Въ этомъ отношеніи пѣсня имѣетъ уже большія достоинства, но представляетъ также недостатки именно потому, что тѣ черты, которыхъ будетъ искать историкъ, являются часто неясными, отрывочными и требуютъ дополненій и критики.

3) Какъ предметъ филологическаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи пѣсни для историка драгоцѣнность: однако, значеніе ихъ здѣсь частно и касается преимущественно исторіи развитія языка, а не вообще народа.

4) Какъ памятники воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее. Это самое важнѣйшее и непреложное достоинство пѣсенъ. Здѣсь не нужно даже никакой критики лишь бы пѣсня была народнымъ произведеніемъ. Жизнь со всѣми ея явленіями истекаетъ изъ внутренняго самосозерцанія человѣческаго существа. На этомъ основано то, что мы называемъ характеромъ: особенный взглядъ на вещи, который имѣетъ какъ всякій человѣкъ, такъ и всякій народъ, составляетъ его міросозерцаніе. Взглядъ этотъ находитъ себѣ самое полное отраженіе въ художественномъ творчествѣ народа.

2. Періоды въ развитіи народной словесности.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Народная поэзія, какъ отраженіе народнаго міросозерцанія.

Изложеніе.

Періоды въ народной жизни.

---

[1]) См. сочин. № 23.
[2]) См. сочин. № 23.

А. Миѳическій.

а) Миѳъ и миѳологія.
б) Идея о Высшемъ существѣ.
   α) Отраженіе въ ней окружающей природы
   β) и народнаго быта.
в) Стихійное значеніе миѳическихъ божествъ.
г) Антропоморфизмъ.
д) Нравственное значеніе божества.
е) Сверхъестественное, какъ отличительная черта миѳическаго періода народной жизни.
ж) Вліяніе миѳа на народную жизнь:
   α) религіозные обряды,
   β) произведенія искусствъ,
   γ) поэзія:
      α′) обрядовыя пѣсни,
      β′) сказки,
      γ′) заговоры,
      δ′) заклятія,
      ε′) отдѣльныя поэмы.

Б. Героическій.

а) Борьба народа
   α) съ природой,
   β) съ сосѣдними племенами.
б) Герои этой борьбы:
   α) герои—идеалъ
      α′) физическихъ и
      β′) нравственныхъ качествъ;
   β) отношеніе героевъ къ богамъ,
   γ) сверхъестественныя свойства и формы дѣятельности.
в) Сказанія о героическомъ періодѣ.

В. Историческій.

а) Переходъ отъ племеннаго быта къ гражданскому.
б) Миѳъ и исторія.
в) Эпопея и исторія.
г) Наука.

Заключеніе.

Три періода русской народной словесности

а) миѳическій—обрядовыя пѣсни,
б) героическій—былины,
в) историческій—историческія пѣсни.

Если мы изучаемъ какую-либо эпоху изъ прошлаго народа, то источники, которыми мы пользуемся, бываютъ весьма различны. Есть періодъ, для которыхъ мы имѣемъ очень обильный и разнообразный матеріалъ въ ихъ историческихъ произведеніяхъ и лѣтописяхъ, въ ихъ научныхъ и художественныхъ твореніяхъ, въ памятникахъ ихъ живописи, скульптуры, зодчества и т. д. Чѣмъ далѣе мы отходимъ въ глубь вѣковъ, тѣмъ менѣе обильнымъ и достовѣрнымъ становится матеріалъ: памятники искусствъ исчезли отъ руки всесокрушающаго времени, наука неразвита и не получила распространенія, лѣтописи, какъ историческій документъ, страдаютъ важными недостатками и въ большей степени не дошли до насъ. Наконецъ, углубляясь все дальше и дальше, мы дойдемъ до той поры, когда письменности у народа совершенно не было. Для этого періода почти единственнымъ нашимъ источникомъ являются произведенія устной народной словесности. Но, такъ какъ въ этихъ произведеніяхъ очень ярко и полно отразилось все народное міросозерцаніе[1]), то на основаніи ихъ мы можемъ составить себѣ вполнѣ опредѣленное представленіе о состояніи народа въ тѣ безконечно-отдаленныя отъ насъ времена.

Самый древній, первоначальный періодъ народной жизни это тотъ, когда создаются миѳы, т.-е. сказанія, въ которыхъ народы изображаютъ происхожденіе, характеръ и дѣятельность боговъ, а также происхожденіе міра и людей. Совокупность этихъ сказаній составляетъ миѳологію, выражающую религіозныя вѣрованія народа. Всѣ народы одинаково пришли къ мысли о Высшемъ Существѣ. Но, такъ какъ каждый народъ воплотилъ въ немъ окружающую его природу, то представленія о божествѣ у нихъ очень неодинаковы. Изъ различія странъ занятыхъ тѣми или иными народами, и народнаго быта происходитъ то рѣзкое различіе, которое мы находимъ между миѳами отдѣльныхъ народовъ. Но всѣ языческіе народы, при всемъ различіи своей миѳологіи, сходятся въ томъ, что въ образахъ боговъ и богинь воплощаютъ и олицетворяютъ самыя стихіи и силы при-

[1]) См. сочиненіе № 1

роды, ихъ производящія. Стихійныя божества это боги и богини неба, солнца, земли, воды, огня, грома и молніи и т. п. Отъ нихъ народъ производитъ и имъ подчиняетъ какъ все въ природѣ, такъ и свою жизнь и свои собственныя духовныя и тѣлесныя совершенства. Этотъ первый періодъ въ жизни народа называется миѳическимъ.

Значеніе божествъ измѣняется и расширяется въ эпоху такъ называемаго антропоморфизма, когда точнѣе устанавливается отношеніе боговъ къ людямъ и богослуженіе. Для послѣдней цѣли нужно придать богамъ опредѣленную форму, и такой формой является обыкновенно человѣческая. Вмѣстѣ съ внѣшними чертами человѣка божество обыкновенно получаетъ и свойства человѣческія, и самый образъ ихъ жизни и дѣятельности слагается въ народномъ воображеніи по образу жизни и дѣятельности человѣка. Къ прежнему стихійному значенію божествъ присоединяется нравственное: божества становятся олицетвореніемъ разныхъ нравственныхъ качествъ; являются боги и богини знанія, мудрости, справедливости и другихъ качествъ; устроители и покровители земледѣлія и ремеслъ, наукъ и искусствъ. Тѣмъ болѣе, конечно, каждое замѣчательное, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, дѣйствіе человѣка совершается непремѣнно съ помощью боговъ. Поэтому чудное, или сверхъестественное, составляетъ отличительный характеръ миѳическаго періода народной жизни.

Обнимая собой въ этотъ періодъ всѣ стороны народной жизни, миѳы, естественно проникаютъ глубоко въ жизнь народную; они даютъ содержаніе религіознымъ обрядамъ, служатъ предметомъ произведеній искусствъ, особенно пластическихъ, выражаются въ поэзіи—въ гимнахъ (у грековъ) или религіозныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ (у насъ), въ сказкахъ, заговорахъ заклятіяхъ и въ отдѣльныхъ поэмахъ. Такъ тѣсно связанные со всѣми явленіями народной жизни, миѳы долго не уничтожаются въ народѣ и послѣ принятія имъ новой религіи; поэтому въ низшихъ классахъ почти каждаго христіанскаго народа еще до сихъ поръ сохраняются остатки языческихъ суевѣрій, праздниковъ и обрядовъ; поэтому и въ произведеніяхъ народной словесности *христіанскихъ* временъ съ *христіанскимъ* содержаніемъ мы встрѣчаемъ очень много миѳической или

языческой примѣси (напр., въ извѣстныхъ апокрифическихъ сказаніяхъ[1]), духовныхъ стихахъ[2]) и легендахъ.

Героическимъ періодомъ называютъ первыя времена въ исторіи каждаго государства. Все вниманіе народа въ этотъ періодъ сосредоточивается на тяжелой и упорной борьбѣ, которую ему приходится выдержать. Съ одной стороны многочисленные сосѣди, всегда готовы разгромить и поглотить болѣе слабаго; съ другой, сама природа кажется непреодолимой силой слабому и невооруженному человѣку, который мечтаетъ о томъ, чтобы

«Сѣрымъ волкомъ рыскать по чистымъ полямъ,
Сизымъ орломъ подъ облаки,
Рыбой-щукою по синимъ морямъ»,

т. е. мечтаетъ о силѣ, которая была бы равна силѣ его противника, живой природы.

Эпизоды изъ этой борьбы навсегда остаются въ памяти народа; фантазія украшаетъ ихъ различными вымыслами, лица, участвовавшія въ нихъ, являются героями, въ которыхъ народъ воплощаетъ свои идеалы красоты, силы и храбрости, хитрости, ловкости, терпѣнія и другихъ физическихъ и нравственныхъ качествъ. Въ то же время герои тѣсно связаны съ божествами предыдущаго періода. Герои обыкновенно божественнаго происхожденія находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ богами, своими покровителями. Отсюда преобладаніе чудеснаго и въ этомъ періодѣ: черты боговъ переносятся на героевъ, которые поэтому всегда представляются несравненно выше обыкновеннаго человѣческаго роста и уподобляются божеству (эпитеты греческаго народнаго эпоса — божественный, богоравный, богоподобный). Подчасъ и они, какъ боги, являются олицетвореніемъ стихійныхъ силъ природы. Сказанія о героическомъ періодѣ выражаются въ героическихъ пѣсняхъ, изъ коихъ образуются потомъ у нѣкоторыхъ народовъ обширныя героическія поэмы.

Историческій періодъ въ народной жизни начинается съ того времени, когда народъ изъ племеннаго быта переходитъ въ гражданскій, образуя изъ себя общество съ опредѣленными формами государственной жизни, и когда факты этой жизни заносятся на страницы исторіи. По мѣрѣ того, какъ

[1]) См. сочин. № 25.
[2]) См. сочин. № 25.

человѣкъ знакомится съ природой, вѣра въ чудесное ослабѣваетъ; явленія природы и событія въ жизни людей представляются въ болѣе правильномъ видѣ. Является потребность дать разумное объясненіе тѣхъ и другихъ. Миѳъ и эпопею смѣняетъ исторія; прежнія фантастическія теоріи міра и вещей—наука.

Всѣ указанные три періода народной поэзіи не могли не отразиться и въ русскомъ устномъ народномъ творчествѣ. Миѳическій періодъ обусловливаетъ появленіе обрядовыхъ пѣсенъ, сказокъ, заговоровъ и пр.[1]). Героическій періодъ вызвалъ къ жизни нѣсколько цикловъ былинъ[2]). Наконецъ, историческій періодъ съ его новыми запросами и стремленіями нашелъ себѣ отраженіе въ историческихъ пѣсняхъ[3]).

3. Слѣды язычества въ русскихъ обрядахъ и народныхъ пѣсняхъ.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Миѳическій періодъ народной жизни.

Его главнѣйшія особенности:

а) стихійное значеніе божествъ,

б) антропоморфизмъ,

в) нравственное значеніе божества,

г) сверхъестественное, какъ необходимый элементъ миѳологіи.

См. сочин. № 2 **Изложеніе** *А.*

Изложеніе.

А. Религія древнихъ славянъ.

а) Вліяніе природы на религію.

См. сочин. № 2 **Изложеніе** *А бα.*

б) Природа, окружавшая славянъ:

α) пустынная степь,

β) спокойствіе ландшафта,

γ) отсутствіе работы для воображенія.

[1]) См. сочин. № 3

[2]) См. сочин. № 8.

[3]) См. сочин. № 22.

в) Главные боги:
α) Перунъ,
β) Дажьбогъ или Хорсъ,
γ) Стрибогъ.

Б. Обряды и праздники въ чєсть бога Солнца.

а) Борьба свѣта съ тьмой:
α) день и ночь,
β) лѣто и зима.
б) Праздники въ важнѣйшіе моменты борьбы:
α) Коляда.
α′) Значеніе.
(поворотъ отъ зимы къ лѣту).
β′) Обряды
α″) колядованія,
β″) святочныхъ гаданій,
γ″) переряживаній.
β) «Красная горка»
α′) Значеніе.
(Приходъ весны и начало новой жизни).
β′) Обряды
α″) хороводъ,
β″) тризна.
γ) «Семикъ».
α′) Значеніе
(Побѣда свѣта надъ тьмой).
β′) Обряды.
δ) Праздникъ Купалы.
α′) Значеніе
(Высшій блескъ лѣтняго солнца).
β′) Обряды:
α″) зажиганіе огней,
β″) прыганіе черезъ огонь
(въ знакъ очищенія).
γ″) исканіе кладовъ,
δ″) купаніе въ рѣкѣ.

В. Пѣсни, сопровождающія обряды.

а) «Колядки».
б) Хороводныя пѣсни.
(Дидъ-Ладо, Лель).

в) «Семицкія» пѣсни.

г) «Купальныя» пѣсни.

Заключеніе.

Слѣды двоевѣрія въ позднѣйшемъ, христіанскомъ періодѣ жизни народа.

4. Загадки и пословицы.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Опредѣленіе загадки и пословицы.

Вліяніе внѣшнихъ условій на созданіе загадокъ и пословицъ.

Изложеніе.

Отпечатокъ миѳической давности въ загадкахъ.

Загадки позднѣйшія.

Характерныя особенности загадокъ:

а) иносказательная форма,

б) образный языкъ.

Главнѣйшія наслоенія въ загадкахъ:

а) охотничій и пастушескій бытъ,

б) земледѣльческій бытъ,

в) христіанскій періодъ.

Главнѣйшіе періоды въ развитіи пословицы:

а) миѳологическій,

б) историческій.

Заключеніе.

Судьбы загадки и пословицы.

Происходя изъ одного и того-же источника, изъ народнаго опыта и житейской мудрости, возникнувъ и развиваясь въ одно и то же время, пословицы и загадки заключаютъ тѣмъ не менѣе много чертъ различія между собой. Постараемся показать, въ чемъ это различіе заключается.

Въ загадкѣ отразились взгляды народа на природу и окружающую обстановку; въ пословицахъ—вся житейская мудрость и нравственная физіономія простолюдина.

Загадка имѣетъ своей цѣлью въ *аллегорической, иносказательной* формѣ изобразить окружающую народъ обста-

новку. «Кои два супостата препираются?» спрашиваетъ старинная народная загадка, и тутъ же сама отвѣчаетъ: «День и ночь». Такимъ образомъ, цѣль замѣнить одни образы другими, въ нѣкоторыхъ чертахъ соотвѣтствующими, открываютъ просторъ творческой фантазіи автора-народа.

Значеніе пословицы иное: она ставитъ себѣ цѣлью дать въ самой краткой формѣ изреченіе, заключающее въ себѣ мысль общаго характера. Отсюда пословица заключаетъ въ себѣ свидѣтельство о здравомъ смыслѣ, о критикѣ народа. Разница громадная, которая сказалась въ развитіи обоихъ видовъ.

И пословицы и загадки носятъ на себѣ явные слѣды окружающей природы и обстановки народа, создавшаго ихъ. Загадка про кедръ могла сложиться только тамъ, гдѣ онъ росъ; изреченія, полныя свободолюбія или приниженности—лишь тамъ, гдѣ эти качества вошли въ характеръ сложившаго ихъ народа.

Происхожденіе загадки относится къ темной древности, къ тому времени, когда человѣкъ смотрѣлъ на природу, какъ на что-то живое, когда явленія ея были для него подавляющей, страшной тайной. Олицетворяя ихъ, дикарь первобытныхъ временъ слагалъ свой образный миѳъ, и многія изъ загадокъ носятъ на себѣ несомнѣнный отпечатокъ этой миѳической давности. Древнѣйшія изъ нихъ сохраняютъ еще слѣды охотничьяго и пастушескаго быта, когда дикарь-человѣкъ почти не зналъ вещей и обстановки, весь зависѣлъ отъ природы той мѣстности, на которой ловилъ стада и пасъ звѣрей. Небесныя свѣтила и другія явленія природы—вотъ содержаніе загадокъ этого періода. Слѣдующее наслоеніе представляютъ загадки быта осѣдлаго, земледѣльческаго. Теплое жилье, хозяйство и орудія земледѣлія, большее и болѣе тѣсное общеніе съ себѣ подобными вызвало новый рядъ иносказательныхъ представленій, опредѣленій одного предмета другимъ по какому-либо сходному признаку. Христіанство и грамота отложили одно изъ послѣднихъ наслоеній; творчество дѣтей внесло также свою дань.

Пословицы также весьма древняго происхожденія. Но пословицы миѳическаго происхожденія уже давно утратили свое собственное, настоящее значеніе, удержавъ за собой только смыслъ переносный. Такъ, напримѣръ, кто скажетъ теперь

пословицу: «Солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ,» — тому ужъ никакъ не можетъ прійти въ голову, что солнце есть особое существо изъ природы божествъ и притомъ именно богиня, на которую первоначально и намекаетъ пословица. Потому, обыкновенно къ миѳическимъ пословицамъ причисляютъ ихъ гораздо меньше, чѣмъ слѣдовало бы. Нѣкоторыя пословицы, впрочемъ, не допускаютъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Сюда относятся тѣ, въ которыхъ миѳическое божество замѣняется словами: врагъ, бѣсъ, чортъ или же намѣренно уничижается: какъ напр. «взялъ боженьку за ноженьку да и объ полъ».

Ко второму, историческому періоду относится рядъ пословицъ, собственно историческихъ, пріуроченныхъ къ какому-нибудь историческому факту, лицу или учрежденію. Нѣкоторыя такія народныя изреченія встрѣчаются еще въ Несторовой лѣтописи[1]) Сюда же принадлежатъ и пословицы, заключающія въ себѣ намеки и событія даже ближайшаго времени: пословицы о татарской неволѣ: «Постой, татаринъ! дай саблю вынуть», о бѣлой дани: «будто бѣлую дань платитъ», о мѣстничествѣ: «по имени тебѣ можно мѣсто дать, по изотчеству можно пожаловать», о Великой Сѣверной и Отечественной войнахъ и т. д.

Судьбы пословицы и загадки въ позднѣйшее время совершенно различны. Пословицы нашли многочисленныхъ собирателей и изслѣдователей, въ то время какъ загадки собирали въ небольшомъ количествѣ, считая ихъ пустой дѣтской забавой въ словѣ. Между тѣмъ загадки гораздо легче собирать, чѣмъ пословицы. Пословица говорится къ слову, за ней нужно слѣдить въ разговорѣ. Понятно, что никто не станетъ высказывать внутреннихъ убѣжденій безъ всякаго повода: душа человѣка не открыта первому встрѣчному, и для отысканія новой пословицы нужно разговориться съ простымъ человѣкомъ; загадку же скажетъ всякій знающій, каждый ребенокъ: стоитъ лишь заговорить, возбудить любознательность, которая направлена, какъ извѣстно, въ ранніе годы больше на конкретныя понятія, какъ болѣе доступныя, въ зрѣлыя—на понятія отвлеченныя.

[1]) См. сочиненіе № 40.

5. Русскій народъ въ своихъ пословицахъ.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Произведенія народнаго творчества, какъ матеріалъ для изученія народнаго міросозерцанія.

См. сочин. № 1. Заключеніе г.

Изложеніе.

Міросозерцаніе русскаго народа по его пословицамъ.

А. Религіозныя воззрѣнія.

а) Пословицы языческія и

См. сочин. № 4

б) христіанскія:

α) вѣра въ судьбу

[«Отъ судьбы не уйдешь», «Чему быть, того не миновать», «Солдату умереть въ полѣ, матросу въ морѣ»],

β) вѣра въ Бога, какъ въ Промыслителя

[«Безъ Бога ни до порога, а съ Богомъ хоть за море», «Другъ объ другѣ, а Богъ обо всѣхъ», «Дай Богъ умереть, да дай Богъ покаяться»],

γ) вѣра въ Бога, какъ въ высшаго Судью

[«Богъ правду видитъ, да не скоро скажетъ», «Не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ»],

δ) вѣра въ милость Божію

[«У Бога милости много», «Человѣкъ съ лихостью, а Богъ съ милостью»],

ε) необходимость такой милости для грѣшнаго человѣка.

[«Грѣхъ сладокъ, и человѣкъ падокъ», «Чертъ безсиленъ, да батракъ его силенъ»].

Б. Нравственность.

а) правда и кривда.

[«Лучше правдой терпѣть, чѣмъ кривдой вертѣть», «Рать стоитъ до міра, ложь до правды» «Правда свѣтлѣе солнца», «На правду суда нѣтъ»],

б) богатство и бѣдность

[«Голенькій охъ! а за голенькимъ Богъ», «Богатый совѣсти не купитъ, а свою загубитъ»],

в) трудъ и праздность

[«Терпѣнье и трудъ все перетрутъ», «Терпи, казакъ: атаманомъ будешь»],

г) жизнь

[«Жить—Богу служить», «жизнь пережить - не поле, зарейти», «Что мучитъ, то и учитъ»].

128915.

БИБЛИО

В. Отношеніе къ царю и родинѣ.

а) Преклоненіе передъ царемъ

[«За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ», «Русскимъ Богомъ да русскимъ царемъ святорусская земля стоитъ»].

б) Любовь къ родинѣ

[«Родимая сторона — мать, чужая — мачеха», «Всякому мила его сторона»].

в) Преклоненіе передъ закономъ

[«Не долго той землѣ стоять, гдѣ учнутъ уставы ломать», «Законъ преступить, въ тьму поступить»].

г) Исполнители закона

[«Законы то святы, да исполнители лихіе супостаты», «Не бойся закона, бойся судей», «Передъ Богомъ ставь свѣчку, предъ судьей мѣшокъ», «Что мнѣ законы, были бы судьи знакомы»].

Г. Общественныя и семейныя отношенія.

а) Общественныя

[«Міръ - великъ человѣкъ», «Міръ зѣвнетъ камень треснетъ», «Ты за міръ, и міръ за тебя», «Не купи двора, купи сосѣда», «Безъ брата проживу, а безъ сосѣда не проживу»].

б) Семейныя

α) Отецъ

[«Отецъ въ дому, что ханъ въ Крыму»].

β) Жена

[«Не надобенъ и кладъ, коль у мужа съ женой ладъ», «Жена моя —полъ-села для меня», «Жену не бить — милу не быть»].

γ) Дѣти

[«Дѣти—благодать Божья», «Дитя хоть криво, да отцу-матери мило»].

Заключеніе.

Значеніе пословицъ.

6. Положеніе женщины по русскимъ пѣснямъ.

Доля ты русская! долюшка женская!
Врядъ-ли труднѣе сыскать.
(*Некрасовъ*).

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Русская народная поэзія.

Дѣленіе ея.

а) Эпосъ.
б) Лирика.
в) Драма.

Лирическій характеръ бытовыхъ пѣсенъ.

Свадебныя пѣсни.

Изложеніе.

Положеніе женщины по бытовымъ и свадебнымъ пѣснямъ.

а) Дѣвушка.
   α) «Вольная волюшка»,
   β) Положеніе въ семьѣ.
   γ) «Милъ другъ».
б) Невѣста.
   Три формы брака:
   α) Умыканіе.
   β) Купля.
   γ) Согласіе жениха и невѣсты.
в) Жена.
   α) Отношеніе къ мужу,
   β) къ роднымъ мужа.
   γ) Положеніе въ новой семьѣ.

Заключеніе.

Положеніе женщины по пѣснямъ и пословицамъ.

См. сочин. № 5.

Вліяніе татарскаго ига на положеніе женщины.

Въ настоящее время трудно найти нѣсколькихъ людей, у которыхъ были бы въ одинъ и тотъ же моментъ одинаковыя чувства, одинаковые взгляды и настроенія, характеры которыхъ во всемъ совпадали бы между собой. Но не то было когда то. Въ пору дѣтства народа отношенія людей были такъ несложны, кругъ ихъ мысли, ихъ дѣйствія такъ ограниченъ, что всѣ люди думали и чувствовали совершенно одинаково. Это сказалось и на развитіи словесности: теперь писатель — это человѣкъ, стоящій головой выше толпы, его вдохновенному духу внятно то, чего обыкновенные люди совершенно не замѣчаютъ. Онъ слышитъ и понимаетъ «сверхчувственное»:

... «Неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье».

Въ свои произведенія онъ и влагаетъ всѣ свои мысли о видѣнномъ, слышанномъ и перечувствованномъ.

Не то было въ древности. Всѣ люди тогда были одинаковы. То, что сказалъ одинъ, легко могъ сказать и всякій другой; мысли *каждаго* были мыслями *всѣхъ*. Такимъ образомъ, въ ту пору не могло быть такихъ произведеній, которыя выражали бы мысли и чувства отдѣльнаго лица; но каждое произведеніе являлось выраженіемъ чувства *всего* народа, и по справедливости можетъ быть названо произведеніемъ народной словесности.

Какъ и новая литература, народная словесность раздѣляется на три большія группы: къ первой группѣ относятся произведенія, изображающія *событія внѣшняго міра* (эпосъ), ко второй тѣ, которыя изображаютъ *внутренній міръ* автора-народа (лирика), къ третьей тѣ, въ которыхъ соединяются оба первые вида и всѣ событія изображаются *въ лицахъ*, а авторъ нигдѣ не выступаетъ, какъ говорящее лицо (драма). Въ то время, какъ русская народная драма находилась въ зачаточномъ состояніи, эпическія (былины) и лирическія произведенія получили въ русской народной поэзіи большое и разностороннее развитіе.

Тонъ русской народной пѣсни — грустный, тоскливый до крайности. На это указываетъ Пушкинъ, когда въ «Евгеніи Онѣгинѣ» писалъ:

«Отъ ямщика до перваго поэта
Мы всѣ поемъ уныло».

Такой характеръ нашей народной пѣснѣ придала — съ одной стороны—равнинная, по большей части, степная природа Россіи, невольно наводящая на душу тоску и уныніе Съ другой стороны, жизненныя, историческія причины, вслѣдствіе которыхъ сложился русскій народный бытъ, съ его семейнымъ деспотизмомъ, съ подчиненіемъ женщины грубой власти мужчины, также наложили печать глубокой тоски на нашу народную пѣсню.

Особенно видна эта тяжкая, безысходная печаль – какъ видно изъ сказаннаго — въ пѣсняхъ семейныхъ, дѣвичьихъ, свадебныхъ и т. п. Остановимся на нихъ и прослѣдимъ по нимъ положеніе русской женщины въ разные моменты ея жизни.

Безотрадно и горько оно! Всѣ пѣсни этого рода полны глубокой, за душу хватающей скорби. Въ каждомъ словѣ ихъ

слышны «слезы горючія», которыя «какъ рѣка льются, какъ ручей текутъ».

«Не наполнишь ты синя моря слезами»

говорится въ одной изъ пѣсенъ.

До тѣхъ поръ только и живется женщинѣ привольно, пока она не замужемъ. Она наслаждается полной свободой, «вольной волюшкой». Ея пѣсни этого момента отличаются нѣжностью, а иногда и удивительной силой чувства. Это чувство проявляется особенно тогда, когда въ сердцѣ молодой дѣвушки впервые пробуждается любовь. Душа ея полна неясными предчувствіями:

«Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ».

Она всегда хранитъ вѣрность къ «милу другу»:

«Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками...»

Участь дѣвушки, оставленной другомъ, пѣсня сравниваетъ съ участію горемычной кукушки, у которой соколъ разорилъ гнѣзда и разогналъ дѣтушекъ.

Но вотъ счастливая пора дѣвичества прошла, и дѣвушка стоитъ на порогѣ новой жизни: ей пріискиваютъ жениха,—вотъ она уже невѣста; здѣсь начинается полное тяжелыхъ страданій житье женщины, которая въ пѣсняхъ сравнивается съ «тонкою, бѣлою, кудреватою березою, которую ни солнышко ни мѣсяцъ не грѣютъ, не усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями да ломитъ буйнымъ вѣтромъ!»

Въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ мы находимъ три наслоенія, которыя указываютъ намъ на три періода въ исторіи взаимоотношеній между родами. Первая, древнѣйшая, форма брака это умыканіе невѣсты женихомъ и его товарищами. Такая форма могла возникнуть только тогда, когда никакихъ другихъ сношеній между родами не было, кромы военныхъ. Никогда родъ не отдалъ бы добровольно свою женщину на чужую сторону. Оставался лишь одинъ исходъ взять ее силой. Изъ существующаго еще въ настоящее время свадебнаго обряда можно выдѣлить много штриховъ, указывающихъ на борьбу между обоими родами: сваты, хитростью проникающіе въ домъ не-

вѣсты, распорядитель свадебнаго поѣзда—«тысяцкій», сопровождаемая выстрѣлами борьба за дѣвушку—все это теперь шутки, но все это было правдой въ эпоху далекаго прошлаго.

Изъ свадебныхъ пѣсенъ мы можемъ сдѣлать тѣ-же выводы. Такова пѣсня, гдѣ дѣвушка жалуется, что видѣла страшный сонъ: высокую гору, надъ ней орелъ держитъ въ когтяхъ лебедушку. Подъ горой растутъ лѣса и крапива; въ лѣсахъ она видитъ медвѣдя съ медвѣдицей. Вотъ какъ толкуетъ дѣвушка свой сонъ:

«Эта гора-то высокая,
Чужа дальня сторона.
А орелъ птица острая—
Чужой это чужанинъ;
Онъ въ когтяхъ держитъ лебедушку
Да меня молодешеньку.
А лѣса растутъ темные
Чужи люди незнаемые.
Что медвѣдь со медвѣдицей—
Богоданный-то батюшка,
Съ богоданною матушкой;
Шипица колючая—
Богоданны милы братцы;
Крапива-то жгучая—
Богоданныя сестрицы».

Въ другой пѣснѣ дѣвушка говоритъ о пріѣздѣ жениха въ такихъ выраженіяхъ:

«Вотъ пріѣхалъ *погубитель* мой,
Вотъ пріѣхалъ *разоритель* мой,
Вотъ пріѣхалъ *расплети косу*,
Вотъ пріѣхалъ *погуби красу*».

Подчасъ такое замужество ведетъ къ гибели не только дѣвушки, но и всего ея рода:

«... быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному,
Волюшкѣ быть во неволюшкѣ».

Проходятъ годы. Роды сближаются между собой. Еще не прекратились войны между ними, но уже въ мирное время возникаютъ другія сношенія, главнымъ образомъ, торговыя. Но взглядъ на женщину, какъ на предметъ, еще не измѣнился: теперь, какъ и раньше, она оцѣнивается съ точки зрѣнія пользы, приносимой ею въ хозяйствѣ, въ тяжелыхъ полевыхъ работахъ. Разница лишь та, что раньше эту необходимую вещь можно было похитить у ея законнаго собственника, чу-

жого и враждебнаго рода, теперь же такое похищеніе нарушило бы съ трудомъ установившіяся добрососѣдскія отношенія. И вотъ жизнь создаетъ новую форму брака, бракъ куплю-продажу.

И опять таки нетрудно отмѣтить въ нынѣшнемъ свадебномъ ритуалѣ черты, ведущія свое происхожденіе отъ этого періода. Сюда относятся традиціонные переговоры сватовъ, содержаніе которыхъ сводится къ извѣстному выраженію: «У васъ товаръ, у насъ купецъ», обычай ударять по рукамъ при окончательномъ соглашеніи между сватами и родителями невѣсты, обычай, обязательный при каждомъ актѣ купли-продажи, и т. д. Многія изъ бытовыхъ пѣсенъ также относятся къ этой именно формѣ брака. Такова пѣсня, гдѣ дѣвушка, обращаясь къ отцу и братьямъ, прося ихъ не льститься ни на деньги, ни на вино, и не отдавать ее замужъ за нелюбимаго человѣка. Ставши предметомъ торговли, невѣста хочетъ, по крайней мѣрѣ, быть дорогимъ предметомъ, и говоритъ.

«Просите вы за меня сто рублей,
За красу мою тысячу,
За мою косыньку смѣты нѣтъ».

Но просьбы дѣвушки оставляются безъ вниманія. «Свѣтелъ мѣсяцъ—родимый батюшка» и «красно солнышко родима матушка» «запоручили дѣвицу красную за поруки крѣпкія, за замки вѣковѣчные, на чужую сторону», которая, въ понятіяхъ дѣвушки, «горемъ горожена, а печалью усожена, слезами поливана, тоскою покрывана». Самая сцена продажи дѣвушки изображается въ одной изъ пѣсенъ такъ:

«Наѣхали сваты большіе,
Выводили надежу свѣта батюшка
На новы сѣни, на рѣшетчаты,
Стали спрашивать про бѣлую лебедушку
Оцѣнять стали бажону вольну волюшку.
Сговорилъ же свѣтъ родитель мой, батюшка:
Это волюшка—во сто рублей,
Руса косынька—во тысячу,
А красной дѣвушкѣ и цѣны нѣтъ!
Но лукавъ былъ злодѣй—большой сватъ,
Онъ близешенько ко родителю двигается,
Низешенько ему да поклоняется,
Самъ сулитъ ему, да засуливаетъ
Сорокъ ведеръ зелена вина,
Сорокъ бочекъ пива пьянаго.
На томъ мои родители окинулись.

Промѣняли мою вольную волюшку,
Какъ на этое, на сладко-зелено вино.
Пропились, да промотались—
Прогуляли мою волюшку».

Лишь немногія пѣсни, относящіяся къ позднѣйшему времени, говорятъ о бракѣ по добровольному, не вынужденному покорностью родительской волѣ, соглашенію жениха и невѣсты. Дѣвушка выражаетъ опасеніе о «поѣздѣ» жениха:

«Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ домой не воротился».

Тутъ все сердце молодой дѣвушки отдано будущему мужу. Она поитъ, кормитъ коней его, приговаривая:

«Пейте вы, ѣшьте, кони мои,
Завтра пораньше свезите меня
Далѣ по-далѣ отъ батюшки.
Ближе по-ближе къ свекру на дворъ».

Такія пѣсни, однако, какъ уже сказано, являются исключеніемъ; почти всѣ дѣвичьи и женскія пѣсни проникнуты жалобой женщины на ея печальное положеніе въ семейномъ быту. А положеніе ея дѣйствительно было крайне безотраднымъ.

Въ первый періодъ она чувствовала себя среди враговъ: и мужъ для нея «чужъ чужанинъ», и родители его «медвѣдь съ медвѣдицей» а братья и сестры его—«шипица колючая» и «крапива жгучая». И это насъ нисколько не удивитъ, если мы вспомнимъ, что она взята изъ чужого, часто враждебнаго рода, взята насильно, что похищеніе ея, быть можетъ, сопровождалось кровопролитіемъ. Но въ этотъ періодъ она находитъ себѣ поддержку въ мужѣ. Мужъ выбиралъ ее, она произвела на него хорошее впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ своей наружностью. Не то видимъ мы во второй періодъ. Здѣсь и мужъ является такой же жертвой сыновняго послушанія, какъ и жена. Они навязаны одинъ другому, и о любви между такой четой не можетъ быть и рѣчи. Мужъ также страдаетъ. «Злодѣй-тоска» падаетъ на «сердце молодецкое», какъ «туманъ на сине море»; добрый молодецъ «во слезахъ родится, въ слезахъ крестится, и всю жизнь, какъ былинушка, въ чистомъ полѣ шатается его бѣдная головушка». Онъ допытывается у матушки о своей судьбѣ и говоритъ:

«Я съ дороженьки, добрый молодецъ, ворочуся,
Государыни, моей матушки, спрошуся:
Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?»

Но счастье-то молодцу не досталось въ удѣлъ: посѣдѣла его головушка, «не отъ времени, не отъ лѣтъ, все отъ безвременья». И добрый молодецъ, чтобы подавить свою злодѣйтоску, предается грубому разгулу, топитъ свое горе въ «зеленѣ винѣ» и говоритъ въ пѣснѣ:

«Да спасибо-же тебѣ синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску-кручину».

Понятно, что онъ также враждебно относится къ женѣ. Ей приходится свыкаться съ мужниным умомъ-разумомъ и обычаемъ молодецкимъ», иначе ее ждутъ побои отъ мужа, «шелкова плетка», которою, «первый разъ ударитъ, такъ семь рубцовъ, другой разъ—такъ четыренадцать», по словамъ одной пѣсни. Не лучше относятся къ ней и другіе члены семьи. Тутъ и «свекоръ и свекровь лютые», и «золовки смутлизыя», и «деверья пересмѣшливые»; тутъ всѣ съ ней не ласковы, всѣ ею понукаютъ; тутъ она должна учиться привыкать къ той страдательной покорности, про которую говорится въ пѣснѣ «держи голову поклонную, а сердце покорное».

При такихъ условіяхъ женщина быстро старѣется. Въ одной пѣснѣ изображается встрѣча матери съ дочерью черезъ три года послѣ замужества послѣдней. Мать не узнаетъ дочери и спрашиваетъ «Что это за баба? Что за старуха?» И дочери приходится такъ объяснить, куда дѣвалось ея бѣлое тѣло и алый румянецъ:

«Бѣлое тѣло на шелковой плеткѣ,
Алый румянецъ на правой на ручкѣ:
Плеткой ударитъ, тѣла убавитъ;
Въ щеку ударитъ, румянца не станетъ».

Въ общемъ положеніе женщины по пѣснямъ вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ представленіемъ, которое мы можемъ себѣ составить на основаніи пословицъ. Пословицы «Люби жену такъ душу, тряси ее какъ грушу», «Кто любитъ, тотъ и лупитъ», «Жену не бить—милу не быть»,—сложились, очевидно, въ ту же пору, что и разобранныя выше пѣсни. Конечно, постепенно развивавшееся на Руси просвѣщеніе вмѣстѣ съ распространявшимся христіанствомъ должно было значительно смягчить первобытную грубость нравовъ. Но тяжелая година татарской неволи заглушила первые, нѣжные ростки русской культуры и надолго задержала поступательное движеніе по пути прогресса. Только петровскія преобразованія освободили женщину отъ ея теремнаго затворничества и облегчили ея тяжелую участь.

7. Значеніе русской сказки.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Опредѣленіе сказки.

Виды сказки: сказка

а) миѳическая,

б) животнаго эпоса,

в) авантюрная,

г) бытовая,

д) нравоучительная.

Изложеніе.

Значеніе сказки.

А. Художественно-бытовое:

а) фантастическій элементъ въ сказкахъ,

б) отношеніе между фантастикой и жизнію.

Б. Нравственное:

а) поэтическая чистота и искренность,

б) честная откровенность,

в) нравственное начало, какъ основа сказокъ,

г) отношеніе къ униженнымъ и оскорбленнымъ.

В. Научное.

Заключеніе.

Искусственная сказка.

Отношеніе ея къ народной.

«Сказка -складка, пѣсня—быль», говоритъ пословица, и на первый взглядъ намъ можетъ показаться, что изучать въ настоящее время сказку, этотъ продуктъ фантазіи народа, безъ всякой примѣси истины—дѣло совершенно безполезное, тѣмъ болѣе, что и самъ авторъ-народъ относится къ нимъ, очевидно, безъ всякаго довѣрія. Но, если вдуматься въ вопросъ поглубже, то быстро обнаружится вся неправильность такого взгляда.

Сказка—эпическое повѣствованіе народа о какомъ-нибудь событіи фантастическаго характера. Въ зависимости отъ раз-

витія народа содержаніе и характеръ сказокъ подвергается значительнымъ измѣненіямъ. Происхожденіе первыхъ сказокъ относится къ древнѣйшимъ временамъ. Онѣ создались, по мнѣнію наиболѣе компетентнаго ихъ изслѣдователя Аѳанасьева, еще на общей родинѣ всѣхъ арійскихъ народовъ. Являясь отраженіемъ тогдашнихъ воззрѣній человѣка на природу, такія сказки имѣютъ характеръ *миѳическій*. Сюда принадлежатъ сказки, изображающія борьбу Свѣта и Тьмы, Зимы и Лѣта («Снѣгурочка»), сказки, въ которыхъ луна и солнце представлены близкими родственниками (сестрой и братомъ, женой и мужемъ); сюда же слѣдуетъ отнести и отдѣльные образы позднѣйшей сказки, очевидно, перешедшіе сюда изъ сказокъ болѣе древнихъ: коверъ-самолетъ, шапка-невидимка, Морской царь, Кащей безсмертный и т. д.

Къ той же эпохѣ относятся и сказки *животнаго эпоса*. Древность ихъ происхожденія доказывается тѣмъ, что произведенія этого рода поразительно сходны у всѣхъ народовъ. Таковы въ особенности сказки о лисѣ. Очень распространены въ народѣ также сказки о благодарныхъ животныхъ.

Въ изображенныхъ раньше сказкахъ главное мѣсто занимаютъ либо миѳическія существа, либо животныя. Значительно позже создаются сказки *авантюрныя*, въ которыхъ человѣкъ съ его доблестями выдвигается на первое мѣсто. Предметомъ ихъ является разсказъ о похожденіяхъ человѣка, который ѣдетъ разыскивать либо небывалыхъ животныхъ, либо необыкновенныхъ красавицъ—невѣстъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ далѣе фантастическій элементъ отступаетъ на задній планъ. Въ сказкахъ *бытовыхъ* интересъ сосредоточивается на внутреннемъ драматизмѣ сюжета и на психологическомъ анализѣ, правда, еще въ самомъ примитивномъ видѣ. Сюда входятъ сказки о горѣ и радости падчерицы, сказки о «дуракѣ», котораго въ концѣ вознаграждаетъ судьба за его высокія нравственныя качества, объ искусномъ ворѣ и др.

Въ этихъ сказкахъ уже видны опредѣленныя нравственныя тенденціи: сочувствіе смиренному, униженному и оскорбленному, противоположеніе честнаго богатому. Впослѣдствіи на этой сторонѣ основаны сказки назоучительныя, въ которыхъ сказались нѣкоторыя черты міросозерцанія народа. Таковы сказки: «Правда и Кривда», «Старая хлѣбъ-соль забывается», «Мальчикъ съ пальчикъ» и др.

Уже изъ этого перечня видно, какъ разнообразно значеніе сказки для того времени и для современнаго намъ изслѣдователя. Прежде всего, сказка вмѣстѣ съ пѣсней, суть единственныя поэтическія формы, которыми пользовался неграмотный простолюдинъ въ продолженіе цѣлаго ряда вѣковъ. Это достаточно свитедѣльствуетъ объ историко-литературной важности. Сказка нравится народу уже потому, что самая обстановка ея, самый бытъ далекій отъ слушателя и разсказчика, есть бытъ не будничный потому, что онъ даетъ пищу для мечты. Являясь плодомъ народной фантазіи, сказка даетъ слушателю возможность унестись на крыльяхъ воображенія «въ нѣкоторое царство, въ нѣкоторое государство», гдѣ все такъ непохоже на окружающую дѣйствительность, гдѣ угнетаемый въ концовъ торжествуетъ, гдѣ въ конечномъ результатѣ добро одерживаетъ всегда побѣду надъ зломъ.

Итакъ, какъ явленіе художественно-бытовое, сказка является предметомъ необыкновенно важнымъ въ исторіи литературы: до появленія письменности она вмѣстѣ съ пѣснею наполняетъ цѣлый періодъ литературной дѣятельности народа. Но этой стороной не ограничивается все ея значеніе. Сказка кромѣ того поражаетъ насъ поэтической чистотой и искренностью, которою вѣетъ отъ нея, какъ отъ всѣхъ народныхъ произведеній. Съ дѣтской наивностью и простотой, подчасъ грубой, онѣ соединяютъ честную откровенность и свои повѣствованія передаютъ безъ всякой ироніи и ложной чувствительности. При этомъ, сказка, какъ созданіе цѣлаго народа, не терпитъ ни малѣйшаго сознательнаго отклоненія отъ добра и правды; она требуетъ наказанія всякой неправды и представляетъ добро торжествующимъ надъ злобой. Такъ «Сказка о правдѣ и кривдѣ» задаетъ практическій вопросъ: какъ лучше жить— правдою или кривдою? Въ ней выведены два лица, изъ которыхъ каждый держится противоположнаго мнѣнія: правдивый и криводушный. Правдивый — терпѣливъ, любитъ трудъ, безъ ропота подвергается несчастію, которое обрушилось на него по злобѣ криводушнаго, а впослѣдствіи когда выпадаютъ на его долю и почести, и богатство, онъ забываетъ обиду, какую причинилъ ему криводушный, вспоминаетъ, что нѣкогда они были товарищами, и готовъ помочь ему. Но чувство нравственное требуетъ для своего удовлетворенія полнаго торжества правды—

и криводушный погибаетъ жертвою собственныхъ расчетовъ. Вотъ безхитростная здоровая мораль народныхъ сказокъ.

Если велико значеніе сказки для каждаго читателя, то оно еще гораздо важнѣе для изслѣдователя родной старины. Онъ найдетъ въ сказкѣ не только изображеніе быта и нравовъ народа въ эпоху ея созданія, но и отраженіе всего народнаго міропониманія. Онѣ дадутъ изслѣдователю возможность судить о народѣ въ тотъ періодъ, для котораго у него имѣется матеріалъ вообще чрезвычайно скудный.

Увлекаясь простодушной фантазіей народной сказки, дѣтскій умъ привыкаетъ къ простотѣ мысли и безыскусственности чувства; въ то же время дѣти на сказкѣ учатся живому народному языку, подмѣчаютъ его мѣткіе обороты и художественно вѣрныя описанія природы. Въ этомъ смыслѣ народная сказка всегда превосходитъ сказку искусственную, въ которой отдѣльный писатель съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ старается поддѣлаться подъ народный языкъ и тонъ. Это понимали и сами авторы сказокъ: Жуковскій подъ конецъ своей жизни думалъ исключительно заняться переводомъ сказокъ различныхъ народовъ, а Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ говоритъ о себѣ: «Вечеромъ слушаю сказки и вознаграждаю тѣмъ недостатки своего воспитанія.[1]) Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма!»

8. Что такое былина?

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Народная поэзія.
Отношеніе ея къ личному творчеству.
Черты различія.
См. сочин. № 1.
Дѣленіе народной поэзіи:
а) эпосъ,
б) лирика,
в) драма.

[1]) Имѣется въ виду воспитаніе на французскій манеръ, которое было дано Пушкину по великосвѣтскимъ правиламъ того времени.

Изложеніе.

Народный эпосъ.

Виды эпическихъ произведеній:

а) сказка

См. сочин. № 7.

б) былина

в) историческая пѣсня.

См. сочин. № 20.

Внутренняя сторона былины:

а) сюжетъ.

б) герои, какъ воплощеніе народнаго идеала,

в) измѣненія идеаловъ подъ вліяніемъ духа времени:

α) кочевой періодъ,

β) земледѣльческій періодъ.

См. сочин. № 12.

Внѣшнія особенности былины:

а) эпическое спокойствіе,

б) эпическое повтореніе,

в) языкъ—

α) преобладаніе изображенія надъ описаніемъ,

β) образность,

γ) картинность и красочность,

δ) эпитеты:

α') постоянные,

β') украшающіе.

Заключеніе.

Значеніе былинъ.

а) историческое,

б) національно-политическое,

г) научное.

9. Характеристика Святогора.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Старшіе богатыри.

Отношеніе ихъ къ младшимъ.

Когда созданы былины о старшихъ богатыряхъ?

Изложеніе.

Двойственность въ отношеніи народа къ Святогору

а) Святогоръ—идеалъ,

б) Святогоръ—типъ отрицательный.

Характеристика Святогора.

а) Громадная физическая сила.

б) Неумѣніе найти примѣненіе этой силѣ.

в) Поиски приключеній.

г) Безсмысленная и безполезная гибель.

«Сумочка переметная».

Различныя попытки истолкованія ея:

а) «тяга земная»,

б) крестьянскій трудъ,

в) первоначальное значеніе.

Заключеніе.

Чему учитъ насъ былина о Святогорѣ?

Разсматривая наши былины, мы замѣчаемъ въ нихъ двѣ группы, сходныя по внѣшности, совершенно противоположныя по своей формѣ и по проводимой въ нихъ идеѣ: это былины о старшихъ и о младшихъ богатыряхъ. Различіе между ними проистекаетъ изъ того времени, когда тѣ и другія были созданы.

Былины о старшихъ богатыряхъ относятся ко временамъ первобытнымъ. человѣкъ, безоружный, слабый и неопытный, вступилъ въ борьбу съ окружающей природой. Но трудно ему приходится ему не совладать ни съ высокими горами, дремучими лѣсами и широкими рѣками, ни даже съ маленькими животными. Онъ мечтаетъ о томъ, чтобы имѣть качества всѣхъ этихъ предметовъ, и надѣляетъ такими фантастическими свойствами героевъ-богатырей, въ которыхъ воплощенъ его идеалъ.

Былины о младшихъ богатыряхъ создались значительно позже. Народъ уже справился съ природой, осѣлъ на мѣстахъ, сталъ заниматься земледѣліемъ и сдѣлался крѣпкимъ «матушкѣ сырой-землѣ». У него теперь другіе враги: кочевники, совершающіе губительные набѣги на его потомъ и кровью взрощенныя поля, и разбойники, которые лишаютъ крестьянина достигнутаго тяжелымъ трудомъ благосостоянія. Для борьбы съ новыми врагомъ нужны новые люди. Идеаломъ такихъ людей являются

богатыри младшіе У нихъ ужъ нѣтъ стихійной силы прежнихъ богатырей, да и не нужна она имъ; за то авторъ-народъ одѣлилъ ихъ новыми качествами: они добры, заступаются за сирыхъ и убогихъ, богобоязненны, почитаютъ родителей, а, главное, до самозабвенія любятъ родину.

Въ былинѣ о Святогорѣ причудливо сплелись оба настроенія. Образъ этого горы-богатыря, очевидно, сложился еще тогда, когда народъ преклонялся передъ мертвой природой, даже обожествлялъ ее. Вѣдя только тогда и могъ казаться идеальнымъ человѣкъ, похожій на гору. Народъ хотѣлъ надѣлить его всѣми высокими качествами, а между тѣмъ въ немъ мы не видимъ ничего, кромѣ физической силы. Очевидно, ничего больше и не нужно было народу того времени, ничего больше не могъ онъ придумать для своего героя.

Но если это такъ, то какъ же объяснить тотъ безславный конецъ, которымъ погибъ народный герой? Очевидно, конецъ былины болѣе новаго происхожденія, и прежнее восхищеніе передъ Святогоромъ смѣнилось критическимъ, слегка насмѣшливымъ отношеніемъ къ нему. Физическая сила, *какъ такова*, безъ другихъ положительныхъ сторонъ, и не заслуживаетъ — по мнѣнію народа—иного конца.

Итакъ, главная отличительная черта Святогора—это нечеловѣческая сила, которая «по жилочкамъ такъ живчикомъ и переливается». Святогоръ не можетъ найти ей никакого примѣненія, и она угнетаетъ его самого: «Тяжко отъ силушки, какъ отъ тяжелаго беремени». Въ другой былинѣ говорится о Святогорѣ, что «его и мать сыра-земля на себѣ *черезъ силу* носитъ». Сила гонитъ Святогора на поиски приключеній, но и въ «чистомъ полѣ» онъ не видитъ себѣ равнаго: «не съ кѣмъ Святогору силою помѣряться». Отъ этой бездѣятельности въ голову Святогору приходятъ нелѣпыя мысли:

«Какъ бы я тяги нашелъ,
Такъ я бы всю землю поднялъ!»

Народъ къ такого рода идеямъ относится совершенно отрицательно. Припомнимъ аналогичное мѣсто въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ: когда калики принесли Ильѣ выздоровленіе и силу, онъ, выпивъ первую чару, восклицаетъ, какъ и Святогоръ:

— «Отъ земли столбъ былъ бы до нёбушки,
Ко столбу было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску поворотилъ!»

Тогда калики находятъ нужнымъ уменьшить его силу на поло-

вину, чтобы и его не постигла та же печальная участь, что и Святогора.

Святогоръ быстро гибнетъ жертвой своего хвастовства и неумѣстнаго бахвальства. Онъ—могучій богатырь—не можетъ поднять съ земли «маленькую сумочку переметную». Напрасно трудится онъ надъ ней, напрасно «по бѣлу лицу не слезы, а кровь течетъ».

«Гдѣ Святогоръ угрязъ, тутъ и встать.
Тутъ ему было и конченіе».

«Сумочка переметная» вызвала не мало споровъ. Одни хотѣли видѣть въ ней ту «тягу земную», при помощи которой Святогоръ хотѣлъ поднять всю землю. Онъ, однако, найдя ее, оказался пустымъ хвастуномъ, и подвигъ этотъ былъ непосильнымъ даже для Святогора. По мнѣнію другихъ, подъ сумочкой авторъ-народъ разумѣетъ крестьянскій трудъ, къ которому Святогоръ—при всей своей силѣ—является совершенно неприспособленнымъ. Эта неприспособленность ведетъ Святогора къ позорной гибели. Существуетъ еще и третье предположеніе: въ «сумочкѣ переметной» не скрывается никакого символа: народъ пріурочилъ гибель Святогора не къ великому предпріятію, а къ совершенно ничтожному приключенію. Если мы примемъ это послѣднее толкованіе—а оно является наиболѣе вѣроятнымъ,—то идея былины выступитъ еще рѣзче и яснѣе: народъ хотѣлъ указать на непригодность старыхъ людей къ новой жизни. Какъ ни силенъ Святогоръ, но сила его не можетъ принести народу никакой пользы, такъ какъ она не соединяется съ стремленіемъ принести пользу родинѣ. А сила безполезная заслуживаетъ въ глазахъ народа безповоротнаго осужденія.

Извѣстно, что, кромѣ художественныхъ своихъ достоинствъ, былины имѣютъ для насъ громадную цѣнность еще въ историческомъ отношеніи. Онѣ раскрываютъ передъ нами идеалы и міросозерцаніе народа въ тотъ періодъ, для котораго мы никакихъ другихъ данныхъ не имѣемъ. Въ этомъ смыслѣ былина о Святогорѣ представляется для насъ особенно поучительной. Она показываетъ намъ, что цѣнилъ въ людяхъ первобытный народъ, какъ постепенно его взгляды измѣняются и какъ прежній идеалъ вмѣсто преклоненія вызываетъ насмѣшку.

10. Оборотничество въ русскихъ былинахъ.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Двѣ эпохи въ былинномъ творчествѣ:

а) кочевой бытъ—старшіе богатыри,

б) земледѣльческій бытъ—младшіе богатыри.

Отношеніе между ними.

Изложеніе.

Даръ оборотничества, какъ атрибутъ старшаго богатыря.

Миѳическое происхожденіе оборотничества.

Оборотничество въ приложеніи къ земнымъ цѣлямъ:

а) звѣроловство,

б) война.

Заключеніе.

Вольга и Олегъ Вѣщій.

КОНСПЕКТЪ СОЧИНЕНІЯ.

Въ началѣ все вступленіе *сочиненія № 9.*

Изъ сказаннаго видно, что народъ могъ снабдить умѣніемъ превращаться въ животныхъ и птицъ только своихъ старшихъ богатырей, воплощеніе народныхъ идеаловъ въ эпоху первобытную. Впослѣдствіи, когда человѣкъ при помощи своего умѣнія и изобрѣтенныхъ орудій взялъ верхъ надъ живой природой, ему, въ борьбѣ съ ней не нужно

«Щукой—рыбою ходить въ глубокихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ».

Болѣе того, если обратить вниманіе на явленія, сопровождающія рожденіе Вольги, богатыря-оборотня, то придется сблизить его скорѣй съ языческими богами и отнести его происхожденіе къ періоду миѳическому:

«*Подрожала сыра земля,*
А и *синее море сколебалося*
Для—ради рожденья богатырскаго».
«А и будетъ Волхъ въ полтора часа,
Волхъ говоритъ, *какъ громъ гремитъ*»

Но въ былинѣ оборотничество служитъ Вольгѣ пособіемъ въ дѣлѣ, уже совершенно земномъ. Прежде всего, конечно, онъ

является звѣроловомъ. Далѣе, свое оборотничество примѣняетъ онъ и къ цѣлямъ воинскимъ, въ своемъ походѣ противъ индійскаго царя. При этомъ замѣчается уже ясно измѣна типу миѳическому, и Вольга все больше и больше впадаетъ въ историческій типъ, особенно тамъ, гдѣ онъ собираетъ себѣ дружину, безъ которой, какъ извѣстно, обходились даже младшіе богатыри.

Историческіе штрихи въ характерѣ Вольги дали нѣкоторымъ послѣдователямъ поводъ сопоставлять «хитростью-мудростью» одареннаго Вольгу съ Вѣщимъ Олегомъ. Что касается исторической неточности, которая при этомъ получается (Вольга по былинѣ -племянникъ Владимира Святого), то она, конечно, не можетъ насъ смущать: такіе анахронизмы въ народномъ эпосѣ встрѣчаются сплошь и рядомъ.

II. Характеристика Вольги Святославовича.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Что такое былина?

См. сочин. № 8.

Слѣды различныхъ періодовъ въ произведеніяхъ народнаго творчества.

См. сочин. № 1.

Изложеніе.

Различные періоды въ былинѣ о Вольгѣ:

а) миѳическій,

б) звѣроловный,

в) историческій

См. сочин. № 9.

Характеристика Вольги.

а) Физическая слабость.

б) Доказательства ея:

α) дружина,

β) встрѣча съ Микулой.

в) «Хитрость-мудрость».

г) Даръ оборотничества.

См. сочин. № 10.

д) Отношеніе Вольги къ родинѣ:

α) защита ея противъ Индійскаго царя,

β) собираніе дани.

Черты старшаго богатыря въ характерѣ Вольги.

Отличіе Вольги отъ другихъ старшихъ богатырей.

Заключеніе.

Двойственность въ отношеніи народа къ Вольгѣ:

а) идеализація,

б) критика.

См. сочин. № 9.

12. Микула Селяниновичъ, какъ переходной типъ отъ старшихъ богатырей къ младшимъ.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Историческое значеніе былинъ.

Былины, какъ отраженіе міросозерцанія народа въ разные періоды его жизни.

Былины о старшихъ богатыряхъ.

Былины о младшихъ богатыряхъ.

Изложеніе.

Типичныя черты старшихъ богатырей:

а) громадная физическая сила,

б) близость къ природѣ,

в) неумѣніе примѣнить свою силу къ полезному дѣлу.

Типическія черты младшихъ богатырей:

а) меньшая сила,

б) общественная дѣятельность,

в) патріотизмъ.

Характеристика Микулы Селяниновича.

а) Черты старшихъ богатырей:

α) физическая сила,

β) отношеніе къ природѣ.

б) Черты младшихъ богатырей:

α) земледѣліе,

β) отношеніе къ сосѣдямъ,

γ) отношеніе къ князю.

Общее впечатлѣніе отъ образа Микулы Селяниновича.

Заключеніе.

Въ какой періодъ жизни народа сложился въ его фантазіи образъ Микулы?

Историческая пѣсня, или былина, заслуживаетъ особеннаго вниманія между прочими видами русской народной поэзіи. Она свидѣтельствуетъ намъ, что народъ принималъ живѣйшее участіе въ историческихъ судьбахъ Руси, умѣлъ по-своему очень вѣрно понимать ихъ и давать имъ мѣткую характеристику въ своихъ пѣсняхъ. Правда, что былина по большей части, изобилуетъ грубыми анахронизмами, смѣшеніемъ исторической истины съ поэтическимъ вымысломъ; но въ общемъ своемъ составѣ, въ нравственной характеристикѣ лицъ и въ пониманіи великихъ событій старины, а въ особенности въ искренности національнаго чувства, — она и до сихъ поръ не превзойдена ни однимъ историческимъ сочиненіемъ. При этомъ даже самые анахронизмы и кажущіяся нелѣпицы исторической былины заслуживаютъ вниманія для опредѣленія того, какъ принимались народнымъ смысломъ историческіе факты, какъ группировались они въ его воображеніи и воспитывали въ немъ національное чувство.

Но даже тѣ былины, въ которыхъ мы не можемъ выдѣлить исторической правды, все-же имѣютъ для насъ большое историческое значеніе. Онѣ являются выраженіемъ характера народной жизни въ извѣстныя эпохи и чертъ народныхъ нравовъ, воззрѣній и понятій, народнаго быта и вкуса. По тому, что любилъ народъ, въ чемъ видѣлъ онъ свой идеалъ, мы можемъ судить о міросозерцаніи его въ ту или иную эпоху.

Въ историческомъ развитіи былинъ нужно различать два періода: пѣсни о богатыряхъ *старшихъ* и пѣсни о богатыряхъ *младшихъ*. Названіе старшихъ носятъ такіе богатыри, на которыхъ еще лежитъ очень яркій отпечатокъ ихъ миѳическаго происхожденія. При дальнѣйшей переработкѣ многіе изъ старшихъ богатырей потеряли первоначальную физіономію, приняли опредѣленные и законченные человѣческіе образы, перемѣшались съ богатырями младшими и на ряду съ послѣдними явились на пиры князя Владимира, а нѣкоторые стали даже оборонять русскую землю отъ татаръ. Но это позднѣйшее измѣненіе въ пѣсняхъ о старшихъ богатыряхъ. Старшіе богатыри должны стоять и дѣйствительно стоятъ особнякомъ отъ богатырей Владимировыхъ. Каждый изъ нихъ есть лицо миѳическое, сложившееся въ эпоху доисторическую, и каждый дѣйствуетъ самъ по себѣ, не имѣя опредѣленнаго дѣла, а лишь бродя по землѣ.

Въ противоположность имъ богатыри младшіе являются уже историческими лицами. Всѣ они собираются въ одно опредѣленное мѣсто, въ столицу русской земли Кіевъ, и группируются вокругъ ласковаго князя Владимира. Всѣ они воодушевлены одной цѣлью, которую формулируетъ самый крупный изъ нихъ, Илья Муромецъ. Прощаясь съ отцомъ передъ отъѣздомъ, Илья говоритъ:

«Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ,
Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Владимира.
Послужить ему вѣрой—правдою.
Постоять за вѣру христіанскую».

Изъ сказаннаго видно, что черты, которыми характеризуются старшіе и младшіе богатыри, не сходны, подчасъ прямо противоположны. Старшіе богатыри отличаются прежде всего стихійной сверхчеловѣческой силой: эта сила есть результатъ того, что каждый изъ старшихъ богатырей является олицетвореніемъ тѣхъ или иныхъ явленій природы: *Сухмантій. Михайло Потыкъ* или *Потокъ Ивановичъ* и его жена *Настасья*, *Донъ Ивановичъ* и его жена *Днѣпра Королевишна* являются богатырями стихійными, изъ которыхъ, по былинамъ, протекли рѣки: Сухманъ, Дунай, Донъ, Днѣпръ и рѣчные истоки. *Святогоръ*-богатырь является миѳическимъ олицетвореніемъ горы, символа тучи. Этотъ богатырь изображается съ такой непомѣрной силой, что, когда онъ ѣдетъ, подъ нимъ земля дрожитъ, ему даже не съ кѣмъ силою помѣряться, его едва земля можетъ носить на себѣ. И *Волхъ Всеславьичъ* по характеру своему близокъ къ природѣ; «хитрость — мудрость», которою одаряетъ его народъ, чтобы сдѣлать способнымъ бороться съ природой, не дѣлаетъ его выше животныхъ, но ставитъ лишь наравнѣ съ ними:

«А и первой мудрости учился
Обертываться яснымъ соколомъ,
Ко второй-то мудрости учился онъ Волхъ
Обертываться сѣрымъ волкомъ;
Ко третьей мудрости учился Волхъ
Обертываться гнѣдымъ туромъ золотого рога»

Но, обладая громадной силой, старшіе богатыри совершенно не умѣютъ употребить ее на дѣло. Безъ всякаго занятія бродятъ они по лицу широкой русской земли, безъ пользы для другихъ, въ тягость себѣ. Самъ народъ, цѣня въ нихъ ихъ положительныя качества, сознаетъ непригодность такой без-

дѣятельной, бродячей силы для государственнаго устройства и снабжаетъ своихъ новыхъ героевъ совершенно другими характерными чертами.

Младшіе богатыри по силѣ значительно уступаютъ старшимъ: даже самый могучій изъ нихъ Илья Муромецъ не долженъ вступать въ борьбу ни съ однимъ изъ старшихъ богатырей:

«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
И со всей поленицею удалою;
А только не выходи драться
Съ Святогоромъ богатыремъ.
Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ.
Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ.
Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
Его любитъ матушка сыра-земля;
Не ходи еще на Вольгу Сеславьича,
Онъ не силою возьметъ
Такъ хитростью—мудростью».

Но зато у нихъ есть другія, цѣнныя для народа, положительныя стороны. Мы уже видѣли, что всѣ они воодушевлены горячей любовью къ родинѣ, князю и народу. Они защищаютъ его отъ внѣшнихъ (татары, Жидовинъ—богатырь) и внутреннихъ (Соловей-разбойникъ) враговъ. Вездѣ и всегда они становятся на защиту слабыхъ и униженныхъ, угнетенныхъ и оскорбленныхъ. Илья, убивая Соловья-разбойника,

«выговаривалъ:
«Полно-тко тебѣ слезить отцовъ-матерей,
Полно-тко вдовить женъ молодыхъ,
Спущать сиротать малыхъ дѣтушекъ!»

При этомъ, всѣ они отличаются большой гуманностью: гдѣ можно они щадятъ и врага; вступая въ новую жизнь, Илья получаетъ завѣтъ отъ отца:

«Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина».

Микула Селянинович, богатырь-пахарь, представляетъ собой типъ переходный отъ старшихъ богатырей къ младшимъ и соединяетъ въ себѣ характерныя черты тѣхъ и другихъ. Онъ «сынъ села», сынъ поля, «его любитъ матушка сыра-земля», и эта близость къ землѣ придаетъ ему громадную, стихійную силу старшихъ богатырей. Онъ легко одной рукой дѣлаетъ то, что не по плечу Вольгѣ со всей его дружиной. Онъ справляется при помощи одной только дубинки съ цѣлой толпой «мужи-

ковъ-разбойниковъ», которые требовали у него «грошевъ подорожныихъ». И поле, которое онъ пашетъ, отличается огромными размѣрами: «въ край онъ уѣдетъ, другого не видать», и конь его шутя обгоняетъ лошадь Вольги, и принадлежности его земледѣльческой работы отличаются своей роскошью.

Но если со стороны своего труда Микула является олицетвореніемъ Бога, покровительствующаго земледѣлію, то другія черты характера Микулы сближаютъ его съ богатырями позднѣйшаго періода, съ богатырями младшими. Уже самое его занятіе свидѣтельствуетъ о позднѣйшемъ времени созданія былины, когда народъ отъ кочевого, звѣроловческаго быта перешелъ къ земледѣльческому. Мы нигдѣ не встрѣчаемъ упоминанія о земледѣліи въ былинахъ о старшихъ богатыряхъ, но любимецъ народа, младшій богатырь Илья Муромецъ, сейчасъ же послѣ своего выздоровленія

«Пошелъ къ родителю ко батюшку
На тую на работу на крестьянскую:
Очистить надо палъ отъ дубья-колодья.
Онъ дубье-колодье все повырубилъ,
Въ глубоку рѣку повыгрузилъ,
А самъ и сшелъ домой».

Воздѣлать землю, совершенно еще дѣвственную и необработанную -трудъ непосильный для одного человѣка, будь онъ даже Микулой. Земледѣліе, прикрѣпляя человѣка къ опредѣленному мѣсту, заставляя его повести осѣдлый образъ жизни вмѣсто прежняго кочевого, въ то же время способствуетъ его сближенію съ окружающими. Старшіе богатыри всегда одни (дружина Вольги Святославовича, конечно, анахронизмъ). Микула находится въ дружественныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями:

«А я ржи напашу, да во скирды сложу,
Во скирды сложу, домой выволочу,
Домой выволочу, да дома вымолочу,
Драни надеру, да и пива наварю,
Пива наварю, да и мужичковъ напою;
Станутъ мужички меня покликивать:
«Молодой Микулушка Селяниновичъ!».

отвѣчаетъ онъ Вольгѣ на вопросъ объ имени.

Но друзьями своими Микула можетъ считать только такихъ же честныхъ тружениковъ, какъ и онъ самъ. Всѣ же, пытающіеся жить на средства трудового народа, возбуждаютъ въ немъ негодованіе. Мы уже видѣли, какъ строго онъ обошелся съ мужиками, которые требовали съ него лишнихъ де-

негъ. Любопытно, что объ этой расправѣ онъ разсказываетъ Вольгѣ въ отвѣтъ на его хвастливое заявленіе о томъ, что онъ ѣдетъ «къ городамъ за получкою». Это сопоставленіе наводитъ насъ на мысль о томъ, что Микула, а слѣдовательно, и народъ, думы и чувства котораго богатырь выражаетъ, неодобрительно относится къ этой сторонѣ дѣятельности Вольги. Поскольку дань и подати являются вознагражденіемъ князю и дружинѣ за ихъ защиту собственности поселянина отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, постольку народъ понимаетъ ихъ справедливость. Но когда за «получкою» въ города отправляется Вольга, безъ всякихъ заслугъ со своей стороны получившій въ подарокъ отъ князя «три городи со крестьянами», то народъ возмущается и отдаетъ честному труженнику Микулѣ во всѣхъ отношеніяхъ преимущество передъ Вольгой.

Изъ всего сказаннаго видно, что народъ создалъ образъ Микулы Селяниновича, богатыря-пахаря, въ ту эпоху, когда онъ переходилъ отъ кочевого быта къ осѣдлому и понемногу начиналъ примыкать къ земледѣлію. Этимъ и объясняется то смѣшеніе чертъ богатырей старшихъ и младшихъ, которое наблюдается въ его изображеніи.

13. Міросозерцаніе народа въ эпоху созданія былинъ о старшихъ богатыряхъ.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Произведенія народнаго творчества, какъ матеріалъ для выясненія народнаго міросозерцанія.

См. сочинен. № 1.

Какія народныя произведенія представляютъ въ этомъ отношеніи наибольшую цѣнность?

а) Загадки.
См. сочин. № 4.

б) Пословицы.
См. сочин. № 5.

в) Сказки.
См. сочин. № 7.

г) Семейныя пѣсни.
См. сочин. № 6.

д) Былины

См. сочин. № 8.

Изложеніе.

Міросозерцаніе народа въ эпоху созданія былинъ о старшихъ богатыряхъ.

Когда создались былины о старшихъ богатыряхъ?

См. сочин. № 9.

Миѳологическій элементъ въ старшихъ богатыряхъ:

а) Святогоръ,

См. сочин. № 11.

б) Вольга,

См. сочин. № 12.

в) Микула Селяниновичъ,

См. сочин. № 10.

Слѣды звѣроловческаго быта въ ст. богат.

См. сочин. № 9.

Слѣды борьбы человѣка съ природой:

а) громадная сила богатырей,

См. сочин. № 10.

б) оборотничество,

См. сочин. № 12.

Идеалъ народа въ эпоху созданія былинъ о старшихъ богатыряхъ.

См. сочин. № 12.

Заключеніе.

Переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому и Микула Селяниновичъ, какъ отраженіе этого явленія въ народномъ творчествѣ.

См. сочин. № 12.

14. Первая поѣздка Ильи Муромца.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Илья Муромецъ, какъ идеалъ народа въ земледѣльческій періодъ.

Изложеніе.

Первая поѣздка Ильи Муромца.

А. Исцѣленіе.

а) Вмѣшательство небесной силы.

б) Слѣдствія его:

α) Илья—защитникъ религіи,
β) богобоязненность Ильи.
в) Сила Ильи.
г) Причина сравнительно небольшой силы Ильи.

Б. Послѣ исцѣленія.

а) Крестьянскій трудъ.
б) Почтеніе къ родителямъ.
в) Завѣтъ отца.
г) Стремленіе Ильи.
д) Вся послѣдующая жизнь Ильи представляетъ выполненіе этой программы:
α) «помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ»,
β) «заложиться за князя Владимира, послужить ему вѣрой—правдою».
γ) «постоять за вѣру христіанскую»,
δ) «не помыслить зломъ на татарина, не убить въ чистомъ полѣ христіанина».

В. Въ пути.

а) Постройка церкви.
б) Подъ Черниговымъ:
α) борьба съ внѣшними врагами;
β) отсутствіе честолюбія.
в) Бой съ Соловьемъ-разбойникомъ:
α) борьба съ внутренними врагами,
β) отсутствіе корыстолюбія.

Г. Въ Кіевѣ.

а) Манеры.
б) Отношеніе къ Владиміру.
в) Казнь Соловья-разбойника.

Заключеніе.

Измѣненіе во взглядахъ народа подъ вліяніемъ перехода къ осѣдлому быту.

Любимымъ народнымъ богатыремъ является «Илья Муромецъ—сынъ Ивановичъ». Его любитъ «мать сыра-земля» («Ле-

жучи» на землѣ, побѣжденному Ильѣ «вдвое силы прибыло»), «смерть ему на бою не писана»,

«У Ильи то силъ меньше вѣдь не станется,
На добромъ конѣ сидитъ Илья, не старится».

и т. д. Ему посвящено особенно много былинъ, по которымъ можно возстановить всю біографію этого богатыря.

Почему же такъ любитъ народъ Илью? Главной причиной является то обстоятельство, что Илья—прямой потомокъ Микулы Селяниновича[1]), *представитель крестьянства*. Русскій народъ изобразилъ въ немъ самого себя и потому надѣлилъ его всѣми своими достоинствами. Характеръ Ильи Муромца виденъ вполнѣ уже изъ первыхъ былинъ, рисующихъ его исцѣленіе и первую поѣздку.

Исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни, изъ за которой «онъ въ сидняхъ сидѣлъ тридцать три года», Илья получаетъ отъ «нищей братіи», подъ видомъ которой къ нему являются «Самъ Іисусъ Христосъ, два апостола». Фактъ знаменательный. Онъ подчеркиваетъ, что Илья будетъ свято чтить религію, черезъ которую онъ получилъ исцѣленіе, что въ немъ церковь найдетъ себѣ столько-же сильнаго, сколько и храбраго защитника.

Почувствовавъ себя здоровымъ, Илья въ то же время ощущаетъ въ себѣ необычайную силу:

«Отъ земли столбъ былъ бы до небушки,
Ко столбу бы было золото кольцо,
За кольцо бы взялъ, Святорусску перевернулъ».

Но если Святогору вполнѣ подходила такая сила, то Ильѣ она оказывается не только безполезной, но даже вредной, и «калики перехожіе» признаютъ необходимымъ уменьшить эту силу наполовину. Это указываетъ, что для новыхъ дѣлъ, предназначающихся Ильѣ, нужны новые люди. Святогоръ погибъ жертвой своей силы и отсутствія приложенія ей. И чѣмъ въ самомъ дѣлѣ могъ послужить родной землѣ человѣкъ, котораго и «земля на себѣ черезъ силу носитъ»? Дать такую же силу Ильѣ—значило и его обрѣчь на столь же безполезное существованіе, на столь же безславную гибель. Поступить такъ со своимъ любимцемъ народъ, естественно, не хотѣлъ.

Народъ самъ рѣзко подчеркнулъ, что Илья по силѣ уступаетъ старшимъ богатырямъ:

«Будешь ты, Илья, великій богатырь,
«И смерть тебѣ на бою не писана:

[1]) См. сочин. № 12.

«Бейся-ратися со всякимъ богатыремъ
«И со всею поленицею удалою;
«А только не выходи драться
«Съ Святогоромъ богатыремъ:
«Его и земля на себѣ черезъ силу носитъ;
«Не ходи драться съ Самсономъ богатыремъ:
«У него на головѣ семь власовъ ангельскихъ;
«Не бейся и съ родомъ Микуловымъ:
«Его любитъ матушка—сыра земля;
«Не ходи еще на Вольгу Сеславьичъ:
«Онъ не силою возьметъ,
«Такъ хитростью-мудростью»,—

говорятъ Ильѣ «калики перехожіе».

Изъ того, что Илья является представителемъ крестьянскаго сословія, вытекаетъ совершенно особый характеръ его подвиговъ. Почувствовавъ себя исцѣленнымъ, онъ сейчасъ-же отправляется «на тую нъ работу на крестьянскую». Сынъ народа не брезгаетъ трудомъ народа, и въ этомъ смыслѣ онъ прямой преемникъ Микулы Селяниновича. Такой же чисто-народный характеръ носитъ его обращеніе къ отцу за благословеніемъ. Въ немъ сказалась та патріархальность семейныхъ отношеній, которою такъ дорожитъ русскій народъ даже до нынѣшняго времени:

«Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются,
Разстилается сынъ передъ батюшкомъ,
Онъ и проситъ себѣ благословенія».

Прося у отца разрѣшенія уѣхать, Илья указываетъ опредѣленно ту дѣятельность, которую онъ себѣ намѣтилъ:

«Я поѣду въ славный, стольный Кіевъ-градъ.
Помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ,
Заложиться за князя Володимира,
Послужить ему *вѣрой-правдою*,
Постоять за вѣру христіанскую»,

Если прибавить сюда высокія слова, которыя отецъ Ильи, «старый крестьянинъ Иванъ Тимофеевичъ», говоритъ ему въ отвѣтъ;

«Я на добрыя дѣла тебѣ благословленье дамъ,
А на худыя дѣла благословленья нѣтъ,
Поѣдешь ты путемъ и дорогою,
Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ крестьянина,»—

то предъ нами въ нѣсколькихъ строкахъ предстанетъ полная характеристика и изображеніе дѣятельности любимаго богатыря русскаго народа.

Выѣзжая въ путь, Илья еще разъ проявляетъ свою богобоязненность: «на первомъ скоку» своего коня онъ поставилъ въ часовню, на которой написалъ свое имя. Вскорѣ пріѣзжаетъ Илья къ Чернигову, подъ которымъ находитъ себѣ «силушку несмѣтную». Народъ заставляетъ своего богатыря вступить въ борьбу съ тѣми внѣшними врагами, которые такъ часто тревожили своими набѣгами русскую землю. Здѣсь—это не просто одно изъ тѣхъ приключеній, которыхъ ищутъ старшіе богатыри: сынъ народа освобождаетъ народъ отъ враговъ, мѣшающихъ его мирному земледѣльческому труду. И, выполняя свой подвигъ, вступивъ одинъ въ борьбу съ цѣлыми полчищами, Илья не ждетъ за это никакой благодарности, никакой награды: онъ только исполнилъ свой долгъ, и, когда черниговцы предлагаютъ ему воеводство въ своемъ городѣ, онъ безъ колебаній отвѣчаетъ:

«Ай же вы, мужички-Черниговцы,
Нейду я къ вамъ въ Черниговъ воеводою,
А скажите-ка мнѣ дорогу прямоѣзжую,
Прямоѣзжую дорогу въ стольно-Кіевъ-градъ».

Тамъ цѣль его путешествія, *тамъ* можетъ онъ приложить къ высокимъ задачамъ дарованныя ему свыше богатырскія силы.

Но вотъ онъ узналъ отъ черниговцевъ о другомъ врагѣ народа, о Соловьѣ-Разбойникѣ. Соловей-Разбойникъ—образъ сложный. Въ немъ мы видимъ черты миѳическія, онъ олицетворяетъ звѣрей, отъ которыхъ еще не вполнѣ была очищена русская земля, и которыя были чрезвычайной помѣхой земледѣльцу-народу въ его дѣятельности:

«Свищетъ Соловей по соловьему,
Воскричитъ-то онъ, злодѣй, по звѣриному:
Темны лѣсушки къ землѣ преклоняются,
Что есть людишекъ, всѣ мертвы лежатъ».

Но вмѣстѣ съ миѳическими, мы находимъ въ Соловьѣ черты новыя, сложившіяся подъ вліяніемъ перемѣны въ жизни народа. Дѣло въ томъ, что тяжелый земледѣльческій трудъ не всѣмъ пришелся по вкусу; были такіе люди, которые предпочли, ничего не дѣлая сами, отбирать у мирнаго обывателя его достояніе. На эту сторону образа Соловья-разбойника и намекаетъ намъ вторая половина его имени. Конечно, Илья не могъ остаться равнодушнымъ, услышавъ объ этомъ врагѣ народа. Безъ затрудненій справляется онъ съ Соловьемъ-разбойникомъ и везетъ его въ Кіевъ пристегнутымъ «ко правому ко стремени ко бу-

латному». Не прельстили его почести въ Черниговѣ, не прельстило его и золото, которое предлагали ему дочери Соловья-разбойника. Онъ, не отпуская Соловья, торопится въ Кіевъ.

Входя въ «палату бѣлокаменную», онъ обнаруживаетъ свою степенность, которую такъ цѣнитъ народъ:

«Онъ крестъ кладетъ по-писанному,
Поклонъ-то ведетъ по-ученому,
На всѣ на три, на четыре на сторонки поклоняется.
Самому-то князю Владимиру въ особину,
И всѣмъ его князьямъ подколѣннымъ».

Времяпрепровожденіе князя — не богатырское; онъ то молится, то пируетъ со своей дружиной; да и вообще Владиміръ—не богатырь; отъ свиста Соловья-разбойника, который не произвелъ на Илью никакого дѣйствія,

«Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Стоитъ—куньей шубонкой укрывается».

Тѣмъ не менѣе Илья очень любитъ «красное солнышко» русской земли, и въ его рѣшеніи убить Соловья-разбойника не малую роль играетъ униженіе, которому онъ подвергъ князя Владимира. Впрочемъ, даже и это убійство Илья Муромецъ считаетъ нужнымъ объяснить и мотивировать. Онъ казнитъ Соловья-разбойника за тотъ вредъ, который онъ принесъ русской землѣ: за то, что онъ «слезилъ отцовъ-матерей, вдовилъ женъ молодыихъ, спущалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ».

Изъ новаго идеала народа, воплощеннаго въ Ильѣ Муромцѣ, можно видѣть, какія измѣненія внесъ новый, земледѣльческій бытъ въ міросозерцаніе народа. Если силы, которыя онъ теперь приписываетъ своему богатырю, стали меньше, за то онъ ищетъ въ немъ совершенно новыхъ качествъ: благочестія, любви къ родителямъ и къ родинѣ, справедливости и гуманности,—главнымъ образомъ—стремленіе послужить своими силами на благо народа.

15. Характеристика Ильи Муромца. (Илья Муромецъ, какъ идеалъ народа въ эпоху земледѣльческаго быта).

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Положеніе Ильи Муромца среди богатырей Владимирова цикла:

Изложеніе.

Характеристика Ильи.

А. Происхожденіе Ильи и слѣдствія его:

а) крестьянская работа.
б) защита крестьянскаго труда,
в) набожность,
г) патріархальность семейныхъ отношеній,
д) степенность

Б. Сила-Ильи.

а) Илья сильнѣйшій изъ младшихъ богатырей:
  α) Илья и Добрыня,
  β) Илья и Дюкъ,
  γ) Илья и Алеша Поповичъ,
  δ) Илья и Соловей-разбойникъ.
б) Илья уступаетъ въ силѣ старшимъ богатырямъ.

В. «Таланъ—участь» Ильи.

а) Илья непобѣдимъ.
б) Илья сильнѣе судьбы.

Г. Черты характера Ильи:

а) простота,
б) благодушіе,
в) скромность,
г) независимость,
д) отсутствіе честолюбія
е) и корыстолюбія,
ж) благочестіе,
з) служеніе родинѣ,
и) защита слабыхъ и угнетенныхъ.

Заключеніе.

Илья Муромецъ и Геракль. (Параллель).

Главное лицо между богатырями-дружинниками, окружающими князя Владимира, есть Илья Муромецъ, знаменитѣйшій представитель русскаго богатырства, побѣдитель Соловья-Раз-

бойника и Идолища, заступникъ за князя Владимира и русскій народъ передъ татарскимъ нашествіемъ.

Во всѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ участвуетъ нѣсколько богатырей Владимирова цикла, Ильѣ принадлежитъ центральное мѣсто. На заставѣ богатырской именно *его* выбираютъ въ атаманы, хотя вмѣстѣ съ нимъ здѣсь находятся представители всѣхъ другихъ сословій: княжескаго — Добрыня Никитичъ, боярскаго — «Гришка Боярскій», городского «Васька Долгополый» и даже духовнаго — Алеша Поповичъ. И только онъ одинъ сумѣлъ побѣдить Жидовина-богатыря, борьба съ которымъ оказалась не подъ силу никому изъ только-что перечисленныхъ богатырей.

Предпочтеніе, которое авторъ—народъ отдаетъ Ильѣ Муромцу, является результатомъ личныхъ особенностей, которыя мы видимъ въ характерѣ этого богатыря.

Илья Муромецъ—сынъ крестьянина: онъ дорожитъ своими родовыми связями съ сельскимъ населеніемъ, и созданное имъ общественное положеніе не хочетъ мѣнять на иное, даже болѣе значительное: такъ, черниговцы, которыхъ онъ освободилъ отъ осады, зовутъ его къ себѣ воеводой, но онъ отказывается:

«Не дай, Господи, дѣлать съ барина холопа,
Съ барина холопа, *съ холопа дворянина*,
Дворянина съ холопа, съ попа палача,
А также *изъ богатыря воеводу*».

Не только отецъ Ильи—крестьянинъ, но онъ и самъ не чуждается земледѣльческаго труда: тотчасъ послѣ своего исцѣленія отправляется онъ «на тую на работу на крестьянскую». И дальнѣйшая его дѣятельность посвящена защитѣ крестьянскаго труда отъ опасностей, угрожающихъ ему со стороны враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ. Онъ побиваетъ подъ Черниговымъ «силушку несмѣтную», онъ борется съ Идолищемъ Поганымъ, съ Жидовиномъ-богатыремъ, съ Сокольникомъ и Соловьемъ-разбойникомъ не какъ съ личными своими врагами, а какъ съ врагами всей родины, и, прежде всего, мирнаго земледѣльца. И другія черты, на которыхъ зиждется и до сихъ поръ крестьянскій міръ, мы видимъ въ характерѣ Ильи Муромца: онъ въ высшей степени религіозенъ, стремится

«помолиться чудотворцамъ Кіевскимъ
«Постоять за вѣру православную»,

строитъ при выѣздѣ изъ родного села часовню, и, вообще, въ

своемъ служеніи видитъ одну изъ главныхъ заслугъ своихъ. Тѣснимый врагомъ Сокольникомъ, Илья взмолился Богу:

«Сколько я стоялъ за вѣру христіанскую,
Еще болѣ я стоялъ за церковь Божію;
Сколько я стоялъ за благочестивыхъ вдовъ.
За тѣхъ благочестивыхъ вдовъ, за безмужныхъ женъ;
Благочестивыя жены, безмужнія вдовы,
Онѣ были богомольныя.
День и ночь они Богу молятся».

Отношеніе Ильи къ отцу также ничѣмъ не выдѣляется изъ патріархальнаго семейнаго быта русскаго. Онъ — великій богатырь земли русской — проситъ у простого крестьянина, отца своего, благословенія, отправляясь въ путь — и проситъ, согласно установившемуся обычаю, «разстилаясь» по землѣ, какъ листья стараго кряжистаго дуба. Вообще, строгое соблюденіе всѣхъ правилъ этикета вмѣняется народомъ въ заслугу Ильѣ: онъ «крестъ кладетъ по писанному, поклонъ-то ведетъ по ученому». Онъ чуждъ всякихъ рѣзкихъ порывовъ и, всегда спокойный, сосредоточенный и степенный, прекрасно олицетворяетъ родной народъ.

Своей физической силой Илья превосходитъ всѣхъ современниковъ богатырей: онъ то помогаетъ ослабѣвающему въ бою Добрынѣ, то учитъ Дюка богатырской поѣздкѣ, то, стоя на заставѣ, разсуждаетъ о правѣ товарищей и сообразно съ нимъ распредѣляетъ, кому идти противъ приближающагося врага. Однажды Алеша Поповичъ раздосадовалъ на Илью. Илья Муромецъ сдержалъ своей гнѣвъ и, когда Алеша кинулъ въ него ножомъ,

«Пымалъ на полету Илья богатырскій ножъ,
Взоткнулъ его въ дубовый столъ».

Силу Ильи признаетъ даже Соловей-Разбойникъ: ему одному онъ готовъ подчиняться. Когда Владиміръ проситъ его закричать по звѣриному, Соловей возражаетъ:

«Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
Я сегодня не у васъ вѣдь обѣдаю,
Не васъ я хочу и слушати,
А обѣдаю у стараго козака Ильи Муромца,
И *его хочу я слушати*».

Тѣмъ не менѣе Илья значительно, на полголовину слабѣе старшихъ богатырей.[1] И это не случайность: народъ сознательно уменьшаетъ силы богатыря, воплощающаго его новые

[1]) См. сочиненіе № 12.

идеалы. Слишкомъ большая сила могла бы только повредить Ильѣ. Между тѣмъ меньшая сила Ильи, соединенная съ другими положительными сторонами его духа, помогаетъ ему принести народу громадную пользу.

Полезная дѣятельность Ильи Муромца ставитъ его въ совершенно исключительное положеніе сравнительно съ другими богатырями. Онъ непобѣдимъ въ бою:

«Будешь ты, Илья, могучій богатырь,
И смерть тебѣ на бою не писана»,

сказали ему калики перехожіе. Дѣйствительно, этотъ богатырь не умеръ. По сказаніямъ народнымъ онъ или превратился въ соляной столбъ, ушелъ въ пещеру каменную, когда миновала пора богатырскихъ подвиговъ, или сдѣлался казакомъ, атаманомъ и отправился покорять Сибирь.

Не только люди, но и самая судьба безсильна надъ любимѣйшимъ русскимъ богатыремъ. Однажды Илья на перепутьѣ трехъ дорогъ увидѣлъ надпись, согласно которой одна дорога угрожала тому, кто поѣдетъ по ней, смертью, поѣздка по другой должна была принести ему богатство, а по третьей— привести къ женитьбѣ. Илья поѣхалъ по всѣмъ тремъ дорогамъ и остался живъ, бѣденъ и холостъ.

Много еще другихъ симпатичныхъ чертъ въ характерѣ любимѣйшаго народнаго богатыря. Онъ отличается удивительной простотой; среди пестрой дружины княжеской онъ вѣрный представитель крестьянства; на врага въ чистомъ полѣ онъ смотритъ не изъ «трубочки серебряной», какъ представитель княжескаго рода Добрыня Никитичъ, а попросту изъ «кулака молодецкаго»; богатство ему не по разуму; онъ не принимаетъ на себя никакихъ обязанностей, кромѣ своего долга богатырскаго, ради котораго онъ прибылъ въ Кіевъ. Съ простотой Илья соединяетъ рѣдкое благодушіе и скромность. По отношенію къ любимому князю Владиміру его благодушіе переходитъ въ нѣжную отеческую заботливость. Владиміръ проситъ Илью заставить Соловья свистнуть громкимъ голосомъ. Исполняя его просьбу, Илья по одной былинѣ предупреждаетъ Соловья

«Засвищи-тко ты, Соловей, только въ полсвиста
Соловьяго,
«Закричи-тко только въ полкрика звѣринаго»,—

а по другой прямо говоритъ князю:

«Ужъ ты, батюшка нашъ, Владиміръ князь!
Не во гнѣвъ бы тебѣ батюшка, показалося:

Я возьму тебя, батюшка, подъ пазушку,
А княгиню-то подъ другую».

То же благодушіе видно и въ обращеніи Ильи съ его товарищами-богатырями. Онъ одинъ старикъ между ними, но не раздражительно, а степенно, съ благоразуміемъ приличнымъ человѣку опытному и бывалому, относится къ людямъ иного, юнѣйшаго возраста.

Илья благодушенъ даже съ врагами. Вредъ имъ онъ рѣшается приносить лишь въ крайнихъ случаяхъ. Тамъ, гдѣ дѣло касается лично Ильи, онъ никогда не рѣшается на убійство. Когда на Илью напали разбойники, онъ только пугнулъ ихъ:

«Вынималъ онъ изъ налушна крѣпкій лукъ.
Вынималъ онъ вѣдь стрѣлку каленную,
Онъ стрѣляетъ не по станишникамъ,
Стрѣляетъ онъ старый по сыру-дубу;
А спѣла тетивка у туга—лука,—
Станишники съ коней попадали,
Угодила стрѣла въ сыръ кряковистый дубъ,
Изломала въ черенья въ ножевые дубъ».

Въ другой разъ онъ также стращаетъ врага, воздымая его выше буйной головы и потомъ снова подхватывая.

Безпощаденъ бываетъ Илья только тогда, когда онъ выступаетъ мстителемъ не за свои обиды, а за обиды, нанесенныя всей землѣ. Такъ, онъ казнитъ Соловья-Разбойника за то, что послѣдній «слезилъ отцовъ матерей, вдовилъ женъ молодыхъ, спущалъ сиротать малыхъ дѣтушекъ».

При осадѣ Чернигова

«Побиваетъ онъ всѣхъ татаръ черныхъ
Съ перваго до послѣдняго».

Убиваетъ Илья и Жидовина-богатыря, съ которымъ кромѣ него никто не могъ справиться. Одержавъ надъ Жидовиномъ побѣду, скромный Илья не хвастается, ограничиваясь однимъ замѣчаніемъ:

«Ѣздилъ во полѣ тридцать лѣтъ,—
Этакого чуда не наѣзживалъ».

Благодушіе и скромность не мѣшаютъ, однако, Ильѣ сохранять независимость своего характера. Эту независимость онъ обнаруживаетъ преимущественно въ своихъ отношеніяхъ къ княжескимъ дружинникамъ. Простой крестьянинъ, Илья не подчиняется образу ихъ дѣйствій; такъ, при наступленіи Мамая на Кіевъ, Владиміръ совѣтуется съ дружиной о томъ, какъ съ нимъ воевать. Трусливые князья и бояре говорятъ:

«Что дѣлать надо стѣну бѣлокаменну
Да засыпать желтымъ пескомъ»,

а Илья подаетъ совѣтъ

«Послать къ Мамаю скоро гонца,
Просить срока на три мѣсяца,
Чтобы силамъ намъ поисправиться,
А могучимъ богатырямъ посъѣхаться».

Въ концѣ концовъ его независимость приводитъ его къ княжеской опалѣ.

Богатырская дѣятельность Ильи, въ которой онъ видитъ задачу всей своей жизни, сводится къ защитѣ родной земли, къ покровительству униженнымъ и оскорбленнымъ. Для себя лично Илья ничего не ищетъ. Онъ умираетъ такимъ же бѣднякомъ, какъ и былъ, хотя ему и предоставлялась часто возможность разбогатѣть. Такъ, онъ не принялъ подарковъ, которые предлагали ему дочери Соловья-разбойника и не откупилъ ихъ отца. Мы видѣли уже отсутствіе честолюбія въ Ильѣ, который отклонилъ предложеніе Черниговцевъ, звавшихъ его къ себѣ воеводой.

Всѣ народы сохранили въ памяти воспоминаніе о герояхъ, оказавшихъ имъ содѣйствіе на первыхъ шагахъ самостоятельной жизни. Съ теченіемъ времени легенда преувеличила ихъ заслуги, окружила правду баснословными вымыслами и превратила ихъ изъ хорошихъ людей въ боговъ и полубоговъ. Именно такимъ образомъ составились, напримѣръ, въ древней Греціи миѳы о Гераклѣ. Но достаточно сравнить Геракла съ Ильей Муромцемъ, чтобы увидѣть всѣ преимущества послѣдняго. Геракль совершаетъ большинство своихъ подвиговъ, принужденный къ этому царемъ Эврисѳемъ. Илья совершаетъ ихъ совершенно свободно, проникнутый однимъ желаніемъ

«Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему вѣрой-правдою,
Постоять за вѣру христіанскую».

И какъ личность, всегда дѣятельный, легко впадающій въ бѣшенство Геракль стоитъ гораздо ниже всегда спокойнаго, уравновѣшеннаго и степеннаго Ильи Муромца.

16. Отношеніе народа къ различнымъ сословіямъ по былинѣ о борьбѣ Ильи Муромца съ Жидовиномъ.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Какъ былины отразили взгляды народа?

См. сочин. № 13.

Время созданія образа Ильи Муромца.

См. сочин. № 14

Время созданія былины о борьбѣ И. Муромца съ Жидовиномъ-богатыремъ.

[Былина является одной изъ самыхъ позднихъ. Въ моментъ ея созданія успѣли уже опредѣлиться отношенія крестьянства къ другимъ сословіямъ].

Изложеніе.

Защита русской земли отъ внѣшнихъ враговъ, какъ задача богатырей Владимирова цикла.

См. сочин. № 15.

«Застава богатырская».

Составъ отряда:

а) «атаманъ Илья Муромецъ»,

б) «податаманье Добрыня Никитычъ младъ»,

в) «ясаулъ Алеша, поповскій сынъ»,

г) «Гришка, боярскій сынъ»,

д) «Васька долгополый».

Борьба съ Жидовиномъ.

Какое сословіе наиболѣе приспособлено къ борьбѣ?

а) Городское [неприспособлено, какъ слишкомъ привязанное къ мѣсту своего жительства:

«У Васьки полы долгія:
«По землѣ ходитъ Васька, заплетается;
«На бою, на дракѣ заплетется;
«Погинетъ Васька по-напрасному».].

б) Боярское [неприспособлено, такъ какъ храбрость въ немъ замѣнена хвастливостью:

«Гришка рода боярскаго:
«Боярскіе роды хвастливые,
«На бою-дракѣ призахвастается,
«Погинетъ Гришка по-напрасному»].

в) Духовенство [неприспособлено вслѣдствіе своего корыстолюбія:

«Увидитъ Алеша на нахвальщикѣ
«Много злата-серебра;
«Злату Алеша позавидуетъ,
«Погинетъ Алеша по-напрасному»].

г) Княжеское [неприспособлено, такъ какъ слишкомъ дорожитъ своей роскошной жизнью и вслѣдствіе этого трусливо. Добрыня послѣ долгихъ приготовленій бѣжитъ отъ Жидовина:

«Подъ Добрыней конь на колѣнца палъ.
Добрыня Никитычъ младъ
Господу Богу возмолится,
И мати Пресвятой Богородицѣ:
Унеси, Господи, отъ нахвальшика!»
Подъ Добрыней конь исправился;--
Уѣхалъ на заставу богатырскую»].

д) Крестьянское [оказывается единственнымъ, подготовленнымъ къ этой высокой миссіи. Его представитель Илья Муромецъ одерживаетъ побѣду надъ Жидовиномъ].

Какія преимущества крестьянскаго сословія обнаруживаются въ этой былинѣ?

а) Простота.
б) Сила.
в) Религіозность.
г) Скромность.

Заключеніе.

Илья Муромецъ, какъ идеалъ русскаго народа въ земледѣльческую эпоху.

См. сочин. № 15.

17. Характеристика Добрыни Никитича.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Вопросъ о сословіяхъ въ былинахъ Владимирова цикла.
Добрыня, какъ представитель княжескаго сословія.

Изложеніе.

Характеристика Добрыни.

а) «Вѣжество».

α) образованность,
β) времяпрепровожденіе:

α′) музыка,
β′) стрѣльба въ цѣль,
γ′) игры,
γ) тактъ,
δ) служба:
α′) «стольничаніе»,
β′) «чашничанье»,
γ′) «приворотничество».
δ′) Посольства.
б) Жестокость.
в) Трусость.
г) Отношеніе къ матери.
д) Отношеніе къ женѣ.

Заключеніе.

Илья Муромецъ и Добрыня Никитичъ. (Параллель).

Стольный городъ Кіевъ, сосредоточивая въ себѣ областныя, національныя силы древней Руси, грубыя и незоздѣланныя, не только давалъ имъ нѣкоторую политическую организацію въ богатырской дружинѣ князя Владимира, но и образовывалъ ихъ, приводя въ живительное столкновеніе другъ съ другомъ, вводя въ интересы зачинавшейся на Руси исторической жизни, а также сближая ихъ съ сосѣдними странами и чуждыми народами и знакомя съ иноземнымъ вліяніемъ.

У трона князя Владимира собирались богатыри самыхъ разнообразныхъ состояній и общественныхъ положеній, воодушевленные всѣ одной цѣлью — своими могучими силами послужить защитѣ вѣры и родины отъ враговъ. Никто не спрашивалъ ихъ, къ какому сословію они принадлежатъ, всѣхъ равно привѣтливо и радушно принималъ ласковый князь.

Но каждый богатырь удерживалъ извѣстные слѣды того круга, изъ котораго вышелъ. Вслѣдствіе этого народъ, характеризуя того или иного богатыря, стремится въ наиболѣе зрѣлыхъ своихъ былинахъ позднѣйшаго происхожденія снабдить его чертами, присущими тому сословію, къ которому тотъ принадлежитъ.

Добрыня Никитичъ—единственный изъ младшихъ богатырей, принадлежащій къ княжескому сословію.

Какъ лицо изъ высшаго общества, богачъ Добрыня служитъ представителемъ высшей степени образованности, возможной въ его время: онъ умѣетъ читать и даже «перомъ писать». Отъ того онъ слыветъ за человѣка грамотнаго, «востраго». Кромѣ того, онъ мастеръ пѣть и играть на гусляхъ или гудкѣ, такъ что, переодѣтый въ платье скоморошье, онъ не былъ узнанъ ни матерью ни княземъ Владимиромъ; онъ и стрѣлокъ превосходный, и плавать гораздъ, и игрокъ уличный въ тавлеи—шахматы. Съ удовольствіемъ уже съ дѣтства состязался онъ съ товарищами въ борьбѣ.

Добрыня знаетъ всѣ тонкости свѣтскаго обхожденія. Онъ человѣкъ почетливый, учтивый. Онъ умѣетъ соблюсти всѣ обычаи и приличія, входя въ палаты княжескія, знаетъ также всѣ правила поединка:

«Знаетъ, какъ съ богатыремъ съѣхаться,
Знаетъ, какъ богатырю честь отдать»,

причемъ даже врага своего Добрыня спрашиваетъ «про имя, про вотчину». Вообще, онъ умѣетъ и любитъ поговорить:

«У него ли рѣчи привѣтливы,
У него ли рѣчи умильныя,
Онъ прельститъ и уговоритъ».

Совокупность всѣхъ этихъ свойствъ, отличающихъ Добрыню, былины называютъ «вѣжествомъ». Это вѣжество «прирожденное», стало быть наслѣдованное Добрынею отъ предковъ, свойственное его княжескому роду. Его вѣжество и происхожденіе дали направленіе его дѣятельности, и вотъ какія службы справлялъ Добрыня при Владимирѣ:

«Три года у князя стольничалъ,
Да три года у князя чашничалъ,
Да три года у князя приворотникомъ былъ».

Наконецъ, бывалъ онъ и не разъ въ послахъ.

Какъ богатырь, Добрыня обрисованъ въ былинахъ несимпатичными чертами: онъ жестокъ съ слабыми, трусливъ съ сильными. У побѣжденнаго врага онъ любитъ «пороть груди бѣлыя, вынимать сердце съ печенью». Уже въ лѣтописи онъ является жестокимъ: креститъ новгородцевъ *огнемъ*. Такимъ же онъ выставляется и въ народныхъ пѣсняхъ: «онъ вырубилъ чудь бѣлоглазую, перекратилъ сорочину долгополую, черкесовъ пятигорскихъ и тѣхъ калмыковъ съ татарами, чукчи всѣ и югоры». За то, встрѣтившись съ Жидовиномъ-богатыремъ, онъ пугается и спасается постыднымъ бѣгствомъ.

«Подъ Добрынею конь на колѣнца палъ;
Добрыня Никитычъ младъ
Господу Богу взмолится
И Мати Пресвятой Богородицѣ:
«*Унеси, Господи, отъ нахвальщика*».
Подъ Добрынею конь поисправился,
Уѣхалъ на заставу богатырскую».

Еще одна черта обнаруживается въ добрынѣ: какая-то странная сентиментальность. Мы находимъ въ одной изъ былинъ его странный разговоръ съ матерью, въ которомъ Добрыня жалуется на свою судьбу, заставляющую его проливать «кровь напрасную», слезить отцовъ, матерей, ловить молодыхъ женъ, пускать сиротать малыхъ дѣтушекъ», слова, въ устахъ богатыря совершенно необычныя.

Отношенія Добрыни къ семьѣ носятъ печать вѣка, къ которому онъ принадлежитъ. Съ большимъ пренебреженіемъ относится онъ къ женѣ.

«Не дивую я разуму-то женскому,
Что волосъ дологъ да умъ коротокъ:
Ихъ куда ведутъ, онѣ туда идутъ,
Ихъ куда везутъ, онѣ туда ѣдутъ»,—

говоритъ онъ по поводу нарушеннаго его женой приказанія. Но мать свою онъ очень любитъ. Онъ не можетъ простить Алешу Поповича, который «привозилъ вѣсточку не радостну» о томъ, что Добрыня убитъ, вѣсточки, подъ вліяніемъ которой

«государыня родна матушка
Жалешенько по мнѣ плакала.
Слезила свои очи ясныя.
Скорбила свое лицо бѣлое».

За эту обиду Добрыня расправляется съ Алешей со своей обычной жестокостью.

Если сравнить Добрыню Никитича съ Ильей Муромцемъ, то положительныя черты послѣдняго выдѣляются еще рѣзче. Стойкость Ильи противопоставляется трусости Добрыни; кротость и незлобивость богатыря-крестьянина мстительности и жестокости богатыря-князя.

18. «Господинъ Великій Новгородъ» по новгородскимъ былинамъ.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Былины кіевскія и новгородскія.

Особенности новгородскихъ былинъ:

а) новгородскія былины, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи,

б) бытовое содержаніе новгородскихъ былинъ.

Изложеніе.

Новгородская жизнь по былинамъ.

А. Новгородская торговля.

а) Богатство Новгорода.

б) Торговля, какъ источникъ богатства.

в) Отношеніе купечества къ «братчинѣ Никольщинѣ»

г) Религіозность новгородскихъ купцовъ.

Б. Вѣчевой строй Новгорода.

а) Боярская и народная партія.

б) Новгородская вольница.

в) Кліентство и наемничество.

г) Общественные пиры.

д) Споры на вѣчѣ.

е) Способъ рѣшенія споровъ.

ж) Роль духовенства въ этихъ спорахъ.

з) Укшуйничество.

В. Особенности новгородской жизни.

а) Распространеніе грамотности.

б) Юридическія отношенія.

в) Закладъ.

г) Вольнодумство.

д) Свободомысліе.

Заключеніе.

Правильность воспроизведенія новгородской жизни и быта въ новгородскихъ былинахъ.

Большинство былинъ о младшихъ богатыряхъ относится къ Владимирову циклу. Но есть группа былинъ, очень своеобразныхъ какъ по формѣ, такъ и главнымъ образомъ—по содержанію. Это – былины новгородскія.

Новгородскіе богатыри Садко, богатый гость, и Василій Буслаевъ, не имѣютъ ничего общаго ни съ Кіевомъ ни съ княземъ Владимиромъ. Былины о нихъ обоихъ ярко отмѣчены мѣстнымъ цвѣтомъ новгородскаго быта. Эти новгородскія былины особенно дороги для исторіи русской литературы, какъ образецъ мѣстнаго развитія эпической поэзіи, во всей его чистотѣ, безъ малѣйшей примѣси вліянія чужихъ мѣстностей. Этому способствовало то счастливое обстоятельство, что онѣ до настоящаго времени сберегліись въ устахъ народа тамъ, гдѣ была новгородская область, и, слѣдовательно, записаны, гдѣ онѣ возникли, процвѣтали и видоизмѣнялись; между тѣмъ пѣсни о кіевской мѣстности дошли до насъ въ различныхъ редакціяхъ, преимущественно въ той-же новгородской.

Есть еще одна важная сторона новгородскихъ былинъ. Сквозь фантастическій или даже миѳическій элементъ ихъ легко видѣть ихъ бытовое и даже, такъ сказать, историческое содержаніе. Всѣ онѣ отличаются своимъ жанровымъ и гораздо болѣе кіевскихъ вводятъ васъ въ дѣйствительные интересы новгородской жизни.

Два богатыря новгородскихъ представляютъ намъ двѣ выдающіяся стороны новгородской жизни, отличающія Новгородъ отъ другихъ областей русской земли, торговлю и вѣчевое устройство.

Представителемъ новгородской торговли является Садко. Ужъ одно то обстоятельство, что героемъ былины избранъ не богатырь, а «богатый гость», указываетъ, какое значеніе имѣло богатство въ глазахъ новгородцевъ. И вся былина, проникнутая всецѣло мѣстными интересами, восходитъ здѣсь до торжественной пѣсни во славу великаго и богатаго Новгорода. Непомѣрный богачъ задумалъ было тягаться со всѣмъ Новгородомъ, но тотчасъ же изнемогъ въ этой борьбѣ и смирилъ личную гордость передъ колоссальнымъ величіемъ своей славной родины, но въ своемъ пораженіи утѣшалъ себя патріотической гордостью, всѣ они, гости богатые новгородскіе, только малыя частицы того великаго цѣлаго, которое всѣхъ ихъ объемлетъ и сообщаетъ имъ значеніе и силу.

«Не я Садко богатъ—богатъ Новгородъ»,—

восклицаетъ Садко, проигравъ свой закладъ съ товарищами. Такова глубокая мысль объ искренней, чистой любви къ своей родинѣ въ этомъ простомъ, сказочномъ разсказѣ о любви, которая уравниваетъ всѣ личные интересы передъ священной идеей объ общемъ благѣ и славѣ цѣлой родины.

Источникомъ богатства Новгорода является его развитая торговля. Былины не одинаково говорятъ о томъ, какъ разбогатѣлъ Садко. По однимъ былинамъ, Ильмень—озеро надѣлило его за поклонъ, принесенный имъ отъ Волги рѣки, множествомъ рыбъ, превратившихся у Садка въ золотыя монеты; по другимъ—то же озеро, за игру Садка на гуселькахъ дало ему три рыбки «золотыя перья», благодаря чему Садко выспорилъ у купцовъ новгородскихъ девять лавокъ товару краснаго. Но смыслъ этихъ былинъ одинъ и тотъ-же: по обѣимъ Садко разбогатѣлъ отъ Ильмень — озера, благодаря торговлѣ. А такъ какъ въ торговлѣ того времени главную роль играли водные пути, то становятся понятными также отношенія Садка къ Морскому царю.

Въ эпизодѣ о покупкѣ Садкомъ товара есть двѣ подробности, любопытныя для исторіи народнаго быта. Во-первыхъ, передъ тѣмъ, какъ скупать товары Садко долженъ былъ въ новгородскую общину, называемую въ былинѣ братчиною Никольщиною, внести за себя извѣстную сумму. Во-вторыхъ, во время покупки Садко построилъ нѣсколько церквей.

«Вложилъ Богъ желанье въ ретиво сердце,
А и шедъ Садко Божій храмъ соорудилъ
А и во имя Стефана Архидьякона:
Кресты, маковицы золотомъ золотилъ,
Онъ мѣстны иконы изукрашивалъ,
Изукрашивалъ иконы, чистымъ жемчугомъ усадилъ,
Царскія двери вызолачивалъ».

Такимъ же образомъ сооружаетъ онъ храмы Софіи Премудрыя и Николая Можайскаго. Эта подробность согласуется съ свидѣтельствомъ лѣтописи о томъ, что въ Новгородѣ большинство церквей строилось частными лицами, тогда какъ въ другихъ областяхъ Россіи это было преимущественно дѣломъ князей и духовенства.

Былины о Василіи Буслаевѣ еще ярче рисуютъ передъ нами древній новгородскій бытъ. Съ именемъ этого героя народный эпосъ связываетъ живѣйшія воспоминанія о борьбѣ

новгородскихъ партій, двухъ сторонъ Новгорода, раздѣляемыхъ рѣкой Волховомъ, а также вообще о вѣчевыхъ порядкахъ, получившихъ въ Новгородѣ самое полное развитіе.

Василій изображается въ былинѣ знатнымъ, богатымъ, можетъ-быть, бояриномъ. Противники его -«мужики новгородскіе». Отецъ его жилъ

«до девяносто лѣтъ;
Съ Новымъ—городомъ не перечился,
Со мужики Новогородскими
Поперекъ словечка не говаривалъ».

Это умѣнье его жить, не вступая въ ссоры съ народомъ, и помогло ему сохранить «все имѣніе дворянское» и передать его своимъ наслѣдникамъ: женѣ и сыну. Какъ увидимъ дальше, Василія Буслаева погубили именно его ссоры съ мужиками; борьба его, представителя боярской партіи, съ партіей народной. Склонность Василія къ ссорамъ и дракамъ есть результатъ его общенія

«Со пьяницы, со безумницы,
Съ веселыми, удалыми добрыми молодцы»,

которые составляли обычный образецъ новгородской веселой жизни. Это были тѣ, что при случаѣ дѣлались матеріальной силой партій и заговоровъ подъ покровительствомъ сильныхъ и богатыхъ, отваживались чинить смуты, а иногда и сами составляли шайки, на разбой ходили, дома поджигали и т. д. Съ такими-то людьми подружился Василій: поитъ ихъ допьяна; самъ пьянъ напивается, шумитъ, буянитъ, дерется съ встрѣчными. Когда же новгородскіе мужики пожаловались на него матери, и та принялась его «журить-бранить», онъ, чтобы отомстить имъ, принимается за организацію шайки «добрыхъ молодцевъ».

При порядкахъ, существовавшихъ въ Новгородѣ, составленіе богатымъ знатнымъ человѣкомъ шайки голытьбы было явленіемъ нерѣдкимъ. Въ случаѣ разногласія на вѣчѣ, вопросъ рѣшался споромъ, а подчасъ и дракой. Въ этихъ видахъ человѣку, который хотѣлъ имѣть вліяніе на общественныя дѣла, важно было сгруппировать вокругъ себя людей, которые могли бы поддержать его въ случаѣ нужды своей силой; а среди голытьбы новгородской нетрудно было найти множество такихъ, которые съ радостью откликнутся на призывъ:

«Кто хочетъ пить и ѣсть изъ готоваго,
Валися къ Васькѣ на широкій дворъ,—

Тоть *пей и пить готовое*
И носи платье разноцвѣтное».

Охотниковъ находится множество, и Буслаевъ оказывается даже вынужденнымъ установить для нихъ своеобразное испытаніе: рядомъ съ чаномъ «зелена вина» онъ кладетъ «червленый вязъ»

«Въ половинѣ было налито
Тяжела свинцу чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ»,

и того, кто выдерживаетъ ударъ такой палицы, Василій принимаетъ въ число своихъ названныхъ братьевъ.

Но названные братья были ниже Буслаева по достоинству, они его пособники, его вассалы, его дружина. Онъ надъ ними старшина, онъ ихъ будетъ поить и кормить. Древнее равенство, побратимство, отъ усложненія общественныхъ отношеній спускается до клиентства, хотя еще не дошло до наемничества. Новгородская свобода подорвала первобытное равенство отношеній; но она же не допуститъ до униженія одной стороны предъ другою, такъ какъ она же, хотя и возвышала бояръ въ Новгородѣ, не допускала черный народъ до безгласнаго порабощенія боярамъ. Приходящій вступалъ въ союзъ съ Василіемъ, и хотя былъ меньшимъ предъ нимъ, однако все-таки братомъ; такъ точно, какъ и Псковъ, хотя и былъ меньшимъ, а все-таки братомъ, а не подчиненнымъ Великому Новгороду.

«И прибралъ Василій много—много товарищей,
Набралъ онъ ихъ три дружины въ Новгородѣ».

Пошелъ Василій со своими названными братьями искать приключеній и случая начать задоръ съ новгородцами отомстить имъ за то, что они на него жаловались.

Была братчина Никольщина. Это было обычное увеселеніе на Руси. Черезъ избраннаго пирового старосту устраивались пиры въ складчину или осень. Распорядители братчины не знали Василія, но Василій пришелъ самъ въ братчину со своими побратенниками, спрашиваетъ, по сколько въ братчинѣ съ брата беретъ; и самъ даетъ за себя и за товарищей гораздо большую сумму, чѣмъ платилось вообще; по собственно за свою особу онъ даетъ вдесятеро больше, чѣмъ за каждаго товарища: за себя пятьдесятъ рублей, за каждаго названнаго брата пять рублей. Здѣсь также видна потеря древняго равенства отношеній: Василій считаетъ себя въ десять разъ выше своихъ побратенниковъ.

Скоро завязался споръ, быстро перешедшій въ драку. И не мудрено. Тайная злоба, существовавшая между Василіемъ и новгородцами, легко могла найти себѣ пищу на пьяномъ, разгульномъ пиру. Вдобавокъ Василій, заплатившій больше всѣхъ и окруженный своей дружиной, захотѣлъ показать свое первенствующее положеніе, а это «мужикамъ новгородскимъ не слюбилося». Но драка ихъ носитъ специфическій, новгородскій характеръ.

Во-первыхъ, враждующія стороны бьются объ закладъ, который, какъ коммерческая сдѣлка, формально записывается и подъ которымъ «прилагаются руки». Условія заклада Василій формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Гой еси вы, мужики Новгородскіе!
«Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
«Напушаюсь я на весь Новгородъ
«Битися, дратися,
«Со всею дружиною хораброю,
«Только вы меня съ дружиною побьете, Новымъ-
городомъ,
«Буду вамъ платить дани выходы по смерть свою
«На всякій годъ по три тысячи;
«А буде же я васъ побью,
«И вы мнѣ покоритеся,
«То вамъ платить мнѣ такову же дань».

Вторая особенность—это мѣсто разрѣшенія спора. Для драки обѣ стороны отправляются «на мостикъ на Волховскій, на тою же рѣченьку на Волхову».

Юридическая сила записи такъ велика, что ее признало само новгородское правительство. Матушка, узнавши, что ожидаетъ ея сына, побѣжала къ новгородскому князю, хлопотать, нельзя ли какъ-нибудь пріостановить споръ. Но что тутъ можетъ сдѣлать князь, когда договоръ написанъ и подписанъ съ обѣихъ сторонъ. Князь даетъ ей суровый отвѣтъ:

«Тогда прощу, когда голову срублю».

Драка принимаетъ грандіозныя размѣры; ея не можетъ остановить даже представитель духовенства («Старчище Пилигримище»), и только вмѣшательство матери Василія спасаетъ мужиковъ новгородскихъ отъ «гибели немилучей».

Такова картина бурнаго новгородскаго вѣча, изображенная въ былинѣ. Мы видимъ въ ней вообще много чертъ, характеризующихъ жизнь Великаго Новгорода. Мы уже отмѣтили нѣкоторыя такія черты: стремленіе придать этимъ за-

кладамъ точное юридическое обоснованіе. Упомянемъ еще о развитіи грамотности въ Новгородѣ, какъ городѣ по преимуществу торговомъ. Не только самъ Василій умѣетъ читать и писать, но онъ даже развѣшиваетъ «ярлыки скорописчаты», объявленія, когда рѣшаетъ собрать себѣ дружину, а, такимъ образомъ, его предложеніе быстро становится извѣстнымъ всему городу.

Мы уже указали на одну черту, общую у Василія съ богатырями кіевскими: это его любовь къ матери. Оказывается, онъ не лишенъ также и извѣстнаго страха Божія: подъ старость онъ отправляется къ Святымъ Мѣстамъ замаливать свои немалочисленные грѣхи:

«Съ молоду бито много, граблено,
Подъ старость надо душу спасти».

Но и это «гулянье неохотное» Василія принимаетъ характеръ набѣга лихихъ ушкуйниковъ: онъ ищетъ приключеній, отправляется прямымъ путемъ въ Іерусалимъ, хотя знаетъ, что тамъ

«Стоитъ застава крѣпкая.
Стоятъ атаманы казачіе».

Въ поискахъ за приключеніями и нашелъ Василій гибель. По дорогѣ онъ встрѣчаетъ мертвую голову и начинаетъ черезъ нее прыгать, несмотря на предупрежденія. Здѣсь сказывается вольнодумство и свободоязычіе человѣка, любимый девизъ котораго:

«А не вѣрую я, Васенька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А вѣрую въ свой червленый вязъ».

Послѣ разсмотрѣнія былинъ о двухъ новгородскихъ богатыряхъ: Василіи Буслаевѣ и «Садкѣ, богатомъ гостѣ», приходится сказать, что въ нихъ удивительно ярко и полно выразилась вся новгородская жизнь: торговля Великаго Новгорода, бойкая, оживленная, съ ея слѣпымъ счастьемъ, способнымъ вчерашняго гусляра сдѣлать богатымъ человѣкомъ, его буйное вѣче съ постоянной борьбой партій, ссорами и драками; оригинальныя формы его общественной жизни съ ея общественными пирами, сложными юридическими отношеніями, закладами, его удалое ушкуйничество, открывшее первые пути русской колонизаціи; наконецъ его благочестіе и почитаніе родителей, роднящее Новгородъ съ другими русскими областями.

19. Богатыри Кіевскіе и Новгородскіе. (Параллель)

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Что такое былина?

См. сочин. № 8.

Богатыри.

См. сочин. № 9.

Старшіе и младшіе богатыри.

См. сочин. № 10.

Изложеніе.

Сравненіе между Кіевскими и Новгородскими богатырями.

А. Черты сходства.

а) Пріуроченность къ мѣсту.

б) Историческое значеніе.

в) Воплощеніе національныхъ чертъ:

α) любовь къ родителямъ,

β) благочестіе

См. сочин. № 14.

Б. Черты различія.

а) Личность богатырей

α) кіевскихъ:	β) новгородскихъ:
α′) отсутствіе эгоизма См. сочин. № 15.	α′) эгоизмъ См. сочин. № 18.
β′) служеніе родинѣ См. сочин. № 15.	β′) служеніе личнымъ интересамъ См. сочин. № 18.

γ′) отношеніе къ ближнему.

б) Подвиги богатырей

α) кіевскихъ:	β) новгородскихъ:
α′) одерживаютъ побѣды на полѣ битвы,	α′) въ дракахъ со своими соотечественниками или въ купеческихъ операціяхъ,
β′) служатъ своими подвигами родинѣ.	β′) смотрятъ на подвиги, какъ на забаву.

в) Значеніе богатырей

α) кіевскихъ:	β) новгородскихъ
α′) общерусскіе идеалы,	α′) мѣстные интересы,
β′) нравственно-воспитательное значеніе	β′) литературный интересъ.

Заключеніе.

Историческая правда въ былинахъ Кіевскихъ и Новгородскихъ.

20. Младшіе богатыри, какъ идеалъ народа въ земледѣльческую эпоху.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Миѳическій періодъ въ былинномъ эпосѣ.

Его характерныя особенности:

а) стихійность богатырей,

б) непомѣрная сила богатырей,

в) безполезность ихъ дѣятельности,

г) отраженіе кочевого быта.

См. сочин. № 9.

Изложеніе.

А. Переходъ отъ кочевого быта къ осѣдлому.

а) Микула Селяниновичъ, какъ переходной типъ.

б) Черты старшихъ богатырей.

в) Черты младшихъ богатырей.

См. сочин. № 12.

Б. Младшіе богатыри.

а) Происхожденіе.

См. сочин. № 10.

б) Сила сравнительно съ силой старшихъ богатырей.

См. сочин. № 12.

в) Объяснительно-боевое значеніе богатырской дружбы.

См. сочин. № 12.

г) Характерныя черты богатыря:

α) свѣжесть и неутомимость,

β) воинскія доблести,

γ) патріотизмъ,
δ) религіозность,
ε) пріуроченность къ мѣсту,
ζ) принадлежность къ сословію,
η) отсутствіе сословной вражды,
ϑ) человѣчность,
ι) конкретность созданныхъ народомъ образовъ.

Заключеніе.

Высокій идеалъ, выраженный народомъ въ былинахъ о младшихъ богатыряхъ.

21. Былины и сказки.

Сказка—складка, пѣсня—быль.
Народная пословица.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Отношеніе между отдѣльными видами народнаго творчества.

Народный эпосъ.

Виды народнаго эпоса:

а) миѳъ,
б) животный эпосъ,
в) сказка,
г) былина,
д) историческая пѣсня.

Изложеніе.

Сказка и былина.

А. Черты сходства.

Общее происхожденіе.
б) Языкъ.
в) Переходъ былины въ сказку.

Б. Черты различія.

а) Историческій элементъ
  α) въ сказкѣ,
  β) въ былинѣ.
б) Фантастика
  α) въ сказкѣ,
  β) въ былинѣ.

в) Цѣль
   α) сказки,
   β) былины.
г) Народность.
д) Волшебный элементъ.

Заключеніе.

Сказки и былины, какъ матеріалъ для сужденія о міросозерцаніи и бытѣ народа.

КОНСПЕКТЪ СОЧИНЕНІЯ.

Всѣ виды народнаго творчества, при всемъ многообразіи своей формы, имѣютъ чрезвычайно много общаго между собою. Проистекая изъ одного и того-же источника, они различаются между собой въ частностяхъ, сходны въ общемъ: въ пріемахъ творчества, въ міросозерцаніи, которое они отражаютъ. Въ особенности тѣсно связаны между собой всѣ формы народнаго эпоса: произведенія миѳическаго и животнаго эпоса, сказки, былины и историческія пѣсни.

Сравнивая былины со сказками, мы прежде всего замѣтимъ въ нихъ общую исходную точку, общій источникъ. И былина и сказка пошли отъ одного общаго корня -древнѣйшей миѳологической пѣсни. Съ теченіемъ времени этого рода первоначальная миѳическая пѣсня должна была однимъ путемъ переработаться въ былину, другимъ путемъ въ сказку.

Другая сторона сходства между былинами и сказками это языкъ и выраженія. И тамъ и здѣсь языкъ русскій народный, и тамъ и здѣсь подчиненъ онъ извѣстнымъ сочетаніямъ словъ, эпитетамъ и т. д.

Но между сказкой и былиной есть также весьма существенныя черты различія.

Уже сказано выше, что сказка и былина пошли по разнымъ путямъ. Былина вышла на почву исторіи ея миѳическія личности и событія пріурочивались къ историческимъ мѣстностямъ и явленіямъ, получали все болѣе и болѣе историческую обстановку, наконецъ даже ставились въ соотношенія, иногда же и совсѣмъ совпадали съ личностями историческими. Напротивъ, сказка совершенно чужда историческихъ воспоминаній; въ ней выступаетъ жизнь частная, домашняя, съ ея завѣтными

понятіями и обычаями, или-же воспоминанія доисторическія, объясненіе которыхъ невозможно безъ сравненія со сказками другихъ народовъ. Отсюда преобладаніе фантастики въ сказкѣ, отсюда полное довѣріе къ былинѣ и недовѣріе къ сказкѣ. Правда, и въ былинахъ географія, напримѣръ, можетъ быть плоха, но это происходитъ отъ незнанія. Между тѣмъ въ сказкѣ очень сознательно авторъ нарушаетъ всѣ предѣлы времени и пространства, говоритъ о тридесятомъ царствѣ, о небывалыхъ странахъ и всякихъ диковинахъ. Отсюда выходитъ также, что содержаніе эпическихъ пѣсенъ народа—всегда лица или событія народной жизни. Пѣсни—всегда народны. Сказка же, напротивъ, уходитъ въ чужіе края, и, какъ вымыселъ, носятся, гдѣ угодно. Значеніе вымысла даетъ возможность пользоваться чужой фантазіей, и потому многія изъ сказокъ перешли къ намъ цѣликомъ изъ иностраннаго эпоса, напр., съ востока. Содержаніе такихъ сказокъ, разумѣется, не всегда можетъ служить выраженіемъ народнаго духа.

Фантастика сказки способствуетъ развитію въ ней волшебнаго элемента. Въ сказкахъ онъ постоянно присутствуетъ, и почти всѣ герои сказокъ находятъ себѣ помощь и опору въ волшебствѣ и волшебникахъ. Въ пѣсняхъ хотя нельзя не признать чародѣйственнаго элемента, но онъ всегда на враждебной сторонѣ, противенъ русскому духу, и русскіе богатыри не только не почерпаютъ въ немъ силъ, но постоянно ведутъ съ нимъ бой, прибѣгая съ молитвою къ одному Богу. Правда, есть былина о Волхѣ [1]), но герой этой пѣсни стоитъ совершенно одиноко между всѣми богатырями старины глубже всѣхъ уходя въ древность. Всѣ богатыри и вообще всѣ герои пѣсенъ, не водятся ни съ волшебствомъ, ни съ волшебниками, а ѣздятъ, гдѣ только возможно, бьютъ и преслѣдуютъ ихъ.

Наконецъ, есть различіе и въ самой цѣли, съ которой составлялись былины и сказки. Первыя имѣли важность *были*, которая на тогдашней ступени развитія стала служить какъ-бы тѣмъ, чѣмъ служитъ теперь исторія. Эту особенно драгоцѣнную быль надобно было хранить, какъ зѣницу ока. Сказка вытекаетъ изъ другихъ побужденій: народъ, совершенно истерзавшійся въ борьбѣ съ природой, тяжелой борьбѣ за кровъ и пищу, видитъ въ сказкѣ средство хоть на одну минуту на крыльяхъ фантазіи унестись въ другой міръ, гдѣ все такъ непохоже на

[1]) См. сочин. № 11.

окружающую человѣка здѣсь дѣйствительность. Въ этомъ мірѣ, созданномъ творческой фантазіей народа, все просто, чисто и откровенно, и все клонится къ торжеству нравственнаго начала. Не правда всегда наказывается, добро торжествуетъ надъ зломъ. Несчастіе, бѣдность, сиротство находятъ свое утѣшеніе въ борьбѣ простодушнаго бѣдняка съ хитрымъ богачемъ: побѣда принадлежитъ всегда первому. Униженные и оскорбленные — вотъ истинные герои изображеннаго здѣсь сказочнаго міра[1].

Такимъ образомъ, въ сказкахъ и былинахъ съ полною яркостью сказалось міросозерцаніе автора — народа въ эпоху ихъ созданія. Кромѣ того по нимъ мы имѣемъ возможность судить объ обстановкѣ, въ которой жилъ народъ въ эпоху ихъ созданія. И матеріалъ этотъ тѣмъ для насъ драгоцѣннѣе, что, для изображенной въ сказкахъ и былинахъ эпохи, мы вслѣдствіе отсутствія письменности — никакого другого матеріала не имѣемъ.

22. Историческія пѣсни и былины.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Происхожденіе и развитіе былины.

а) Миѳологическое начало былины.

б) Усиленіе историческаго элемента въ былинѣ.

в) Былина и исторія:

α) факты,

β) характеристики,

γ) географія,

δ) хронологія,

ε) общіе взгляды,

ζ) взглядъ народа на историческую правду въ былинѣ.

Изложеніе.

Переходъ отъ былины къ исторической пѣснѣ. Сравненіе былины съ исторической пѣсней.

А. Черты сходства.

а) Авторъ.

б) Пріемы.

---

[1]) См. сочин. № 7.

в) Языкъ.
г) Отдѣльныя частности.

Б) Черты различія.

а) Причины различія:
  α) время происхожденія,
  β) измѣненія въ настроеніи народа.
б) Отсутствіе фантастическаго элемента.
в) Реалистическое направленіе.
г) Сухость.
д) Отсутствіе поэтичности.
е) Лирическій элементъ.

Заключеніе.

Значеніе историческихъ пѣсенъ.

Былина наша беретъ свое начало отъ древнѣйшей миѳологической пѣсни[1]). Когда эта первоначальная пѣсня пошла по пути исторіи, когда ея миѳическія личности и событія стали пріурочиваться къ историческимъ мѣстамъ и явленіямъ, то такія переработанныя пѣсни получили для народа важность *были былины* и стали служить ему тѣмъ, чѣмъ теперь служитъ исторія.

Конечно, нельзя считать былины такимъ памятникомъ, на основаніи котораго можно было бы въ настоящее время возстановить историческое прошлое древней Руси. Былина часто совершенно извращаетъ факты или передаетъ намъ событія, которыхъ въ дѣйствительности вовсе не было. Ей ничего не стоитъ, напримѣръ, разсказать о томъ, какъ какой-то индійскій царь вздумалъ совершить набѣгъ на Кіевъ, и какъ набѣгъ этотъ былъ отраженъ «хитростью-мудростью» одного изъ богатырей. Если даже встрѣчается въ былинѣ упоминаніе о какомъ-либо историческомъ лицѣ, то было бы большой наивностью искать въ немъ тѣ черты, которыя приписываются ему исторіей. Владиміръ Святой исторіи, и Владиміръ «князь стольно-кіевскій» былиннаго эпоса—это два какъ будто совершенно различныхъ лица.

Также безцеремонно обращается былина съ географіей и хронологіей. Отъ Чернигова по былинѣ

[1]) См. сочин. № 8.

«Прямоѣзжею дорожкою въ Кіевѣ пятьсотъ верстъ,
Окольною дорожкой цѣла тысяча»,

а на самомъ дѣлѣ разстояніе между Кіевомъ и Черниговомъ только 130 верстъ; татарское нашествіе былина относитъ ко времени Владимира Святого и т. д.

Тѣмъ не менѣе, народъ вполнѣ вѣрилъ въ историческую правду былинъ, какъ это видно изъ самаго ихъ названія (былина, быль, то, что было). И дѣйствительно, при ошибкахъ въ частностяхъ, былины въ общемъ правильно передаютъ взгляды современниковъ на историческіе факты и явленія.

Усилимъ въ былинѣ склонность къ исторической правдѣ за счетъ фантастики и поэтическаго элемента, пріурочимъ ее къ совершенно опредѣленнымъ фактамъ и лицамъ исторической дѣйствительности—и мы получимъ новый видъ народнаго эпоса—историческую пѣсню.

Тѣсно связанныя между собою, былина и историческія пѣсни, конечно, имѣютъ много сходственныхъ чертъ.

Будучи, какъ и былины, продуктомъ народнаго творчества, историческія пѣсни, естественно, сохраняютъ тѣ-же литературные пріемы. «Злой Калинъ-царь», который хвалится-похваляется»,

«Что возьметъ Калинъ-царь стольный Кіевъ-градъ,
А Владимира-князя въ полонъ-полонитъ,
Божьи церкви на дымъ спуститъ»,

ничѣмъ не отличается отъ индійскаго царя, который

«Наряжается,
А хвалится-похваляется,
Хочетъ Кіевъ-градъ за щитомъ весь взять,
А Божьи церкви на дымъ спустить
И почестны монастыри разорить»,—

и вообще можно провести очень много параллелей между цѣлыми частями былинъ и историческихъ пѣсенъ. И языкъ былинъ почти тотъ-же, что и въ историческихъ пѣсняхъ; и тамъ и здѣсь встрѣчаются яркія сравненія, эпитеты, метафоры, гавталогіи и т. п. Нѣкоторыя мѣста историческихъ пѣсенъ кажутся прямо перенесенными сюда изъ былинъ.

«И видѣли мы подъ Кіевомъ дивнымъ-дивно,
И видѣли подъ Кіевомъ чуднымъ-чудно»,—

разсказываетъ пѣсня, а въ былинѣ читаемъ:

«Подъ Черниговымъ силушки чернымъ-черно,
Чернымъ черно, какъ черна ворона».

Такихъ примѣровъ можно найти сколько угодно.

Однако пѣсни во многомъ непохожи на былины.

Былины создались въ эпоху героическую, въ эпоху благосостоянія и счастливой жизни народа; историческія пѣсни возникаютъ значительно позже; древнѣйшія изъ нихъ относятся къ періоду татарской неволи.

Со времени темнаго владычества татаръ историческія судьбы древней Руси не благопріятствовали развитію поэзіи, правильное развитіе народной жизни, сначала оставленное и подавленное, подъ гнетомъ дикихъ поработителей, приняло потомъ, въ эпоху уничтоженія удѣловъ и образованія единовластія Москвы, ложное направленіе, и поэтическая сторона народнаго духа, поэтическое творчество народа стало замѣтно ослабѣвать. И историческія пѣсни, созданіе которыхъ относится именно къ этому времени, поражаютъ насъ прежде всего отсутствіемъ въ нихъ фантастическаго элемента сравнительно съ былинами. Въ былинахъ фантастическаго такъ много, что капли исторической правды совершенно исчезаютъ въ морѣ вымысла. И историческая пѣсня вначалѣ еще пересыпала изображаемые ею факты цвѣтами фантазіи, которые однако съ теченіемъ времени совершенно исчезаютъ. Такъ, въ пѣснѣ о нашествіи монголовъ, изображены еще разговоръ турицы съ дѣтьми и появленіе Богородицы на стѣнѣ, пѣсня о взятіи Казани передаетъ сонъ царицы Елены, но въ позднѣйшую эпоху фантазія уже совершенно не примѣшивается къ голому изложенію фактовъ. Историческая пѣсня все больше и больше стремится къ реализму, къ воспроизведенію фактовъ-событій, какими они были въ дѣйствительности. Послѣднія историческія пѣсни это уже вполнѣ прозаическія произведенія, утратившія и самый свой стихотворный размѣръ. Такова начало пѣсни «Нарожденіе Петра Великаго»:

«Какъ да свѣтелъ радошенъ на Москвѣ
Благовѣрный князь Алексѣй Михайловичъ:
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича
Перваго императора по землѣ».

Прозаическій характеръ исторической пѣсни сказался также въ сухости ея изложенія, въ отсутствіи въ ней поэзіи и поэтическаго настроенія. За то историческія пѣсни вводятъ новый элементъ сравнительно съ былинами, это — лирическія восклицанія, отражающія отношеніе автора народа къ описываемымъ событіямъ. Въ былинахъ такихъ восклицаній нѣтъ и не могло быть: описываетъ ли былина побѣды богатырей, ви-

дитъ ли она своихъ героевъ на краю гибели, она всегда сохраняетъ тотъ-же безстрастный тонъ.

«Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый,
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости ни гнѣва».

Это спокойствіе былины совершенно понятно. Въ ту пору, когда создавались былины, всѣ думали и чувствовали одинаково, рѣдко выдающихся изъ общаго уровня личностей не было, что чувствовалъ одинъ, чувствовали всѣ, и потому въ выраженіи такого чувства не было никакой необходимости. Напротивъ, при созданіи историческихъ пѣсенъ уже рѣзко выдѣлялась отдѣльная личность, и потому представляется совершенно естественнымъ, что она хотѣла проявить свое отношеніе къ тому или иному событію. Такъ, изображая нашествіе монголовъ, авторъ восклицаетъ:

«Ахъ, зачѣмъ мать сыра-земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?»

Воцареніе Самозванца вызываетъ изъ устъ автора слѣдующія строки:

«Ты, Боже, Боже, Спасъ милостивый!
Къ чему рано надъ нами прогнѣвался—
Сослалъ намъ, Боже, прелестника,
Злаго Разстригу Гришку Отрепьева?
Ужели онъ Разстрига на царство сѣлъ?

Послѣднія пѣсни, и въ особенности «Пѣсня царевны Ксеніи», даютъ намъ понятіе о томъ, какъ на основѣ эпической могла у насъ зарождаться народная лирическая поэзія. Въ «Пѣснѣ царевны Ксеніи» излагается не событіе а чувство, именно чувство радости при наступленіи весны.

Изъ всего сказаннаго видно, что мины, первоначально служившіе предметами и поэтическими украшеніями народныхъ сказаній, уступили мѣсто дѣйствительности, исторіи. Героями народныхъ сказаній являются уже лица чисто историческія, и вся обстановка ихъ принимаетъ видъ строгой дѣйствительности. Дѣйствительность и исторія — вотъ характеристическія черты народныхъ эпическихъ произведеній съ XIII вѣка. Но, потерпѣвши такое измѣненіе со стороны основы и предмета, народныя пѣсни строго удержали прежній складъ и поэтическіе пріемы. И при этомъ положительномъ отношеніи къ дѣйствительности, народъ въ значительной степени удержалъ при себѣ прежній поэтическій взглядъ на человѣка и природу, и прежній спо-

собъ поэтическаго выраженія. Новые пѣвцы пользовались тѣми же поэтическими пріемами и формами, какіе употреблялись изстари. Широта воззрѣній, стихотворный складъ рѣчи— вполнѣ сохранились въ пѣсняхъ во всей своей чистотѣ. Поэтому-то историческія пѣсни даже XVII столѣтія представляютъ силу и свѣжесть, свойственную первоначальному эпосу.

23. Татарская неволя по историческимъ пѣснямъ.

ПЛАНЪ

Вступленіе.

Историческія пѣсни.

Историческая правда въ историческихъ пѣсняхъ.

Пѣсни о татарской неволѣ.

Изложеніе.

А. Нашествіе татаръ.

а) Численность татарскаго войска,

б) Отношеніе татаръ къ религіи,

в) Гибельныя послѣдствія татарскаго нашествія.

Б. Русь подъ владычествомъ татаръ.

а) Жестокости татаръ,

б) Собираніе дани:

α) размѣръ дани,

β) способъ ея собиранія

в) Возстаніе тверитянъ.

Заключеніе.

Отношеніе фактовъ, изображаемыхъ въ пѣсняхъ, къ исторической дѣйствительности.

Историческая пѣсня развивается изъ былиннаго эпоса, отличаясь отъ него усиленіемъ историческаго элемента. Въ былинахъ къ области исторіи принадлежатъ только общія настроенія и явленія жизни, что же касается событій и личностей, то они являются продуктомъ творческой фантазіи народа. Въ пѣсняхъ и событія и лица взяты изъ исторіи, а художественность сказалась лишь въ окраскѣ и оживленіи взятыхъ изъ жизни фактовъ и людей.[1])

[1]) См. сочин. № 1.

Такимъ образомъ, въ пѣснѣ мы можемъ уже искать исторической правды, мы имѣемъ право искать въ ней указанія на отдѣльные факты, которые подтверждаются или лѣтописями или другими историческими памятниками и документами. Конечно, и въ пѣсняхъ встрѣчаются еще прикрасы, но онѣ легко отдѣляются отъ зерна дѣйствительности, и чѣмъ больше придвигается пѣсня къ нашему времени, тѣмъ меньше ощущается въ ней фантастическій элементъ.

Изъ пѣсенъ о татарской неволѣ самыя замѣчательныя пѣсни «О нашествіи Монголовъ» и «О Щелканѣ Дудентьевичѣ».

Первая пѣсня изображаетъ приближеніе татаръ къ Кіеву. «Четыре тура златорогіе», пробѣгая мимо Кіева, видѣли тамъ «чуднымъ чудно» и «дивнымъ дивно»:

«И по той стѣнѣ городовыя
И ходитъ-гуляетъ душа красная дѣвица,
Въ рукахъ держитъ Божью книгу—Евангеліе,
Сколько ни читаетъ, а вдвое плачетъ».

Мать объясняетъ турамъ, что эта дѣвица не что иное, какъ «Матя пресвята Богородица», плачущая «по той ли по вѣрѣ христіанскія», которой предстоитъ тяжкое испытаніе. И дѣйствительно, вскорѣ неподалеку отъ Кіева располагается «злой Калинъ, царь Калиновичъ» съ громаднымъ войскомъ, который угрожаетъ,

«Что возьметъ Калинъ царь стольный Кіевъ-градъ,
А Владимира князя въ полонъ полонитъ,
Божьи церкви на дымъ пуститъ».

Для исполненія этой угрозы онъ выбираетъ изъ своего войска татарина-богатыря и предлагаетъ какому-либо русскому бороться съ нимъ. Конецъ пѣсни, гдѣ на борьбу выступаетъ Илья Муромецъ, носитъ былинный характеръ.

Пѣсня даетъ намъ возможность судить не только о самомъ фактѣ татарскаго нашествія, но и объ отношеніи современниковъ къ этому факту. Народъ, какъ мы видимъ изъ пѣсни, представляетъ себѣ татаръ непобѣдимыми. Войско ихъ громадно:

«А отъ пару было отъ конинаго—
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло.
Не видать луча свѣта бѣлаго»,

и одна близость татаръ вызываетъ гибель русскаго населенія:

«Отъ духа Татарскаго
Не можно крещеннымъ намъ живымъ быть».

Чтобы показать, какъ близка здѣсь пѣсня къ историческимъ даннымъ, достаточно припомнить описаніе татарскаго нашествія изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина: «Скрипъ безчисленныхъ телѣгъ, ревъ верблюдовъ и воловъ, ржаніе коней и свирѣпый крикъ непріятелей, по сказанію лѣтописца, едва дозволяли жителямъ слушать другъ друга въ разговорахъ».

Лишь въ одномъ отношеніи погрѣшаетъ пѣсня противъ исторіи: иввѣстно, что татары очень терпимо относились къ религіямъ покоряемыхъ народовъ, никому не навязывая магометанства. Между тѣмъ пѣсня прямо говоритъ о покушеніи хана на религію и начинается оплакиваніемъ «вѣры христіанскія». Это объясняется тѣмъ, что народъ, изображая ужасы татарскаго нашествія, невольно или намѣренно сгустилъ краски, и какъ самую темную сторону татарской неволи выдвинулъ покушеніе татаръ на вѣру отцовъ.

Еще мрачнѣе картина, изображенная въ пѣснѣ о Щелканѣ Дудентьевичѣ.

Русь уже покорена татарами, и татарскій ханъ Азвякъ Тавруловичъ (Узбекъ) даритъ своихъ приближенныхъ «городами стольными». Ничего не получилъ только любимый шуринъ хана Щелканъ (Шевкалъ), который въ то время собиралъ

«Дани невыходы,
Царскіе невыплаты».

Вернувшись, Щелканъ проситъ пожаловать его

«Тверью старою,
Тверью богатою,
Двумя братцами родимыми,
Двумя удалыми Борисовичи».

Ханъ соглашается на просьбу Щелкана лишь послѣ того, какъ онъ

«Сына своего закололъ,
Чашу крови нацѣдилъ,
Крови горячія,
Выпилъ чашу тое крови горячія».

Получивъ Тверь цѣною столь тяжелой жертвы, Щелканъ, конечно, расправляется тамъ съ страшной жестокостью. Оскорбленные тверитяне приносятъ жалобу своимъ князьямъ, которые сначала пытаются уговорить Щелкана измѣнить свой образъ дѣйствій и для этого отправляются къ нему съ роскошными подарками. Когда же эта попытка окончилась неудачей, и Щел-

канъ, принявъ подарки, «чести не воздалъ имъ», а обошелся съ ними съ привычной своей гордостью, то тверитяне подняли возстаніе, во время котораго погибъ и самъ Щелканъ.

Фактъ, являющійся сюжетомъ пѣсни, и на этотъ разъ находитъ себѣ подтвержденіе въ лѣтописи. Карамзинъ относитъ возстаніе Твери противъ Шевкала къ 15 августа 1327 года. Но для насъ гораздо больше, чѣмъ самый фактъ возстанія, имѣетъ значеніе общее настроеніе народа въ тяжелые годы татарской неволи. Это настроеніе нашло себѣ въ пѣснѣ полное и яркое отраженіе.

Больше всего мягкаго добродушнаго русскаго человѣка поражала жестокость татаръ. Юмористическими штрихами изображаетъ онъ хана, который

«Суды разсуживаетъ
И ряды разряживаетъ,
Костылемъ размахиваетъ
По бритымъ тѣмъ усамъ,
По Татарскимъ тѣмъ головамъ,
По синимъ тѣмъ головамъ».

И другая картина жестокости, Щелканъ, закалывающій сына и пьющій его горячую кровь, внесена народомъ въ пѣсню не случайно. Авторъ—народъ, разсказывая о томъ, какимъ образомъ овладѣлъ Щелканъ Тверью, уже заранѣе подготовляетъ слушателя къ мысли о томъ, какъ станетъ Щелканъ распоряжаться въ городѣ, добытомъ столь дорогой цѣной.

Жестокость Щелкана сказывается въ размѣрахъ дани, наложенной имъ на покоренное населеніе, и въ способахъ ея собиранія. О размѣрахъ дани пѣсня говоритъ.

«Съ князей бралъ (Щелканъ) по сту рублевъ,
Съ бояръ по пятидесятъ,
Съ крестьянъ по пяти рублевъ»...

Конечно, для насъ здѣсь историческую цѣнность имѣетъ не цыфра, указанная пѣснею: нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что цыфра эта чрезвычайно преувеличена и нелегко себѣ представить, чтобы разоренное татарскимъ нашествіемъ крестьянство было въ состояніи выплачивать ежегодно пять рублей, сумму громадную при тогдашней цѣнности денегъ. Для насъ въ этомъ указаніи пѣсни важно общее впечатлѣніе, которое разсчитывалъ произвести авторъ—народъ. Непомѣрно преувеличивая требованія татаръ, онъ хотѣлъ только показать, что требованія его для того времени были невыполнимыми, и къ этому заявленію мы можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ.

И тѣмъ не менѣе эти требованія проводились въ жизнь съ неумолимой жестокостью. По словамъ пѣсни, Щелканъ

«У котораго денегъ нѣтъ,
У того дитя возьметъ;
У котораго дитя нѣтъ,
У того жену возьметъ;
У котораго жены-то нѣтъ,
Того самаго головой возьметъ».

Тяжелый гнетъ татаръ вызвалъ неудовольствіе во всемъ русскомъ населеніи, но далеко не всегда оно чувствовало себя достаточно сильнымъ, чтобы дать отпоръ татарамъ. Рѣдкій случай удачнаго возстанія тверитянъ противъ татарскаго намѣстника послужилъ сюжетомъ пѣсни о Щелканѣ Дудентьевичѣ. Чаще, и несравненно чаще бывало такъ, что возстанія безпощадно подавлялись, и русская земля, залитая потоками крови лучшихъ сыновей, продолжала стонать и задыхаться подъ тяжестью иноземнаго ига.

Факты, переданные намъ пѣснями о татарской неволѣ, какъ мы уже видѣли, въ общемъ совпадаютъ съ тѣмъ, что извѣстно намъ изъ исторіи. Но еще несравненно интереснѣе для насъ пѣсни благодаря тому, что въ нихъ въ совершенно простой и безыскусственной формѣ отразились настроенія, владѣвшія поколѣніемъ, современникомъ тяжелаго ига.

24. Характеристика Іоанна Грознаго по историческимъ пѣснямъ.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Образъ Іоанна Грознаго въ русской литературѣ:

а) у Лермонтова,

б) у А. Толстого.

Изложеніе.

Іоаннъ Грозный по историческимъ пѣснямъ.

А. Іоаннъ, какъ царь:

а) воплощеніе идеи царя,

б) объединеніе Руси вокругъ Москвы,

в) увеличеніе русскихъ владѣній,

г) борьба съ измѣной,
д) отношеніе къ простому народу,
е) отношеніе къ религіи.

Б. Іоаннъ, какъ человѣкъ.

а) Умъ:
α′) пониманіе людей,
β′) высокая задача.
б) Сердце:
α) жестокость—
α′) къ боярамъ,
β′) къ сыну.
β) вспыльчивость,
γ) подозрительность,
δ) недовѣрчивость.
в) Воля:
α) измѣнчивость настроенія,
β) рѣзкость перехода отъ одного чувства къ другому, противоположному,
γ) рѣшительность.

Заключеніе.

Отношеніе народа къ Грозному.

Изъ всѣхъ образовъ родного прошлаго Іоаннъ Грозный преимущественно передъ другими привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ писателей. Многіе ломали себѣ голову надъ этой психологической загадкой, многіе хотѣли разрѣшить вопросъ о томъ, что представлялъ собой этотъ человѣкъ, весь сотканный изъ противорѣчій,—жертву-ли своего времени и ужасныхъ страстей своихъ, или напротивъ мучителя, наслаждавшагося страданіями и стонами своихъ жертвъ. Какъ мучителя представилъ его графъ Ал. К. Толстой въ стихотвореніяхъ «*Василій Шибановъ*» и «*Князь Рѣпнинъ*», въ трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго*» и романѣ «*Князь Серебряный*». Напротивъ, Лермонтовъ въ поэмѣ «*Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова*»[1]) не могъ рѣшиться вынести Грозному царю категорическій приговоръ. Нарисовавъ во весь ростъ фигуру Іоанна со всѣми его

[1]) См. *Семенова*. Планы и сочиненія. Курсъ VII кл.

свѣтлыми и тѣневыми сторонами, онъ окончательное рѣшеніе предоставляетъ самому читателю.

Наша народная историческая пѣсня также много вниманія удѣляетъ Іоанну Грозному.

Появленіе Грознаго народная фантазія связываетъ съ началомъ самой Москвы:

«Зачиналась Москва бѣлокаменная,
Зачинался и Грозный царь Иванъ Васильевичъ».

Ошибка, которую допускаетъ здѣсь народъ по отношенію къ хронологіи, чрезвычайно характерна: дѣйствительно Іоаннъ IV болѣе всѣхъ царей Московскихъ воплотилъ и выразилъ въ себѣ идею царя—земного бога, идею, создавшуюся въ Византіи и значительно подкрѣпленную татарскими представленіями о царѣ, какъ самовластномъ владыкѣ. На связь Іоанна съ Византіей указываетъ еще и то мѣсто пѣсни, гдѣ Іоаннъ съ гордостью говоритъ, что

«Повынесъ царенье изъ Царя-града.
Царскую порфиру на себѣ надѣлъ.
Царскій костыль себѣ въ руки взялъ.
И съ тѣхъ поръ великая слава».

Во всѣхъ многочисленныхъ пѣсняхъ, посвященныхъ Грозному, онъ, при всей жестокости своей, является царемъ, дѣйствующимъ во имя интересовъ Русской Земли. Онъ расширяетъ и усиливаетъ государство огромными завоеваніями (Пѣсни о взятіи Казани, о завоеваніи Сибири), а также борьбой съ измѣной. онъ постоянно выводитъ измѣну изъ разныхъ городовъ земли русской, заботится объ обузданіи своеволія бояръ и для этого не останавливается даже предъ такой великой жертвой, какъ смерть собственнаго сына. Но, будучи грознымъ въ отношеніяхъ къ окружающимъ его людямъ, Іоаннъ остается постоянно благожелательнымъ въ отношеніи къ народу. Такъ, пѣсня о женитьбѣ царя на Маріѣ Темврюковнѣ, литовскаго происхожденія, сообщаетъ намъ, что, когда два борца изъ народа побили братьевъ новой царицы и та принесла за это жалобу Іоанну, послѣдній отвѣтилъ:

«А не то у меня честь въ Москвѣ, что татары то борются,
То честь въ Москвѣ, что Русакъ тѣшится».

Какъ русскій царь, Іоаннъ обнаруживаетъ также приверженность къ православію: походъ его на Казань имѣетъ цѣлью не только расширеніе власти Москвы, но и распространеніе православія.

«Онъ (Іоаннъ) царицу пожаловалъ
И привелъ въ крещенную вѣру,
Въ монастырь царицу постригли».

Таковъ Іоаннъ, какъ царь. Какъ царь, онъ характеризуется прежде всего умомъ. Охотнѣе всего пѣсня называетъ его «прозрителемъ», человѣкомъ, которому дана способность предвидѣть и наперед знать будущее. Умъ его сказывается въ пониманіи царемъ людей и въ правильномъ пониманіи той высокой задачи, которую всегда ставилъ онъ передъ собой, задачи внѣшней мощи и внутренняго спокойствія Руси. Къ несчастью, высокій, державный умъ Іоанна часто омрачается припадками бѣшенства и жестокой ярости. Самый яркій примѣръ такой ярости народъ даетъ въ «Пѣсни о казни царевича». На пиру у Грознаго всѣ порасхвастались. Самъ Грозный сталъ похваляться тѣмъ, что вывелъ измѣну изъ русской земли. На это его палачъ Малюта возразилъ, что измѣны Іоанну не вывести:

«Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Ѣстъ съ тобой съ одного блюда,
Пьетъ съ тобой съ одного ковша,
Платье носитъ съ одного плеча!»

Подъ вліяніемъ ужаснаго пароксизма слѣпого гнѣва, Іоаннъ обрекаетъ царевича на смерть, и его уводятъ сейчасъ же на казнь, отъ которой спасаетъ его во время подоспѣвшій Никита Романовичъ. Между тѣмъ горе овладѣваетъ царемъ: вѣрный себѣ, онъ обвиняетъ придворныхъ въ томъ, что тѣ не заступились за царевича. По приказанію царя служатъ обѣдню «по печальному», всѣ облекаются «въ одежицы опальныя». Стоитъ Грозный въ церкви, и въ сердцѣ его разгорается новый гнѣвъ, на этотъ разъ на своихъ приближенныхъ. Народъ чувствуетъ въ своей пѣснѣ, что должно произойти, только кончится обѣдня начнется расправа съ боярами. Никита Романовичъ является въ церковь въ цвѣтномъ платьѣ и привѣтствуетъ царя «здравствуи съ благовѣрной царицей и съ двумя сыновьями — Ѳеодоромъ Ивановичемъ и Иваномъ Ивановичемъ»... Еще моментъ и ярость Грознаго разразится здѣсь, въ церкви, во время богослуженія: это чувствуется въ пѣснѣ. Но Никита Романовичъ показываетъ спасеннаго царевича, и радость опять столь же бурная, какъ и злоба, овладѣваетъ царемъ.

Въ пѣснѣ, содержаніе которой только что было изложено, народъ отмѣтилъ большинство чертъ, характеризующихъ грознаго царя. Мы видимъ его вспыльчивость, соединенную съ край-

ней подозрительностью и недовѣрчивостью, измѣнчивость его настроеній съ рѣзкими переходами между самыми противоположными чувствами, отъ веселья съ бѣшенству и обратно. Мы видѣли также его способность быстро рѣшаться на чрезвычайно жестокіе поступки, въ которыхъ ему впослѣдствіи неоднократно приходится раскаиваться.

Сознавая всѣ недостатки Іоанна, народъ тѣмъ не менѣе не рѣшался возвысить противъ него рѣшительный голосъ осужденія. На гробѣ царя прозрителя народная фантазія объединила корону — символъ царскаго величія, животворящій крестъ—символъ примиренія и острый мечъ—символъ мщенія и царскаго гнѣва:

«Въ головахъ у него животворящій крестъ,
У креста лежитъ его корона царская,
Въ ногахъ у него острый мечъ:
Животворящему кресту всякій молится,
Золотой царской коронѣ всякій кланяется,
На грозный мечъ взглянетъ—всякъ ужаснется!»

Этой рабской преданностью царю-батюшкѣ, какъ владыкѣ, поставленному самимъ Богомъ, народный взглядъ особенно характеризуется. Народъ глубоко вѣровалъ, что и строптивые владыки посылаются Богомъ, и эту вѣру свою высказалъ въ слѣдующихъ словахъ:

«По грѣхамъ нашимъ наказалъ насъ Господь,
Послалъ грознаго царя Ивана Васильевича».

25. Апокрифы и духовные стихи.

ПЛАНЪ

Вступленіе.

Время появленія апокрифовъ и духовныхъ стиховъ въ русской литературѣ.

Принятіе Русью христіанства.

Вліяніе христіанства на дальнѣйшее развитіе литературы.

Изложеніе.

А. Апокрифы.

Что такое апокрифы?
Происхожденіе апокрифовъ.
Общій характеръ ихъ.

Элементы народнаго творчества въ апокрифахъ:

а) сказочная или загадочная форма,

б) трогательныя и поэтическія картины,

в) художественная сторона апокрифовъ.

Апокрифы, какъ способъ удовлетворенія любознательности.

Б. Духовные стихи.

Связь ихъ съ апокрифами.

Характеръ обработки и изложенія предмета.

а) Свобода народнаго творчества.

б) Пѣсенный размѣръ.

в) Чисто-народный складъ рѣчи.

г) Пріемы изображенія.

«Калики перехожіе», какъ пѣвцы духовныхъ стиховъ

а) въ первые вѣка христіанства на Руси,

б) въ позднѣйшій періодъ.

Слѣды двоевѣрія въ духовныхъ стихахъ.

а) происхожденіе міра по «Стиху о Голубиной книгѣ».

б) Борьба между правдой и кривдой.

Бытовой элементъ въ духовныхъ стихахъ.

Заключеніе.

Значеніе апокрифовъ и духовныхъ стиховъ.

КОНСПЕКТЪ СОЧИНЕНІЯ.

Былины, сказки, историческія пѣсни и другія произведенія народнаго творчества появились и развивались въ русскомъ народѣ совершенно самобытно и самостоятельно, безъ всякихъ внѣшнихъ наносныхъ вліяній [1]). Нельзя сказать того же относительно духовныхъ стиховъ и апокрифовъ. Послѣдняго рода произведенія, тѣсно связанныя съ религіозными ученіями, появились въ нашей литературѣ, какъ одинъ изъ результатовъ принятія Русью христіанства отъ Византіи [2]). Византійская литература, которая имѣла вообще исключительное вліяніе на русскую въ первый періодъ развитія [3]), послужила также источникомъ, откуда наши апокрифы и духовные стихи черпали и свою форму и свое содержаніе.

[1]) См. сочин. № 2.

[2]) См. сочин. № 29.

[3]) См. сочин. № 29.

Названіе апокрифовъ или апокрифическихъ сочиненій носятъ такія *религіозно-фантастическія* произведенія, которыя составлены въ подражаніе библейскимъ, каноническимъ книгамъ ветхаго и новаго завѣта. Подражаніе это сказывается и въ названіяхъ ихъ («Малое бытіе», «Псалмы Соломона», «Пророчества или Откровенія Эноха, Иліи, Исаіи»), и въ сюжетахъ которыми служатъ библейскія событія или лица, о которыхъ въ каноническихъ книгахъ сказано слишкомъ мало. При этомъ, событіи распространены съ помощью такихъ вымышленныхъ подробностей, для которыхъ нѣтъ основаній ни въ Священномъ Писаніи ни въ церковной исторіи. Обстоятельство это есть вполнѣ естественный результатъ любопытства и любознательности народа. Эта любознательность вызывала въ немъ множество вопросовъ, на которыя каноническія книги отвѣтовъ не давали. Это и заставило возбужденное народное любопытство обратиться за разрѣшеніемъ такихъ вопросовъ въ міръ преданій и творческой фантастики.

Изъ произведенія апокрифовъ, какъ оно только что было опредѣлено, вытекаютъ и всѣ ихъ особенности. Священныя истины и событія въ нихъ смѣшаны съ заблужденіями и вымыслами фантазіи. Мѣста Писанія понимаются иногда въ превратномъ смыслѣ, къ истиннымъ событіямъ Священной исторіи примѣшиваются самыя невѣроятныя вымышленныя подробности. И если, заимствуя свои сюжеты изъ каноническихъ книгъ, апокрифы соприкасаются съ письменностью, то въ нихъ гораздо больше элементовъ, сближающихъ ихъ съ народнымъ творчествомъ. И именно въ этихъ элементахъ заключалась для народа привлекательная сторона апокрифовъ: они удовлетворяли самому смѣлому любопытству. То, что составляетъ непроницаемую тайну для исторіи, апокрифъ знаетъ самымъ обстоятельнымъ образомъ, напр., «День и часъ паденія первыхъ людей». Другіе апокрифы нравились своей сказочной или загадочной формой («Сказаніе о Соломонѣ», Бесѣда трехъ святителей») Наконецъ, въ нѣкоторыхъ апокрифахъ встрѣчаются глубоко-трогательныя и въ высшей степени поэтическія картины («Хожденіе Богородицы по мукамъ», «Видѣніе апостола Павла»).

Такимъ образомъ, этой своей сторонной апокрифы замѣняли для древнерусскаго человѣка произведенія искусства поэ-

тическаго, котораго въ древней словесности не было [1]). Послѣ этого понятно почему, несмотря на запрещеніе и преслѣдованіе, апокрифическія сказанія были весьма распространены въ древнія времена. Постоянно читаемыя, они имѣли большое вліяніе на складъ религіозныхъ понятій и представленій нашихъ предковъ.

Тѣсную связь съ апокрифами имѣютъ наши *духовные стихи*. Большинство изъ нихъ («Плачъ Адамовъ», «Сонъ Богородицы», «Плачъ земли предъ Богомъ», «Прощаніе души съ тѣломъ» и др.) представляетъ собой просто переработку апокрифовъ, отличаясь отъ нихъ лишь способомъ изложенія предмета. Духовные стихи—это чисто-народныя религіозно-поэтическія произведенія лирическаго или эпическаго содержанія: въ нихъ выказалась полная свобода и самостоятельность народнаго творчества, а пѣсенный размѣръ, чисто-народный складъ рѣчи, пріемы изображенія и изложенія предмета тѣсно сближаютъ эти произведенія съ богатырскимъ эпосомъ, такъ что нѣкоторые изъ духовныхъ стиховъ, въ особенности, «Стихъ о Егоріи Храбромъ» [2]), смѣло можно назвать произведеніями религіозно-богатырскаго эпоса. «Калики-перехожіе», которые являлись исполнителями этихъ произведеній, наложили на нихъ особую печать, ограничивъ ихъ содержаніе по преимуществу кругомъ лицъ, событій и предметовъ, гдѣ восхваляется отреченіе отъ благъ мірскихъ, милосердіе, сострадание и помощь ближнимъ, какъ лучшія и надежнѣйшія средства спасти душу и удостоиться райскаго блаженства. Но въ первые вѣка распространенія христіанства на Руси, къ которымъ относится и происхожденіе духовныхъ стиховъ, они по своимъ сюжетамъ, воспѣваемымъ героямъ и предметамъ изображенія ни въ чемъ не отличаются отъ пѣсенъ былинъ. Да и въ позднѣйшихъ стихахъ рядомъ съ мотивами христіанскими встрѣчаемъ мы также и языческія воспоминанія. Это двоевѣріе особенно ярко проглядываетъ въ «Стихѣ о Голубиной книгѣ». Миѳологическій характеръ тѣсно проглядываетъ и въ попыткѣ дать объясненіе происхожденію міра, и въ той части, гдѣ жизнь изображена, какъ борьба двухъ началъ: добраго и злого. Вотъ что говорится въ «Стихѣ о началѣ міра и происхожденіи вещей:

У насъ бѣлый вольный свѣтъ начался отъ суда Божья,
Солнце красное отъ лица Божьяго;

[1]) См. сочин. № 27.
[2]) См. сочин. № 26.

Младъ свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Его;
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ;
Ночи темныя отъ думъ Господнихъ;
Зори утренни отъ очей Господнихъ;
Вѣтры буйные отъ Свята Духа;
У насъ умъ-разумъ Самого Христа;
Наши помыслы отъ облакъ небесныхъ» и т. д.

Нѣкоторыя мѣста духовныхъ стиховъ имѣютъ также большой бытовой интересъ. Таковы разговоры между богатымъ и бѣднымъ братомъ въ «Стихѣ о Лазарѣ». На просьбу бѣдняка о братской помощи, богатый отвѣчаетъ:

«Есть у меня братья получше тебя:
«Князья да бояре—тѣ братья мои,
Попы тѣ церковные—хлѣбъ-соль съ ними одна у меня»

Изъ всего сказаннаго видно, что апокрифы и тѣсно связанные съ ними духовные стихи производили на народъ большое впечатлѣніе. Это были единственныя произведенія нашей письменности, понятныя и близкія массѣ, тогда какъ всѣ наши проповѣди, поученія, «хожденія» и пр. всегда являлись литературой для немногихъ. Но, удовлетворяя чувству поэтическому, они въ то же время удовлетворяли и чувству религіозному, а религія въ силу издавна установившагося склада русской жизни считалась единственнымъ законнымъ источникомъ вдохновенія. И сочетаніе поэтическаго вымысла съ зерномъ религіознаго вдохновенія придавало апокрифическимъ сказаніямъ и духовнымъ стихамъ особую привлекательность съ точки зрѣнія древнерусскаго читателя.

26. Планъ и содержаніе «Стиха о Егоріи Храбромъ»

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Духовные стихи.
См. сочин. № 25.

Религіозный и поэтическій элементъ въ духовныхъ стихахъ.
Тамъ-же.

Религіозный элементъ въ «Стихѣ о Егоріи Храбромъ»
(Егорій, какъ мученикъ. См. сочин. № 27).

Поэтическій элементъ въ «Стихѣ»
(Егорій, какъ богатырь. Тамъ же).

Изложеніе.

Содержаніе «Стиха»

А. I часть: Егорій, какъ мученикъ:

а) Семья Егорія:
   α) царь Ѳеодоръ,
   β) «царица благовѣрная святая Софія перемудрая;
   γ) три сестры.
б) Внѣшній видъ Егорія,
в) «Насланіе»
г) Гибель Іерусалима и родныхъ Егорія.
д) Егорій въ плѣну:
   α) предложеніе «царища Демянища»,
   β) отказъ Егорія,
   γ) вѣроотступничество сестеръ,
   δ) «муки разноличныя»—
      α') «пилы жидовскія»,
      β') «топоры нѣмецкіе»,
      γ') «сапоги, гвозди желѣзные»,
      δ') «глубокъ погребъ»
е) Освобожденіе Егорія.
ж) Въ Іерусалимѣ.
з) Встрѣча съ матерью.
и) Материнское благословенье.

Б. Егорій — богатырь.

а) Два элемента въ дѣятельности Егорія:
   α) «острое копье булатное»,
   β) «святая книга Евангеліе».
б) Лѣса:
   α) уничтоженіе непроходимыхъ лѣсовъ,
   β) постройка изъ нихъ церквей.
в) Рѣки.—
г) «Горы толкучія».
д) «Стадо звѣринное»
(связать съ пословицей «Что у волка въ зубахъ, то Егорій далъ»).
е) Встрѣча съ сестрами и возвращеніе ихъ въ лоно христіанства.
ж) «Стадо змѣиное».

з) «Черногарь-птица».
и) Борьба съ Демьянищемъ.

В. Заключеніе—Слава Егорію.

Заключеніе.

Общая характеристика Егорія.

См. сочин. № 27.

27. Святой Георгій Побѣдоносецъ въ народномъ представленіи.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Два истолкованія «Стиха о Егоріи Храбромъ»:

а) миѳическое,
б) историко-аллегорическое.

Изложеніе.

Характеристика Егорія.

а) Внѣшность.
б) Религіозность.
в) Стойкость убѣжденій.
г) Отношеніе къ матери.
д) Отношеніе къ сестрамъ
е) Егорій, какъ просвѣтитель Руси.
ж) Борьба Егорія съ природой.
з) Его орудія въ борьбѣ.
и) Отношеніе Егорія къ двумъ богатырямъ.
і) Егорій, какъ представитель новаго начала въ русской жизни.

Заключеніе.

Отношеніе народа къ Егорію.

Образъ Егорія, героя «Стиха о Егоріи Храбромъ», получилъ въ нашей литературѣ два различныхъ, другъ друга исключающихъ толкованія. Одни изслѣдователи видятъ въ Егорѣ древняго бога солнца. Это солнце, рождающееся въ злато-серебряной одеждѣ, попадаетъ временно со всѣмъ своимъ родомъ во власть представителя тьмы и холода; освободившись отъ

дѣйствія весеннихъ вѣтровъ, свѣтлый богъ вступаетъ на опустошенную холодомъ землю и начинаетъ актъ творенія. Препятствія, встрѣчающіяся ему на пути—всѣ миѳическаго характера: движущіяся горы—это тучи; то же значеніе имѣютъ и лѣса, и волки, и змѣи. Вѣщее слово бога приводитъ въ порядокъ хаосъ поднебесья и земной поверхности; онъ освобождаетъ сестеръ своихъ отъ зимней коры и посылаетъ ихъ въ Іорданъ, то-есть въ дождевой потокъ. Его побѣда надъ мучителемъ есть окончательная побѣда свѣтлаго начала надъ темнымъ.

По другому воззрѣнію, Георгій есть настоящій типъ духовныхъ богатырей, распространявшихъ вѣру мирнымъ путемъ. Не міръ творитъ онъ, а обращаетъ въ христіанство и цивилизуетъ русскую землю. На Руси ни пройти ни проѣхать отъ горъ и лѣсовъ; среди этой-то дичи Егорій прокладываетъ дороги и строитъ храмы, центры будущихъ городовъ. Онъ типъ князя-устроителя земли русской, и по мнѣнію одного историка (Щапова), фигура его отражаетъ именно Юрія Долгорукаго, цивилизатора сѣвера.

Если мы будемъ держаться второго взгляда,—а онъ кажется болѣе вѣроятнымъ,—то вниманіе наше останавливается прежде всего на странномъ, противорѣчащемъ исторіи смѣшеніи времени, мѣстъ и лицъ, которое мы видимъ въ началѣ «Стиха». Св. Георгій живъ при Діоклетіанѣ и отъ него принялъ мученическую кончину; имя Діоклетіана сохранилось дѣйствительно въ нѣкоторыхъ спискахъ, въ другихъ же мы вмѣсто него находимъ царей: Демьянище, Декіанище, Даріанище и др. Подъ этими именами разумѣется, очевидно, языческіе цари, или вообще язычество, гнавшее христіанство. Живетъ Георгій, по сказанію стиха, въ Іерусалимѣ, который оказывается въ Россіи. Но всего страннѣе въ этомъ разсказѣ изображеніе самого Георгія. У него, какъ оказывается:

«По колѣни ноги въ чистомъ серебрѣ,
По локоть руки въ красномъ золотѣ,
Голова у Егорія вся жемчужная,
По всемъ Егоріи часты звѣзды».

Такой образъ либо заимствованъ изъ народной сказки или былины, разсказывающей о древнемъ богатырѣ или богѣ, либо даже представляетъ собой описаніе изображенія Св. Георгія на какой-нибудь иконѣ.

Изъ свойствъ, характеризующихъ Св. Георгія, на первомъ

планѣ должна быть поставлена его глубокая религіозность. Онъ смѣло заявляетъ грозному «царищу Демьянищу:

«Я не вѣрую вѣры твоей невѣрныя,
Ни твоимъ богамъ, ко идоламъ,
Ни тебѣ, царищу бусурманищу!
Вѣрую въ вѣру крещеную,
Во крещеную, богомольную,
Самому Христу, Царю Небесному,
Во мать Пресвятую Богородицу,
Еще въ Троицу нераздѣлимую!»

Вѣра остается въ Егоріи непоколебимой, несмотря ни на какія мученія. Онъ всегда вѣренъ самому себѣ и

«Поетъ стихи херувимскіе,
Превозноситъ гласы все архангельскіе».

За свое терпѣніе Егорій получаетъ свободу послѣ многихъ лѣтъ заточенія.

Какъ всѣ любимцы народа, Егорій—любящій и преданный сынъ. Рѣшившись послѣ освобожденія отъ плѣна на подвигъ просвѣщенія Руси, онъ прежде всего отправляется въ Іерусалимъ и, найдя здѣсь мать, проситъ у нея:

«Государыня моя матушка,
Святая Софья премудрая!
Воздай мнѣ свое благословенье:
Поѣду я по всей землѣ Свѣтло-русской.
Утвердить вѣру христіанскую:

Съ любовью относился онъ и къ сестрамъ. Тѣ, боясь мученій, отреклись въ угоду Демьянищу отъ христіанства. Но Егорій, повстрѣчавшись съ ними, очищаетъ ихъ отъ прилипшей грязи, вторично крститъ и радостно приводитъ къ матери со словами:

«Вотъ тебѣ три дочери,
А мнѣ три родныхъ сестры!»

Во второй части стиха Егорій является просвѣтителемъ Руси, открывающимъ передъ ней свѣтъ истинной вѣры, и богатыремъ. Отсюда двойственность этого образа

«Со вострымъ копьемъ съ булатнымъ,
И со книгою съ Евангельемъ».

Впрочемъ, и какъ богатырь, Егорій борется только съ силами мертвой природы. Его враги это «лѣса дремучіе», «рѣки текучія», «горы толкучія» и другія препятствія, изъ-за которыхъ «ни пройтить Егорью, ни проѣхати». И оружіе, которымъ Егорій борется съ этими врагами—не то, которымъ пользовались прежніе богатыри. Даже самый христіанскій изъ богатырей русскихъ пускаетъ въ ходъ оружіе противъ всѣхъ внѣшнихъ

и внутреннихъ враговъ Россіи, но Егорій дѣйствуетъ только «силой небесной». Все, что Егорій совершаетъ на пользу Руси, происходитъ

«По Божьему все повелѣнію,
По Егорьеву моленію».

И лѣса стоятъ, и рѣки текутъ, и горы высятся тамъ, гдѣ имъ «Господь повелѣлъ», и звѣри

«пьютъ, ѣдятъ повелѣнное,
Повелѣнное, *благословенное*
Отъ Егорія Храбраго».

Лишь одинъ разъ пускаетъ Егорій въ ходъ оружіе: въ Кіевѣ, лицомъ къ лицу встрѣтившись съ Діоклетіаномъ, своимъ врагомъ и врагомъ христіанства, онъ пустилъ въ него калену стрѣлу и разрушилъ палящій его палаты, но въ этой части вообще похожденія Егорія имѣютъ большое сходство съ приключеніями Ильи Муромца.

Но, если въ Егоріи есть черты, сближающія его съ эпическими богатырями, то еще больше въ немъ такихъ, которыя дѣлаютъ его фигурой оригинальной, существенно отличающейся отъ всѣхъ предшественниковъ. Въ Георгіи народъ представилъ намъ свой новый идеалъ, типъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ древнія времена повсюду являлись въ одеждѣ инока и мірянина, въ санѣ князя и епископа, просвѣщали дикія племена Россіи, распространяя между ними вѣру, строя города, церкви и монастыри,

«поѣзжаючи,
Святую вѣру утверждаючи,
Бусурманскую вѣру побѣждаючи».

Народъ съ полной увѣренностью утверждаетъ въ концѣ стиха относительно такого человѣка, что «во вѣкъ его слава минуется!» и тѣмъ ясно выражаетъ свое отношеніе къ своему новому идеалу.

28. Характеръ русскаго народнаго эпоса.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Виды художественнаго творчества:

а) эпосъ,

б) лирика,

в) драма.

Народное творчество и отличіе его отъ личнаго.
См. сочин. № 1.

Виды народнаго эпоса:

а) сказки,
См. сочин. № 7.

б) былины,
См. сочин. № 9.

в) историческія пѣсни,
См. сочин. № 20.

г) духовные стихи,
См. сочин. № 25.

Изложеніе.

Характерныя черты русскаго народнаго эпоса.

а) Эпизодическій характеръ русскаго эпоса.
(У другихъ народовъ, напримѣръ, у грековъ, всѣ эпическія сказанія группируются вокругъ одного или немногихъ важнѣйшихъ событій, у насъ нѣтъ цѣльнаго эпическаго зданія, но *всѣ* житейскія сказанія воспроизводятъ *всю* народную жизнь).

б) Развитіе сюжетовъ народнаго эпоса:

α) періодъ теогоническій,
См. сочин. № 2.

β) героическій,
См. сочин. № 2

γ) историческій,
См. сочин. № 2.

в) Развитіе народныхъ идеаловъ:

α) физическая сила,
См. сочин. № 10

β) государственность,
См. сочин. № 18.

γ) христіанство.
См. сочин. № 29.

г) Герои народнаго эпоса:

α) величіе ихъ,

β) стремленія,

γ) красота.

д) Нравственная сторона народнаго эпоса.

α) нравственныя достоинства героевъ

α′) религіозность,
β′) любовь къ родинѣ;
γ′) отсутствіе личныхъ мотивовъ дѣятельности,
δ′) уваженіе къ родителямъ,
ε′) справедливость и милосердіе.
См. сочин. № 15.

ζ) вѣра въ конечное торжество добра надъ зломъ.

е) Форма народнаго эпоса;
а) пріемы,
β) языкъ,
γ) стихъ.

Заключеніе.
Изученіе русскаго эпоса и значеніе его.

29. Вліяніе христіанства на русскій народъ.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.
Русь до принятія христіанства.

Изложеніе.
а) Крещеніе Руси.
б) Вліяніе христіанства.
α) на нравы:
α′) въ высшихъ классахъ,
β′) въ массѣ.
β) на вѣрованіе:
α′) двоевѣріе,
β′) торжество христіанства.
γ) на литературу:
α′) появленіе письменности,
β′) писатели,
γ′) религіозно-церковное направленіе,
δ′) византійское вліяніе.

Заключеніе.
Значеніе христіанства для Россіи.

Лучшимъ матеріаломъ для сужденія о состояніи языческой Руси являются тѣ произведенія народнаго творчества, которыя можно пріурочить къ этому времени. Мы видимъ изъ нихъ, что русскій народъ того времени отличается крайне грубыми, матеріалистическими идеалами. Единственное, въ чемъ человѣкъ ощущаетъ недостатокъ, это физическая сила. Сила ему необходима для борьбы съ окружающей его природой. Онъ видитъ вокругъ себя «лѣса дремучіе» «рѣки текучія» и «горы толкучія», изъ-за которыхъ ему нельзя «ни пройтить ни проѣхати», его пугаютъ «сѣрые волки рыскучіе», «стада змѣиныя», и, безсильный и невооруженный для такой тяжелой борьбы, онъ создаетъ свои первые идеалы: Святогора, въ которомъ

«сила-то по жилочкамъ
Такъ живчикомъ и переливается»

и Вольгу, которому

«Похотѣлося много мудрости!
Щукой-рыбою ходить ему во глубокихъ моряхъ,
Птицей-соколомъ летать подъ оболока,
Сѣрымъ волкомъ рыскать во чистыхъ поляхъ».

Хитрость и обманъ не считаются предосудительными. Мужикъ дважды обманываетъ простодушнаго медвѣдя и пользуется плодами его тяжелаго труда, но народъ передаетъ объ этомъ въ сказкѣ со смѣхомъ безъ всякаго возмущенія и негодованія. Хитрость и мудрость—синонимы.

Представленія о богахъ—языческія и грубо матеріальныя. Изображеній боговъ мало, храмовъ совсѣмъ нѣтъ. Славянорусское язычество было религіей преимущественно домашней, съ слабыми только начатками общественнаго богослуженія въ игрищахъ между селами и обрядахъ на священныхъ урочищахъ, безъ храмовъ и жрецовъ. Храмомъ ея была изба, жрецомъ—глава семьи, да еще знахарь, волхвъ, къ которому прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, гдѣ казались недостаточными домашнія религіозныя средства.

Такая религія не могла оказать христіанству серьезнаго сопротивленія. Народъ крестился быстро, большей частью, или изъ повиновенія властямъ, или же будучи привлекаемъ къ новой вѣрѣ одною ея внѣшностью, обрядностью. «Людье, съ радостью идяху, радующееся и глаголюще: «аще бы се не добро было, не бы сего князь и бояре прияли» разсказываетъ лѣтопись.

Первый примѣръ нравственнаго перерожденія подъ вліяніемъ православія представляетъ намъ самъ Владиміръ. Изъ

удалого вождя дружины, чуждаго землѣ, какими были и онъ и всѣ прежніе князья, онъ сталъ первымъ земскимъ княземъ, и народникомъ, который думалъ съ дружиной, епископами и старцами о «строѣ землянемъ», который и воевалъ ужъ не изъ одной беззавѣтной богатырской удали, а для защиты своей страны, сталъ «краснымъ солнышкомъ» народа. Его широкая натура, которая вела его прежде къ излишествамъ языческаго разгула, теперь проявлялась въ необыкновенномъ благодушіи и ласковости, о которыхъ говорятъ и лѣтопись и старыя былины. Владиміръ былъ еще неграмотенъ; дѣти его являются уже представителями новаго грамотнаго поколѣнія; таковы, Ярославъ, Мстиславъ, Изяславъ, Борисъ и Глѣбъ. Послѣдніе двое особенно сіяли благочестіемъ; они и умерли мучениками за новыя нравственныя понятія въ борьбѣ со старымъ языческимъ обществомъ, представителемъ котораго является ихъ братъ Святополкъ.

Смягченіе нравовъ замѣчаемъ мы не только въ высшихъ слояхъ общества, но и въ народѣ. Илья Муромецъ, идеалъ народа въ христіанскую эпоху, уже существенно отличается отъ предшествовавшихъ ему богатырей. Онъ свято чтитъ завѣтъ своего отца, стараго крестьянина Ивана Тимоѳеевича:

«Не помысли зломъ на татарина,
Не убей въ чистомъ полѣ христіанина»

и ставитъ высокую цѣль его дѣятельности:

«Заложиться за князя Владимира,
Послужить ему вѣрой правдою,
Постоять за вѣру христіанскую».

Однако вѣра христіанская прививается въ народѣ не сразу. Послѣ крещенія Руси мы видимъ въ нашей исторіи долгій періодъ двоевѣрія, въ которомъ язычество сначала преобладаетъ надъ христіанствомъ. Послѣ молитвы въ христіанскомъ храмѣ двоевѣрь отправляется въ священную дубраву, къ озеру, къ старому дубу, гдѣ жили его старые боги, и творитъ тутъ другую молитву по обычаю отцовъ и дѣдовъ. Но съ теченіемъ времени по мѣрѣ появленія священниковъ изъ русскихъ и распространенія грамоты, свѣтъ истинной религіи сіяетъ все ярче и ярче, остатки язычества остаются лишь въ немногихъ суевѣріяхъ грубой массы.

Принятію христіанства мы обязаны также появленіемъ у насъ письменности. Съ принятіемъ христіанства намъ понадобились богослужебныя книги. Для этого воспользовались

книгами, составленными свв братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ для южныхъ славянъ, въ особенности для болгаръ[1]). Вслѣдъ за книгами, перенесенными оттуда въ Россію, у насъ появляется цѣлый рядъ новыхъ сочиненій, сначала переводныхъ, а потомъ и самостоятельныхъ.

Источникъ нашей древнѣйшей литературы во многомъ опредѣлилъ и весь характеръ ея.

Образованіе возникло у насъ изъ христіанской вѣры и въ ней имѣло главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквахъ, проводилось въ жизнь людьми монашествующими и духовными, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Все это сообщило какъ древней русской жизни, такъ и древней словесности *религіозно-церковное направленіе*. Не говоря уже о томъ, что большая часть памятниковъ древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ, — словъ, поученій, посланій, житій святыхъ, — даже сочиненія описательныя и историческія, какъ напр. путешествія и лѣтописи, имѣетъ религіозный характеръ. Литературой занимались почти только лица духовныя, а если, по особымъ случаямъ и обстоятельствамъ, становились писателями лица изъ другихъ сословій (напр. Владиміръ Мономахъ[2]), то и они писали въ томъ же религіозномъ направленіи, такъ какъ они воспитывались на той-же церковной и духовной литературѣ.

Христіанскую вѣру мы приняли отъ грековъ изъ Византіи: *греческій* или точнѣе *византійскій* характеръ получила и наша словесность. Византійская литература отъ Юстиніана Великаго до паденія Константинополя характеризуется соединеніемъ языческихъ образовательныхъ элементовъ съ христіанствомъ. Духъ пытливости, изслѣдованія проявляется въ нихъ все менѣе и рѣже; ученость замѣняется начитанностью; философская жизненность прекращается; появляется буквоѣдство, комментаторство, мелочность. Личная производительность, творчество сильно падаютъ и почти прекращаются. На смѣну имъ выступаютъ рабская подражательность, передѣлки, сокращенія и извлеченія. Въ это же время вырабатывается и оригинальный слогъ, такъ называемый *византійскій стиль*—цвѣтистый, надутый, напыщенный, изобилующій фигуральными выраженіями, которыя, вмѣсто выясненія, только чаще затемняетъ смыслъ.

[1]) См. сочин. № 30.
[2]) См. сочин. № 42.

Въ построеніи и изложеніи сочиненій этого періода преобладаетъ риторика и схоластика съ ихъ строго выработанными, условными правилами и пріемами. Знакомясь съ древнѣйшими памятниками русской письменности, мы вездѣ замѣтимъ тѣ же особенности, которыми только-что была охарактеризована литература византійская.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что христіанство имѣло громадное и въ высшей степени благотворное вліяніе на всѣ стороны русской жизни. Оно въ значительной степени подняло нравственный уровень русскаго человѣка, просвѣтило его свѣтомъ истинной вѣры и положило начало русской литературѣ, въ то-же время на долгіе годы впередъ опредѣливъ ея характеръ.

30. Просвѣтительная дѣятельность свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія и ея значеніе для Россіи.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Проповѣдники христіанства

а) первоначальная проповѣдь въ Палестинѣ,

б) христіанство и язычество въ Римѣ,—

α) преобладаніе язычества,

β) борьба между язычествомъ и христіанствомъ,

γ) торжество христіанства.

в) христіанство у германцевъ.

г) христіанство у славянъ.

Изложеніе.

А. Дѣятельность Кирилла и Меѳодія.

а) Отношеніе Рима къ вопросу объ языкахъ.

б) Подготовка къ апостольской дѣятельности:

α) любовь къ славянству (мать славянка).

β) идеалы жизни (цареградская школа),

γ) стремленіе къ апостольской дѣятельности (Аѳонъ).

в) Дѣятельность Кирилла и Меѳодія на пользу славянства:

α) всеобщее распространеніе христіанства въ славянскихъ земляхъ,

β) проникновеніе въ жизнь народа,
γ) устройство богослуженія на славянскомъ языкѣ,
δ) постройка церквей,
ε) переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ,
ζ) обученіе грамотѣ.
η) подготовка служителей церкви,
ς) изобрѣтеніе новаго алфавита.

Б. Значеніе дѣятельности Кирилла и Меѳодія для славянскихъ народовъ.

а) Религіозно-просвѣтительное:
α) распространеніе христіанства,
β) проповѣдь христіанства на родномъ языкѣ.
б) Политическое:
α) сближеніе славянъ на почвѣ одного языка и
β) общихъ письменъ.
в) Научное:
α) перенесеніе посредствомъ переводовъ къ славянамъ плодовъ европейской культуры,
β) расширеніе умственнаго горизонта.
г) Литературное:
α) начало письменности у славянскихъ народовъ
β) единство книжнаго языка.

В. Значеніе дѣятельности Кирилла и Меѳодія для Россіи.

а) Вліяніе на русскую жизнь
α) славянской грамоты,
β) славянской книги.
б) Отраженіе этого вліянія въ историческомъ прошломъ Россіи.
α) Кіевская Русь.
β) Періодъ татарской неволи.
γ) Московская Русь.

Заключеніе.

Благодарность потомства по отношенію къ святымъ братьямъ.

31. Планъ, содержаніе и ходъ мыслей въ «Словѣ митр. Иларіона о ветхомъ и новомъ завѣтѣ». [1])

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Характеръ древне-русской проповѣди.

См. сочин. № 34.

Изложеніе.

Планъ слова.

Вступленіе.

а) Обращеніе къ Богу съ благодарностью за

б) ниспосланіе на землю новаго завѣта взамѣнъ ветхаго.

Изложеніе.

На вопросъ чѣмъ вызывается эта благодарность? даетъ отвѣтъ

I главная часть — Преимущество новаго завѣта передъ ветхимъ.

а) Ветхій завѣтъ подготовляетъ людей къ воспріятію новаго; новый завѣтъ къ будущей жизни.

б) Параллель между ветхимъ и новымъ завѣтомъ съ одной стороны, Агарью и Саррой съ другой.

Агарь и Сарра.	Ветхій и Новый Завѣтъ.
Агарь—раба Сарры.	Ветхій завѣтъ—слуга новаго.
Авраамъ давно имѣлъ женой Сарру.	Господь давно рѣшилъ послать на землю Спасителя.
Авраамъ любилъ Измаила только до рожденія Исаака	Ветхій завѣтъ имѣлъ значеніе только до появленія Новаго.

в, Торжество христіанства и паденіе іудейства.

II главная часть Похвала князю Владимиру.

а) Если Новый завѣтъ такъ великъ, какъ это показано въ I главной части, то вполнѣ естественно является благодарность народовъ къ людямъ, принесшимъ къ нимъ христіанство. Восхваляютъ

α) «римская страна Петра и Павла»,

β) «Асія и Ефесъ, и Патмъ—Іоанна Богослова»,

[1]) Въ цитатахъ изъ произведеній древне-русской письменности вездѣ соблюдена транскрипція подлинника.

γ) «Индія—Фому»,
δ) «Египетъ—Марка».

б) И мы должны хвалить «великаго кагана нашея земли» Владимира.

в) Созданія Владимира:
α) храмы,
β) воспитаніе дѣтей,
γ) Ярославъ Мудрый, какъ преемникъ Владимира Святого.

Заключеніе—Патетическая часть.

а) Владимиръ былъ вѣрующимъ христіаниномъ. Христіанство считаетъ душу безсмертной, слѣд.,—

б) Владимиръ безсмертенъ. Онъ и теперь можетъ встать и увидѣть

в) Все величіе своей державы:
α) «чадо свое Георгія, красящаго столъ земли твоея»,
β) «Благовѣрную сноху твою Ерину»,
γ) «внукы и правнукы», которые «благовѣріе держатъ по преданію твоему»,
δ) «градъ величествомъ сіяющъ»,
ε) «церкви цвѣтуща»,
ζ) «христіанство растуще».

Заключеніе.

«Слово» Иларіона, какъ образецъ древне-русской проповѣди.
См. сочин. № 34.

32. Планъ, ходъ мыслей и содержаніе «Слова Кирилла Туровскаго въ новую недѣлю на Пасцѣ».

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Византійское вліяніе въ древне-русской литературѣ.
См. сочин. № 29.

Духовно-религіозное направленіе древне-русской литературы.
См. сочин. № 29.

Изложеніе.

Предметъ «Слова».

[Значеніе воскресенія, замѣнившаго древнюю субботу, объясненіе обряда—раздачи артоса, воспоминаніе Ѳомина испытанія реберъ Господнихъ].

Планъ «Слова»

Вступленіе.

а) Все измѣнилось въ предыдущее воскресеніе (Пасхальной недѣли):

α) очищеніе земли,

β) обновленіе стихій, (которыя уже не называются богами),

γ) уничтоженіе человѣческихъ жертвъ,

δ) паденіе язычества,

ε) спасеніе человѣческаго рода.

ζ) освященіе Христовой вѣрой.

б) Это случилось въ воскресеніе; поэтому мы должны считать «царицей дней» воскресеніе вмѣсто прежней субботы.

Изложеніе.

а) Весна и Пасха (Параллель).

Весна.	Пасха.
α) Обновленіе видимой природы.	α) Обновленіе внутренней сущности человѣка.
β) Праздникъ на небѣ.	β) Праздникъ въ «сіонской горницѣ» апостоловъ.
γ) Появленіе солнца, послѣ долгаго сна.	γ) Воскресеніе Спасителя.
δ) Луна уступаетъ мѣсто солнцу.	δ) Ветхій завѣтъ уступаетъ мѣсто Новому.
ε) Прошла зима.	ε) Уничтожилось язычество.
ζ) Растаялъ ледъ.	ζ) Исчезло невѣріе Ѳомы.
η) Зима уничтожаетъ вѣтры.	η) Вѣра уничтожаетъ грѣховные помыслы
θ) Земля, воспринявъ сѣмя, рождаетъ плодъ.	θ) Природа наша, принявъ слово Божіе, производитъ духъ спасенія.
ι) Ягнята и «юнцы» бѣгутъ въ поле и сосутъ молоко матерей.	ι) Кроткіе изъ язычниковъ люди и кумиро-служители невѣрныхъ странъ возвращаются къ святой Церкви и сосутъ «млеко» ея ученія.
κ) Пастухи играютъ на свирѣли.	κ) «Учителя Христова стада» славятъ гимнами Бога.

λ) Земледѣльцы и работа ихъ весной.

μ) Рѣки наполняются водой, «рыбные ловы».

ν) Пчелы.

ο) Птицы.

λ) «Ратаи слова» и дѣятельность ихъ при началѣ христіанства.

μ) «Глубина Божія во человѣченія». мрежа апостоловъ.

ν) Иноки.

ο) Веселые лики въ церкви.

б) Дары на праздникъ Воскресенія

α) «отъ языковъ—вѣра»,

β) «отъ іереевъ—святыя жертвы»,

γ) «отъ міродержателей боголюбная милостыня».

δ) «отъ вельможъ—церковное попеченіе»,

ε) «отъ праведниковъ—смиреномудріе»,

ζ) «отъ грѣшниковъ- истинное покаяніе»,

η) «отъ нечестивыхъ—обращеніе къ Богу»,

θ) «отъ ненавидящихъ -духовная любовь.

в) Приглашеніе проповѣдника «мысленно войти въ сіонскую горницу, гдѣ собрались апостолы и самъ Іисусъ.

г) Въ «сіонской горницѣ»:

α) пришествіе Ѳомы,

β) слово Спасителя къ нему,

γ) отвѣтъ Ѳомы.

Заключеніе.

Переходъ отъ невѣрія къ полной и совершенной вѣрѣ.

Заключеніе.

Общій характеръ «Слова».

См. сочин. № 34.

33. Планъ, ходъ мыслей и содержаніе «Перваго слова Серапіона, епископа Владимирскаго».

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Ужасы татарской неволи.

См. сочин. № 23.

Характеръ проповѣдей еп. Серапіона.

См. сочин. № 34.

Изложеніе.

Планъ перваго «Слова».

Вступленіе.

Признаки кончины міра:

α) «знаменья въ солнцѣ и въ лунѣ и въ звѣздахъ»,

β) «трусы по мѣстамъ» (землетрясенія).

γ) «глады» (голодъ).

Изложеніе.

а) Все это сбылось въ наше время.

б) Причины бѣдствій—наши грѣхи и беззаконія.

в) Землетрясенія, какъ кара Божья.

г) Уже раньше Богъ предостерегалъ насъ.

д) Слѣдствія неповиновенія:

α) «гладъ»,

β) «морове»,

γ) «рать многыя».

е) Самое страшное наказаніе—«языкъ немилостивъ» (татары).

ж) Ужасы татарскаго нашествія:

α) опустошеніе земли,

β) «плѣнъ» городовъ,

γ) «разореніе церквей»,

δ) «смерти напрасныя»,

ε) избіеніе отцовъ и братьевъ нашихъ,

ζ) надруганіе надъ матерями и сестрами.

Заключеніе.

Призывъ къ покаянію въ грѣхахъ.

Грѣхи:

α) «скверные и немилостивые суда»,

β) «кровавые рѣзоимство» (ростовщичество),

γ) «всякое грабленіе».

Заключеніе.

Еп. Серапіонъ, какъ проповѣдникъ.

См. сочин. № 34.

34. Характеръ древне-русской проповѣди.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Крещеніе Руси.
Вліяніе христіанства на русскую жизнь.
Появленіе письменности.
Характеръ древне-русской письменности:
а) религіозное направленіе,
б) византійское вліяніе.

Изложеніе.

Двѣ группы древне-русскихъ проповѣдниковъ:
а) проповѣдники, находящіеся подъ вліяніемъ Византіи,
б) проповѣдники оригинальные.

А. Проповѣдники, находящіеся подъ вліяніемъ Византіи.

а) Содержаніе проповѣдей:
α) сущность христіанства,
β) догматы христіанства,
γ) христіанство и язычество,
δ) православіе и католичество.
б) Форма:
α) построеніе,
β) риторика,
γ) символизмъ,
δ) ссылки на литературу,
ε) языкъ.

Б. Проповѣдники оригинальные.

а) Содержаніе:
α) сущность христіанства,
β) христіанская мораль,
γ) обличеніе пороковъ общества.
б) Форма:
α) изложеніе,
β) языкъ.

Заключеніе.

Значеніе древне-русской проповѣди.

Крещеніе Руси имѣло громадное вліяніе на всѣ стороны русской жизни. Это великое событіе внесло смягченіе въ суровые нравы полудикаго народа, дало ему свѣтъ истинной вѣры взамѣнъ грубаго язычества и положило начало его литературѣ[1]) Торговыя сношенія съ Византіей укрѣпились: къ нимъ присоединились еще постоянное культурное вліяніе образованной націи, вліяніе, передававшееся какъ непосредственнымъ соприкосновеніемъ обоихъ народовъ, такъ и черезъ книги, переходившія къ намъ изъ Византіи, оригинальныя и переводныя.

На литературѣ нашей и сказалось прежде всего это византійское вліяніе. Большинство русскихъ сочиненій перваго періода отличаются тѣми же чертами, которыя и характеризуютъ византійскую литературу этого времени[2]): риторичностью, искусственностью, напыщенностью, преобладаніемъ формы надъ содержаніемъ. Въ то же время, такъ какъ тогдашняя русская литература является результатомъ принятія христіанства, и огромное большинство нашихъ писателей принадлежитъ къ духовенству, то, естественно, что всѣ произведенія этихъ писателей имѣютъ направленіе духовно-религіозное.

Всѣ указанныя черты древне-русской литературы отразились на двухъ нашихъ проповѣдникахъ: первомъ митрополитѣ изъ русскихъ Иларіонѣ и Туровскомъ епископѣ Кириллѣ.

Лѣтопись подъ 6559 годомъ (1051 годъ по нашему лѣтосчисленію) съ радостью отмѣчаетъ: «Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ *Русина*». Дѣйствительно, это событіе имѣетъ важность первостепенную. Въ первое время послѣ принятія христіанства все духовенство на Руси состояло изъ грековъ. Мало знакомые съ русской жизнью, почти не знающіе языка, эти люди не могли имѣть большого вліянія на народъ и внушить ему любовь и преданность къ истинной вѣрѣ. Именно этимъ и объясняется тѣ остатки двоевѣрія, которыя такъ долго и крѣпко держались въ массахъ[3]). Отъ главы духовенства *изъ русскихъ* народъ въ правѣ былъ ожидать живого доходящаго до сердца слова, которое раскрывало бы предъ нимъ истинную сущность христіанскаго вѣроученія.

Съ сожалѣніемъ нужно признать, что именно эта сторона является наиболѣе слабой въ проповѣдяхъ Иларіона и Кирилла

[1]) См. сочин. № 29.
[2]) См. сочин. № 29.
[3]) См сочин. № 29.

Туровскаго. Они не столько поучаютъ, сколько проповѣдуютъ, не столько объясняютъ, сколько полемизируютъ. Поэтому проповѣди ихъ можно назвать полемическими. Иларіонъ въ своемъ «Словѣ о ветхомъ и новомъ завѣтѣ»[1]) полемизируетъ съ поклонниками ветхаго завѣта, которыхъ, конечно, не могло быть среди его слушателей, и потому его проповѣдь, которая могла бы имѣть смыслъ въ Византіи, болѣе образованной и раздираемой всевозможными ересями, конечно, теряетъ всякое значеніе среди темной массы русскаго населенія. Кириллъ Туровскій въ своемъ «Словѣ на недѣлю первую по Пасцѣ»[2]) подходитъ ближе къ вопросу: онъ желаетъ выяснить значеніе Воскресенія Христова, и христіанства, какъ результата его. Но вмѣсто того, чтобы отвѣтить на вопросъ прямо и опредѣленно, онъ все время разсѣеваетъ вниманіе слушателя среди массы сравненій, за которыми трудно услѣдить и которыя не только не выясняютъ, но и прямо затемняютъ настоящую сущность. Но тутъ мы уже переходимъ къ вопросу о формѣ.

По формѣ разбираемыя проповѣди во всемъ сходны съ византійскими. Въ построеніи строго выдержано дѣленіе на три части: пропозицію или вступленіе, экспозицію или изложеніе, конклюзію или заключеніе. Риторическія фигуры, тропы и метафоры щедрой рукой разсыпаны во всѣхъ проповѣдяхъ: праведное солнце Христосъ», «ледъ Ѳомина невѣрія», «доброгласныя птицы церковныхъ ликовъ» испещряютъ всѣ страницы «Словъ».

Все изложеніе ведется не прямо, а посредствомъ символовъ и аллегоріи. Цѣлое «слово» Кирилла основано на параллели между Пасхой и весной. Первая часть слова Иларіона стремится выяснить преимущества новаго завѣта предъ ветхимъ путемъ сопоставленія ихъ съ Агарью и Саррой. Всѣ положенія подкрѣпляются не столько логическими доводами, сколько ссылками на различныя сочиненія предшествующихъ писателей, главнымъ образомъ, на творенія Отцовъ церкви, а также на библію. Языкъ проповѣдей — торжественный, напыщенный и трудный для пониманія вслѣдствіе склонности къ сложнымъ и запутаннымъ предложеніямъ.

[1]) См. сочин. № 31.
[2]) См. сочин. № 32.

Кириллъ Туровскій въ одной изъ своихъ проповѣдей жалуется на то, что у него очень мало слушателей. Послѣ всего сказаннаго это неудивительно. Нужна была подготовка и подготовка довольно серьезная для того, чтобы понимать не только красоты стиля этого проповѣдника, но даже попросту зерна смысла, скрытыя въ его проповѣдяхъ. До сердца народа его рѣчи во всякомъ случаѣ не могли доходить. Высокая задача—говорить съ народомъ и для народа языкомъ народа выпала на долю другой группы проповѣдниковъ, къ которымъ принадлежатъ игуменъ Кіево-Печерской Лавры Ѳеодосій и Серапіонъ, епископъ Владимирскій.

Содержаніе этого рода проповѣдей проще и ближе къ жизни. Они либо разъясняютъ своимъ слушателямъ высокіе принципы, лежащіе въ основѣ христіанства, либо бичуютъ и обличаютъ недостатки своей паствы. Въ своихъ поученіяхъ къ братіи Ѳеодосій даетъ увѣщаніе къ добродѣтелямъ и подвигамъ, дисциплинарныя наставленія и, наконецъ, обличенія братіи въ ропотѣ, въ недостаткѣ покорности и смиренія и т. п. Изъ его поученій ко всѣмъ православнымъ христіанамъ извѣстны поученія «о казняхъ Божіихъ» за грѣхи, въ которыхъ проповѣдникъ обличаетъ общество, и поученіе «о пьянствѣ». Всѣ поученія, какъ мы видимъ, близки къ жизни и не отличаются той отвлеченностью, которую мы видѣли въ проповѣдяхъ предшествующей группы.

То же нужно сказать и о проповѣдяхъ Серапіона Владимирскій епископъ жилъ въ тяжелую годину татарской неволи. Пережитые имъ ужасы татарскаго нашествія наложили отпечатокъ грусти на пять словъ его, которыя дошли до насъ. Серапіонъ ставитъ всѣ бѣдствія въ связь съ пороками современнаго ему общества, онъ видитъ въ нихъ кару Божію за грѣхи. Всѣ его проповѣди сводятся къ призыву покаяться и исправиться.

Таково содержаніе проповѣдей ораторовъ второй группы. Особенностямъ содержанія соотвѣтствуетъ и форма. Она не замысловата, отличается простотой изложенія и народнымъ безыскусственнымъ языкомъ. Украшеніямъ въ византійскомъ духѣ въ этихъ проповѣдяхъ нѣтъ мѣста.

Значеніе проповѣдей для русскихъ людей того времени было поистинѣ громадно. Проповѣдь тогда была единственнымъ средствомъ влиять на умы общества, при отсутствіи газетъ,

журналовъ и вообще другихъ способовъ воздѣйствія Проповѣдники раскрывали передъ народомъ сущность высокаго новаго вѣроученія, они указываютъ ему на темныя стороны его жизни и призываютъ къ исправленію отъ пороковъ, рисуя свѣтлыя картины христіанскаго идеала. И слушатели цѣнили своихъ проповѣдниковъ, и, если проповѣдь по языку и содержанію была имъ понятна, они биткомъ наполняли церкви, глубоко въ сердцахъ запечатлѣвая простыя и безхитростныя слова своихъ духовныхъ пастырей.

35. Жизнь Ѳеодосія Печерскаго по «Житію» его, составленному преп. Несторомъ.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Характеръ «Житія».

а) начитанность автора,

б) византійскіе пріемы изложенія,

См. сочин. № 29.

в) полнота,

г) стройность изложенія.

Изложеніе.

А. Біографія Ѳеодосія Печерскаго.

а) Родина (г. Василевъ, близъ Кіева).

б) Родители («не отъ мудрыхъ философовъ, не отъ властелинъ градомъ», но отъ благочестивыхъ богатыхъ родителей).

в) Дѣтство:

α) обученіе,

β) отношеніе къ играмъ,

γ) къ роскоши,

δ) отношеніе къ униженнымъ и оскорбленнымъ,

ε) отношеніе къ церкви,

ζ) борьба съ матерью,

η) подвиги благочестія,

θ) попытки бѣжать.

г) Въ Кіевѣ.

д) Встрѣча съ св. Антоніемъ и постриженіе.

е) Примиреніе съ матерью.
ж) Избраніе въ игумены.
з) Труды Ѳеодосія-игумена:
α) церковь во имя Богородицы,
β) устройство Печерской обители,
γ) введеніе новаго устава,
δ) повседневная работа.

Б. Характеристика Ѳеодосія.

а) Простота.
б) Смиреніе.
в) Обличеніе неправды.
г) Одинаковое отношеніе къ низшимъ и высшимъ.

Заключеніе.

Назидательный характеръ «Житія Ѳеодосія Печерскаго».

36. Смерть Олега по лѣтописи и по стихотворенію Пушкина.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Національный характеръ творчества Пушкина.
Источники вдохновеній Пушкина:

а) Народныя пѣсни.
б) Народныя сказки.
в) Русская исторія.
г) Лѣтопись.

Изложеніе.

а) Лѣтописное сказаніе о смерти Олега.
б) Изложеніе «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ».
в) Черты сходства;
α) причина смерти Олега,
β) простота формы.
г) Черты различія:
α) рѣчь кудесника,
β) прощаніе Олега съ конемъ,
γ) пиръ,
δ) тризна,

ε) стремленіе Пушкина придать своему разсказу колоритъ мѣста и времени.

Заключеніе.

Характеръ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ».

А. С. Пушкинъ по справедливости называется нашимъ первымъ національнымъ поэтомъ. Онъ—краса и гордость русской литературы—всю свою плодотворную жизнь положилъ на то, чтобы творчество нашихъ писателей сошло съ пути подражательности и рабскаго слѣдованія иностраннымъ образцамъ. Онъ указалъ своимъ послѣдователямъ новый источникъ, откуда они могли черпать нескончаемые источники вдохновеній: народныя пѣсни, которыя онъ съ любовью записывалъ въ селѣ Михайловскомъ: сказки, которыя разсказывала ему няня Арина Радіоновна; русская исторія, которая только-что стала знакома широкимъ слоямъ публики благодаря таланту Н. М. Карамзина, наконецъ, лѣтописи, изученіе которыхъ дало ему возможность, по собственнымъ его словамъ, въ «Борисѣ Годуновѣ» «угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

Плодомъ внимательнаго изученія лѣтописей является, между прочимъ, баллада Пушкина «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ».

Лѣтопись повѣствуетъ о смерти Олега въ слѣдующихъ выраженіяхъ: Олегъ княжилъ въ Кіевѣ, «миръ имѣя къ вьсѣмъ странамъ». Однажды осенью онъ вспомнилъ о своемъ конѣ, на которомъ давно не ѣздилъ, такъ какъ «волъхви кудесники» предсказали ему, что онъ отъ него погибнетъ. Получивъ отъ приближенныхъ отвѣтъ, что конь «умерлъ есть», онъ пожелалъ увидѣть кости своего стараго коня. Со смѣхомъ наступивъ на черепъ коня, Олегъ воскликнулъ: «Отъ сего ли лъба смерть мнѣ възяти?» Но изъ черепа выползла змѣя и укусила князя. Тотъ разболѣлся и умеръ.

Таковъ простой, безыскусственный лѣтописный разсказъ. Посмотримъ теперь, что сдѣлалъ изъ него Пушкинъ.

Весь разсказъ у Пушкина распадается на четыре отдѣльныя картины: 1) встрѣча кудесника съ Олегомъ, отправляющимся въ походъ противъ хозаръ, 2) пиръ Олега, 3) Олегъ надъ костями коня и 4) тризна по Олегѣ. На первыя двѣ картины Пушкинъ могъ найти въ лѣтописи только намеки: лѣтописецъ ничего не говоритъ намъ о томъ, гдѣ, когда и при

какихъ обстоятельствахъ дано было Олегу предсказанье, точно такъ же не говоритъ онъ и того, какимъ образомъ вспомнилъ Олегъ о конѣ. Зачѣмъ же понадобилось Пушкину вводить въ свою «Пѣснь» оба эти момента? Нетрудно увидѣть, что авторъ имѣлъ для этого двѣ побудительныя причины. Первая причина психологическая: для поэта было важно выяснить, что заставило вѣщаго Олега интересоваться вопросомъ о предстоящей кончинѣ. Естественнѣе всего, конечно, звучитъ этотъ вопросъ въ устахъ героя въ тотъ моментъ, который выбранъ поэтомъ: отправляясь въ тяжелый походъ, разставаясь съ родиной, Олегъ невольно задумывается надъ вопросомъ, приведется ли ему еще разъ увидѣть родную землю, а встрѣча съ кудесникомъ заставляетъ его задать тотъ же вопросъ «мудрому старцу». Далѣе, на пиру послѣ войны среди своихъ старыхъ соратниковъ, вспоминая

«минувшіе дни
И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они»,

Олегъ начинаетъ думать и о своемъ старомъ конѣ, мысль о которомъ уже давно не приходила Олегу въ голову. Но, кромѣ желанія сдѣлать всѣ части своего разсказа логически обоснованными, Пушкинъ ввелъ двѣ первыя сцены, а также и сцену четвертую, на которую уже въ лѣтописи и намека нѣтъ, еще изъ другого, болѣе глубокаго соображенія. Не нужно забывать, что «Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ» —произведеніе историческое. Сохранить колоритъ времени Пушкинъ старался во-первыхъ тѣмъ, что сохранилъ всѣ подробности, найденныя имъ въ лѣтописи; во-вторыхъ тѣмъ, что передалъ въ своемъ разсказѣ простоту и спокойствіе, которыми дышитъ каждое слово лѣтописной передачи событія, а, главнымъ образомъ, именно благодаря тому, что своими вставными картинами воссоздалъ передъ читателемъ цѣлый уголъ древне-русской жизни. Кудесникъ,

«Покорный Перуну старикъ одному,
Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведшій весь вѣкъ»,

тризна на могилѣ Олега — это картины, цѣликомъ взятыя изъ сѣдого прошлаго нашей родины, и именно благодаря имъ Пушкину удалось дать въ высшей степени цѣнную *историческую* миніатюру.

Другія сцены, напримѣръ, сцена прощанія Олега съ конемъ, введены Пушкинымъ съ цѣлью оживить созданный имъ образъ, одѣть его въ плоть и кровь. Второстепенные писатели даютъ

намъ образы историческихъ героевъ отвлеченными, стоящими на пьедесталѣ, ни въ чемъ не похожими на простыхъ смертныхъ. Но Пушкинъ, какъ первоклассный художникъ, не могъ допустить подобной неестественности даже въ такомъ незначительномъ по размѣрамъ произведеніи, какъ «Пѣснь». И вотъ онъ представляетъ великаго героя, имя котораго «прославлено побѣдой» и щитъ котораго виситъ «на вратахъ Цареграда» прощающимся съ любимымъ конемъ въ слѣдующихъ трогательныхъ выраженіяхъ:

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга!
Разстаться настало намъ время...
Теперь отдыхай: ужъ не ступитъ нога
Въ твое позлащенное стремя»,—

и проявляющимъ нѣжную заботливость объ «одинокомъ другѣ».

Цѣли, которыя преслѣдовались лѣтописцемъ и Пушкинымъ, были далеко не одинаковы: то, что вышло у лѣтописца просто и естественно, безъ всякихъ усилій съ его стороны, на то Пушкинъ долженъ былъ употребить очень много искусства и обдуманности. И это нисколько неудивительно, если припомнить, что Пушкинъ долженъ былъ возстановить «образъ мыслей и языкъ» періода, удаленнаго отъ него на цѣлое тысячелѣтіе. Тѣмъ не менѣе, нашъ великій поэтъ справился великолѣпно со своей тяжелой задачей и далъ въ «Пѣснѣ» уголокъ древне-русской жизни.

37. Лѣтописное сказаніе о мщеніи Ольги.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Объективность лѣтописнаго изложенія.
Языческое и христіанское въ лѣтописи.
Отношеніе лѣтописца къ язычеству.
Двойственность:
а) сознательное отрицаніе,
б) безсознательныя симпатіи.

Все **вступленіе** *къ этому сочиненію учащіеся должны взять изъ сочиненія № 38.*

Изложеніе.

Лѣтописный разсказъ о мщеніи.

А. Смерть Игоря.

а) Разговоръ Игоря съ дружиной.
б) Походъ къ древлянамъ «въ даль».
в) Возвращеніе («похожю и еще»).
г) Смерть Игоря.

Б. Мщеніе Ольги.

а) Сватовство древлянъ.
б) Первое посольство.
в) «Величаніе».
г) Гибель перваго посольства.
д) Второе посольство.
е) Сожженіе его.
ж) Ольга подъ Искоростенемъ.
з) «Тризна».
и) Избіеніе древлянъ.

Заключеніе.

Какія черты историческаго быта можно установить на основаніи приведеннаго лѣтописнаго разсказа?

а) Отношеніе между княземъ и дружиной.
б) Отношеніе между собирающими и дающими дань.
в) Жестокость.
г) Обычай кровавой мести.
д) Тризна.

38. Святославъ Храбрый, какъ идеалъ князя-язычника.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Объективность лѣтописнаго изложенія.
Языческое и христіанское въ лѣтописи.
Отношеніе лѣтописца къ язычеству.
Двойственность:
а) сознательное отрицаніе,
б) безсознательное сочувствіе.

Изложеніе.

Святославъ Храбрый, какъ идеалъ князя-язычника.
а) Храбрость.

б) Воинственность.
в) Война для войны.
г) Неприхотливость.
д) Простота жизни.
е) Отношеніе къ своей землѣ.
ж) Любовь къ матери.
з) Прямота характера.

Заключеніе.

Отношеніе лѣтописца къ Святославу.

Главнѣйшей чертой, характеризующей лѣтописца, является объективность его отношенія къ тому, что онъ пишетъ. Недаромъ одинъ изъ глубочайшихъ знатоковъ русской лѣтописи А. С. Пушкинъ отмѣчаетъ у лѣтописца.

«Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый.
Спокойно зритъ на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва».

Особенно ярко проглядываетъ эта объективность лѣтописца тогда, когда онъ изображаетъ языческое прошлое своей родины. По убѣжденіямъ своимъ лѣтописецъ — христіанинъ, горячо преданный новой вѣрѣ, которой онъ служитъ, какъ лицо духовнаго званія. Съ особенной подробностью останавливается на тѣхъ эпизодахъ исторіи, которые носятъ характеръ религіозный. Такова описаніе крещенія Руси, основанія Кіево-Печерскаго монастыря и т. п. Но рядомъ съ этимъ, если мы обратимся къ сценамъ, рисующимъ языческое міросозерцаніе, то мы увидимъ, что въ нихъ проглядываетъ извѣстное сочувствіе автора къ изображаемому. Такъ, мщеніе Ольги за смерть убитаго мужа не только изображено въ лѣтописи со многими реальными подробностями, но даже прямо съ извѣстными симпатіями къ мстительницѣ. Иронически говоритъ онъ о древлянскихъ послахъ, которые «сѣдяху гордящеся въ ложахъ, когда ихъ несли на вѣрную смерть. И нигдѣ нѣтъ сожалѣнія къ несчастнымъ жертвамъ. Такъ сильно было еще во время лѣтописи Нестора требованіе кровавой мести за убитаго родственника, требованіе, конечно, не христіанское, а языческое.

Съ такой же симпатіей изображаетъ лѣтописецъ въ Святославѣ идеалъ языческаго князя-дружинника.

Первое достоинство, первая характерная черта Святослава это храбрость. Онъ, едва сдѣлавшись юношей, «нача вои совокупляти многы и храбры». При помощи этихъ воиновъ, составившихъ его дружину, Святославъ все время ведетъ непрерывныя войны: то онъ отправляется на Волгу и покоряетъ себѣ Вятичей, то жестоко мститъ Печенѣгамъ за ихъ набѣгъ на Кіевъ въ отсутствіе князя, то овладѣваетъ Болгаріей; то обращаетъ свое оружіе противъ грековъ, сбодряя войско въ рѣшительный моментъ такими словами: «Намъ некуда дѣться; волею и неволею пришлось стать противъ грековъ: такъ не посрамимъ Русской Земли, но ляжемъ костями—мертвымъ не стыдно; если же побѣжимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда; станемъ же крѣпко, я пойду передъ вами, и, если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ». Возвращаясь изъ послѣдняго похода, «съ большимъ богатствомъ и малой дружиной и погибъ Святославъ».

Святославъ ведетъ войну не для добычи, а для славы. Война для этого суроваго князя не средство пріобрѣсти миръ и спокойствіе своей землѣ, а цѣль. Потому онъ съ рѣдкимъ прямодушіемъ всегда посылаетъ предупредить грековъ: «иду на васъ», потому онъ и не поинтересовался тѣми дарами, какіе прислали ему греки, и только оружіе разсматривалъ съ любовью. Парча и другіе предметы роскоши, присланные ему греками, совершенно не нужны Святославу, который велъ крайне простой образъ жизни, «легко ходя акы пардусъ». Въ походѣ онъ не ведетъ за собой никакого обоза; мясо ѣстъ не вареное, а печенное на углѣ, при чемъ не брезгаетъ и кониной, спитъ не въ шатрѣ, а подъ открытымъ небомъ, подложивъ подъ голову сѣдло.

«Ты, княже, чужея земля ищеши и блюдеши, а своея ся охабляешь», упрекали Кіевляне князя. Дѣйствительно, воинственный «пардусъ» не обнаруживаетъ никакой заботы о своей вотчинѣ. Печенѣги напали на Кіевъ въ отсутствіе Святослава, и только случайность спасла городъ отъ полнаго разгрома. А въ городѣ были дѣти и престарѣлая мать князя. Но Святославу до такой степени не сидится на мѣстѣ и настолько нѣтъ въ немъ привязанности къ землѣ, что онъ даже готовъ столицу свою перенести въ болгарскій городъ Переяславецъ на Дунаѣ. Это объясняется историками (напр., С. М. Соловьевымъ) еще и такъ, что Святославъ своей землею считалъ только одну Болгарію,

пріобрѣтенную имъ самимъ, Русскую же Землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ.

Единственное нѣжное чувство, хранящееся въ душѣ Святослава, это любовь къ матери. Узнавъ объ опасности, грозившей ей, онъ «въборзѣ въсѣде на конѣ съ дружиной своею, и придѣ Кыеву, цѣлова матерь свою и дѣти своя, *и съжалися о бывъшемъ отъ Печенѣгъ*». Когда онъ хочетъ уѣхать изъ Кіева, его удерживаетъ просьба матери: «видиши мя больну сущю, камо хощеши отъ мене ити? Погребъ мя, иди же, яможе хощеши». Когда Ольга умерла, «плакася по ней сынъ ея».

Лѣтописецъ, какъ это видно изъ приведеннаго разсказа, считаетъ княженіе Святослава свѣтлой страницей въ русской исторіи. Ему нравятся и беззавѣтная храбрость князя, и удальство его, и прямодушіе, и любовь къ матери. Одна лишь черта въ характерѣ Святослава вызываетъ порицаніе лѣтописи: это—отношеніе его къ родинѣ. Вмѣсто того, чтобы ставить защиту Кіева первой своей задачей, Святославъ, увлеченный своими войнами, «своея отьчины охаблвъ ся», и это авторъ ставитъ храброму князю въ упрекъ.

39. Лѣтописный разсказъ о крещеніи Руси.

И бяше си видѣти радость на небеси и на земли, только душъ спасаемыхъ (Несторова лѣтопись).

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Религіозный характеръ древне-русской литературы.

Причины такого направленія:

а) возникновеніе литературы на Руси,

б) личность писателей,

в) настроеніе общества.

Объективность, какъ характерная особенность лѣтописи.

Отсутствіе объективности въ разсказѣ о крещеніи Руси.

Причина нарушенія господствующаго тона.

Изложеніе.

А. Лѣтописный разсказъ

а) о крещеніи Ольги,

б) объ испытаніи вѣроисповѣданій,
в) о крещеніи

Б. Характерныя особенности этого разсказа.

а) Религіозное настроеніе.
б) Лирическія отступленія.
в) Двоевѣріе.

В. Методъ изложенія.

а) Наивность.
б) Подробность.
в) Знакомство съ литературой.

Заключеніе.

Какіе историческіе факты и черты быта можно установить на основаніи приведеннаго лѣтописнаго разсказа?

а) Отношеніе князя къ «боларамъ и старцамъ градскимъ»,
б) Отношеніе массъ къ язычеству.
в) Отношеніе народа къ христіанству.
г) Вѣно.

Появленіе у насъ письменности есть результатъ принятія христіанства. Съ принятіемъ христіанства понадобились богослужебныя книги. Съ этой цѣлью воспользовались книгами, составленными святыми братьями Кириллом и Меѳодіемъ для южныхъ славянъ. Вслѣдъ за книгами, перенесенными оттуда въ Россію, у насъ появляется цѣлый рядъ новыхъ сочиненій, сначала переводныхъ, а потомъ самостоятельныхъ.

Источникъ нашей древнѣйшей литературы во многомъ опредѣлилъ и весь характеръ ея.

Образованіе, возникшее изъ христіанской вѣры, въ ней имѣло и главный источникъ. Оно сосредоточивалось въ монастыряхъ и въ училищахъ при церквахъ, проводилось въ жизнь людьми монашествующими и духовными, по книгамъ церковнымъ и духовнымъ. Все это сообщило какъ древней русской жизни, такъ и древней словесности религіозно-церковное направленіе. Не говоря уже о томъ, что большая часть памятниковъ древней словесности состоитъ изъ сочиненій духовныхъ,—словъ, поученій, посланій, житій святыхъ,—даже сочи-

нія описательныя и историческія имѣютъ религіозный характеръ. Литературой занимались почти исключительно лица духовныя, а если, по особымъ случаямъ, становились писателями лица изъ другихъ сословій, то и они писали въ томъ-же религіозномъ направленіи, потому что они, какъ и вся интеллигентная читающая часть общества, воспитывались на той-же церковной и духовной литературѣ.

Религіозный характеръ носила, конечно, и наша лѣтопись.

Этотъ религіозный характеръ сказался и въ общемъ тонѣ изложенія и, особенно, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ изображаетъ событія, сыгравшія значительную роль въ исторіи русской церкви, напримѣръ, Крещеніе Ольги, основаніе Кіево-Печерскаго монастыря и т. п. Но въ особенности этимъ религіознымъ настроеніемъ проникнутъ лѣтописный разсказъ о крещеніи Руси. Важность излагаемаго предмета настолько овладѣваетъ лѣтописцемъ, что онъ отказывается отъ присущаго ему объективнаго способа изложенія[1]) и вноситъ туда совершенно несвойственный ему вообще лирическій тонъ и субъективность.

«Си бысть предьтекущія крестьяньстѣи земли акы деньница предъ солньцемъ и акы зоря предъ свѣтомъ, си бо сьяше акы луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ свѣтящися акы бисеръ въ калѣ; кальни бо бѣша, грѣхъ не омовени крещеньемъ святымъ». Съ такимъ воодушевленіемъ говоритъ лѣтописецъ объ Ольгѣ. Онъ цѣнитъ въ ней то, что она «первое въниде въ царьство небесьное отъ Руси», что та первая на Руси приняла крещеніе.

Тѣмъ больше, конечно, воодушевляется лѣтописецъ, разсказывая о крещеніи всей Руси. Разсказъ начинается съ испытанія вѣроисповѣданій. Владиміръ собираетъ бояръ и городскихъ старцевъ, и говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, каждый хвалитъ свою вѣру, напослѣдокъ пришли и греки, — хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много говорятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, умерши, воскреснетъ и не умретъ послѣ вовѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ будетъ въ огнѣ горѣть. По совѣту бояръ и старцевъ рѣшено было послать въ разныя страны людей испытать «когождо ихъ службу, и како служитъ Богу». Послы отправились прежде

[1]) См. сочиненія № 38.

всего къ болгарамъ магометанскаго вѣроисповѣданія; здѣсь они увидѣли «скверныя дѣла и кланянье въ ропати». У нѣмцевъ также церковная служба не произвела на нихъ впечатлѣнія. «видѣхомъ въ храмѣхъ многы службы творяща, а красоты не видѣхомъ никоея же». За то всѣ были очарованы богослуженіемъ въ Царьградѣ. «Мы не можемъ забыть тои красоты, которую видѣли въ Константинополѣ», говорили послы: «всякы человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго: такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ болше не останемся». Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами: у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства. Если бы дурень былъ отецъ греческій, говорили они «то бабка твоя, Ольга, не приняла бы его, она бѣдь была мудрѣе всѣхъ людей». Вопросъ въ принципѣ былъ рѣшенъ.

Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ Владиміръ походомъ на Корсунь завоевалъ себѣ вѣру и жену Анну, сестру греческихъ царей. При крещеніи самаго Владиміра случилось чудо: онъ былъ боленъ глазами, но, какъ только священникъ, крестившій князя, возложилъ на него руки, онъ тотчасъ прозрѣлъ и воскликнулъ: «Теперь только я узналъ истиннаго Бога!».

Важнѣйшая часть разсказа—крещеніе кіевлянъ. Возвратившись въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей и людей ему близкихъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ велѣлъ ниспровергать идоловъ. Изъ ниспровергнутыхъ идоловъ однихъ (деревянныхъ) сожгли, а главнаго, Перуна, привязали къ хвосту лошади и потащили съ горы, при чемъ двѣнадцать человѣкъ били истукана палками: это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, что Перунъ чувствовалъ, но на поруганіе обѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей, «такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе». Когда волокли идола къ Днѣпру, то народъ плакалъ, а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега, до тѣхъ поръ, пока пройдетъ пороги. Затѣмъ приступлено было къ обращенію кіевскаго народа: князь послалъ объявить по городу «аще не обращется кто рѣцѣ, богатъ ли, ли убогъ, или нищь, ли работьникъ, противенъ мнѣ да будетъ». Колебавшіеся склонялись передъ авторитетомъ князя и бояръ. Они разсуждали,

что, если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ея.

Изображенъ и самый обрядъ крещенія въ рѣкѣ, гдѣ стояли «ови до шиѣ, друзіи до персій», передается молитва Владимира, обращенная къ «Богу, сотворивому небо и землю»; излагается рядъ мѣръ князя, направленныхъ къ распространенію христіанства: основаніе церквей, устройство школъ и т. д.

Рѣзче всего бросается въ глаза при чтеніи лѣтописнаго разсказа то, что, излагая событія, столь близкія душѣ его, лѣтописецъ обнаруживаетъ необыкновенное воодушевленіе, и изъ груди у него вырывается цѣлый рядъ лирическихъ восклицаній, въ которыхъ авторъ выражаетъ волнующія его чувства. Мы уже видѣли такое отступленіе при разсказѣ о смерти Ольги. Говоря о поруганіи идола Перуна, лѣтописецъ замѣчаетъ: «Если еси Господи, и чюдна дѣла твоя! вчера чтимъ отъ человѣкъ, а днесь поругаемъ». Далѣе авторъ говоритъ о радости на землѣ и на небѣ при видѣ спасенія столькихъ душъ и объ отчаяніи дьявола, который «стеня глаголаше: «увы мнѣ, яко отсюда прогонимъ есмь! здѣ бо мьняхъ жилище имѣти, яко здѣ не суть ученья апостольска, ни суть вѣдуще Бога, но веселяхуся о мужьбѣ ихъ, сже служаху мнѣ; и се уже побѣженъ есмь отъ невѣгласъ, а не отъ апостолъ, ни отъ мученикъ, не имамь уже царьствовати, въ странахъ сихъ». Послѣднее отступленіе бросаетъ яркій свѣтъ на міросозерцаніе лѣтописца: вѣрующій и убѣжденный христіанинъ, онъ въ то же время не успѣлъ освободиться отъ всѣхъ предразсудковъ и суевѣрій язычества. Такимъ образомъ, даже и духовное лицо оказывается не свободнымъ отъ *двоевѣрія* [1]), въ рукахъ котораго находилась вся тогдашняя Русь. Такимъ образомъ, по мнѣнію лѣтописца, хотя господствуетъ надъ всѣмъ міромъ воля Господа, но ей безпрерывно противоборствуетъ слабѣйшая, но все же могучая воля дьявола. Если какой-либо дѣятель совершаетъ хорошій поступокъ, то это «вложи Богъ мысль добру»; въ противномъ случаѣ «вложи дьяволъ мысль злу».

Рѣчь дьявола во время крещенія кіевлянъ указываетъ также на своеобразную манеру письма, присущую лѣтописцу. Ученый историкъ вноситъ въ свое сочиненіе лишь тѣ факты, которые ему удалось провѣрить самымъ тщательнымъ образомъ. Напротивъ, и лѣтописецъ не только не провѣряетъ фак-

[1]) См. сочин. № 29.

товъ, которые дошли до него въ разсказахъ устныхъ или записанныхъ, но еще и отъ себя прибавляетъ завѣдомыя небылицы. Замѣчанія его свидѣтельствуютъ о большой наивности, напримѣръ, когда онъ объясняетъ, что Владиміръ приказалъ бить идола палками, «не яко древу чающу, но на поруганіе бѣсу», или когда онъ съ важностью говоритъ, что Владиміръ привезъ изъ Корсуни четыре медныхъ коня, «якоже не вѣдуще мьнять я мраморяны суща». Вообще разсказъ отличается тщательнымъ указаніемъ всѣхъ подробностей, причины котораго были указаны выше, и свидѣтельствуютъ о начитанности автора. Слова его объ Ольгѣ, противоположеніе «ветхаго Адама» новому, «иже есть Христосъ», несомнѣнно, заимствованы изъ какого-то духовнаго сочиненія.

Фактъ крещенія Руси и сопровождавшія его обстоятельства въ лѣтописи изложены въ полномъ соотвѣтствіи съ другими историческими данными, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ нашихъ знаменитѣйшихъ историковъ С. М. Соловьевъ. Но помимо фактовъ, лѣтописный разсказъ даетъ намъ много штриховъ, намекающихъ на различныя стороны жизни нашихъ предковъ. То обстоятельство, что для рѣшенія вопроса о вѣрѣ Владиміръ созвалъ на совѣтъ бояръ и «старцевъ градскихъ» указываетъ на характеръ княжеской власти въ первый періодъ ея существованія. По тому, какъ легко кіевляне согласились принять христіанство, мы можемъ судить, какъ мало значенія народъ придавалъ своей прежней религіи. Въ то же время такая быстрая перемѣна вѣры не можетъ быть результатомъ глубокаго убѣжденія. Истинная сущность христіанства врядъ ли была тогда понятна кому-либо изъ новообращенныхъ. Недаромъ же, когда Владиміръ приказалъ брать въ школы дѣтей у «нарочитыхъ людей», матери, «по нихъ ако по мертвеци плакахуся». Наконецъ, тотъ фактъ что Владиміръ «вѣдасть же за вѣно Грекомъ Корсунь опять», свидѣтельствуетъ о существовавшей въ то время формѣ брака[1]

40. Характеръ Несторовой лѣтописи.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Что такое лѣтопись?

Византійскіе хронографы.

[1]) См. сочин. № 6.

Изложеніе.

Составъ нашей лѣтописи.

а) Источники ея:

α) книги св. писанія,

β) Палея,

γ) Житія Святыхъ.

б) Ея отношеніе къ византійской.

в) Единство

α) внутреннее и

β) внѣшнее

Исторія лѣтописи.

а) Большое количество лѣтописей.

б) Виды лѣтописей:

α) государственная,

β) семейная,

γ) монастырская,

δ) литературная.

в) Два періода въ исторіи лѣтописи:

α) до XII вѣка,

β) съ XII вѣка.

Лѣтопись Нестора.

а) Характеръ лѣтописи:

α) строгій хронологическій порядокъ,

β) прагматизмъ,

γ) религіозное чувство,

δ) личность лѣтописца.—

α′) причины событій,

β′) взглядъ на нравственныя обязанности,

γ′) патріотизмъ,

δ′) взглядъ на обязанности князя.

б) Историческое значеніе Несторовой лѣтописи

α) факты,

β) отношенія,

γ) бытъ.

в) Литературное значеніе Несторовой лѣтописи.

α) Способъ изложенія.

β) Объективность.

γ) Лирическія отступленія.

δ) Языкъ.

Заключеніе.

Изученіе Несторовой лѣтописи.

Лѣтопись, какъ показываетъ и самое названіе, есть *погодная* записка, въ которую занесены по годамъ всѣ важнѣйшія происшествія, безъ всякой связи ихъ съ предыдущими и послѣдующими событіями. Лѣтописи образовались изъ пасхальныхъ таблицъ (т. е. такихъ, въ которыхъ вычислены и указаны дни пасхи и другихъ подвижныхъ и церковныхъ праздниковъ), въ которыхъ дѣлались противъ извѣстнаго года замѣтки о случившихся въ этомъ году событіяхъ. Въ какой годъ не было важныхъ событій, тотъ годъ и оставался пустымъ или же отмѣчался словами: «бысть тишина, ничегоже бысть» и т. п. Если оказывалось много годовъ безъ записи событій, то лѣтописецъ перечислялъ ихъ по порядку до года, подъ которымъ слѣдовало событіе.

Форма лѣтописи заимствована нашими писателями отъ византійскихъ хронографовъ. На это указываетъ прежде всего содержаніе нашей лѣтописи, начинающейся такъ и въ Византіи съ разсказа о происхожденіи народовъ отъ сыновей Ноя, о разселеніи народовъ послѣ Вавилонскаго столпотворенія и объ образованіи славянскаго народа. Далѣе на это же указываютъ многочисленныя ссылки лѣтописцевъ, часто отмѣчающихъ, откуда почерпнуто или то или иное свѣдѣніе. Ближе всѣхъ изъ византійскихъ хронистовъ стоитъ къ нашимъ лѣтописямъ **Георгій Амартолъ.**

Изъ другихъ источниковъ нашей лѣтописи должны быть упомянуты книги св. писанія, откуда лѣтописецъ дѣлаетъ или короткія цитаты или даже довольно пространныя выписки, Палея, откуда заимствовались апокрифическія сказанія, и Житія Святыхъ, которыя подчасъ сохранились въ лѣтописи даже въ полномъ видѣ (Житіе Ѳеодосія Печерскаго [1]).

Лѣтопись наша, какъ уже было сказано, находится подъ сильнымъ вліяніемъ византійскимъ, но она не является простымъ дополненіемъ къ ней. Съ первыхъ же страницъ, съ извѣстія о раздѣленіи земель между народами, въ числѣ которыхъ были и славяне, главнымъ предметомъ лѣтописи является русская земля съ жителями ея и событіями, въ ней происходившими. Эта идея, выраженная уже въ заглавіи «Начальной лѣтописи»: «Се повести временьныхъ лѣтъ, откуда есть пошьла Руськая земля, кто въ Кыевѣ почя первѣе княжити и откуду Руськая земля стала есть», идея цѣльности

[1]) См. сочин. № 35.

Русской Земли проникаетъ всю лѣтопись и обусловливаетъ ея внутреннее единство; внѣшнее-же единство достигается тѣмъ порядкомъ лѣтъ, который лѣтописецъ сохраняетъ постоянно и настойчиво.

Мы имѣемъ очень много русскихъ лѣтописей; одна археографическая комиссія собрала ихъ 168, и много хранится еще въ разныхъ библіотекахъ и архивахъ. Это объясняется существованіемъ нѣсколькихъ видовъ лѣтописей: были лѣтописи *государственныя*, въ которыхъ излагались событія всего государства, съ цѣлью увѣковѣченія достойныхъ подвиговъ и для руководства въ нужныхъ случаяхъ на будущіе годы. Въ виду раздробленности древней Руси эти лѣтописи обслуживали главнымъ образомъ мѣстные интересы (кіевская, волынская, новгородская). Далѣе *частныя* или *фамильныя* лѣтописи составлялись въ родахъ служилыхъ людей, съ цѣлью имѣть въ виду государственную службу составителей или ихъ предковъ и родичей, а также и службу тѣхъ родовъ, съ которыми составители могли быть въ соприкосновеніи по службѣ. Содержаніе этихъ лѣтописей опредѣляется уже самой цѣлью ихъ составленія.

Третье мѣсто занимаютъ лѣтописи монастырскія, которыя составлялись по исторической любознательности иноковъ, наслѣдованной отъ византійцевъ. Извѣстія, въ нихъ сообщаемыя, рѣдко отступаютъ отъ истины, но церковнослужители лишь мимоходомъ говорятъ о событіяхъ не церковныхъ, что ведетъ къ скудости свѣдѣній въ такихъ лѣтописяхъ.

Всѣ эти виды лѣтописи появляются съ XII вѣка, съ 1110 года; до того времени всѣ лѣтописи составляютъ одно цѣлое. Это такъ называемые лѣтописные сборники или лѣтописцы литературные. Всѣ они начинаются почти одинаково по образцу первой извѣстной намъ литературной лѣтописи, приписываемой кіево-печерскому иноку Нестору.

Преп. Нестору (1056–1114) усваивается названіе перваго русскаго лѣтописца. Несторъ вступилъ въ монастырь 17 лѣтъ, постриженъ въ монахи игуменомъ Стефаномъ и при немъ же поставленъ діакономъ. Въ 1091 г. ему поручено было отыскать мощи преп. Ѳеодосія. Затѣмъ, какъ записано въ Патерикѣ Печерскомъ, Несторъ «по лѣтамъ временныхъ довольныхъ преставися въ вѣчность».

Лѣтопись Нестора не дошла до насъ ни въ подлинникѣ ни въ отдѣльныхъ спискахъ. Позднѣйшіе переписчики и лѣтописцы дополняли, распространяли ее, и потому-то въ дошедшихъ до насъ спискахъ мы не имѣемъ Нестеровой лѣтописи въ первоначальномъ ея видѣ. На этомъ основаніи многіе ученые заподозрѣвали ея подлинность. Но въ настоящее время большинство склоняется къ мысли, что первоначальная лѣтопись, лежащая въ основѣ всѣхъ списковъ, принадлежитъ преп. Нестору.

Обратимся теперь къ вопросу о характерѣ Несторовой лѣтописи.

Не смотря на строгій хронологическій порядокъ, вслѣдствіе котораго сопоставлялись событія, лишенныя всякой внутренней связи между собой, лѣтописецъ сумѣлъ многими чертами въ повѣствованіи обнаружить свои понятія и чувства, составляющія, такъ сказать, внутреннюю сторону изображаемой имъ дѣйствительности. Дѣло въ томъ, что наша лѣтопись отличается прагматизмомъ, т. е. стремленіемъ историка объяснить внутреннюю связь между явленіями, представить всѣ событія, какъ непрерывную цѣпь причинъ и слѣдствій. Случайностей лѣтописецъ не допускаетъ даже въ явленіяхъ внѣшней природы. По его понятію, различныя явленія на землѣ и на небѣ находятся въ связи съ судьбою человѣка. Всѣ необычайныя явленія въ природѣ—это знаменія. «Знаменія бобываютъ ова на зло, ова ли на добро». Всѣ эти знаменія исходятъ отъ Бога, и религіозное настроеніе лѣтописца, какъ лица духовнаго, играетъ въ его повѣствованіи главную роль.

Кромѣ религіозности лѣтопись обнаруживаетъ и другія черты міросозерцанія ея автора. По убѣжденію лѣтописца событія совершаются «по Божію строю и милости» и пронырству діавола. «Богъ не хочетъ зло человѣкомъ», а діаволъ, хотя и стремится къ злу, но «бѣси Бога боятся, бѣси креста ся боять Господня».

На нравственныя обязанности человѣка смотрѣлъ лѣтописецъ не исключительно со стороны его лучшей, душевной пользы. Онъ проникнутъ былъ и любовью къ отечеству. Сквозь слова другихъ, имъ приводимыя, онъ видимъ самъ. «Молимся князю тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити русскые земля». Василько говоритъ: «да любо налѣзу себѣ славу, а любо голову свою сложу за рускую землю».

Ѳеодосіи молится «за люди крестьяньскыя, за землю русьскую».

Въ связи съ патріотизмомъ и религіозно-нравственными воззрѣніями лѣтописца находится и взглядъ его на обязанности князя. Онъ прямо говоритъ: «Аще бо князи правьдиви бываютъ на земли, то много отдаются согрѣшенія; аще ли зли и лукави бываютъ, то большое зло наводитъ Богъ на землю: понеже то глава есть земли... Лютѣ бо гряду тому, въ немъ князь унъ, любяй вино пити съ гусьми и съ младыми съвѣтники».

Для историка лѣтопись имѣетъ громадное значеніе. Хотя лѣтописецъ вноситъ факты безъ тщательной провѣрки, но въ общихъ чертахъ они почти всегда оказываются вѣрными, особенно постольку, поскольку лѣтописецъ описываетъ то, «чемъ свидѣтелемъ Господь его поставилъ». Есть въ лѣтописи также очень цѣнные намеки, раскрывающіе передъ нами отношенія князя къ дружинѣ, къ населенію и т. п. Подчасъ однимъ штрихомъ лѣтописецъ раскрываетъ предъ нами цѣлыя стороны древне-русскихъ нравовъ и быта.

Не менѣе важна и литературная цѣнность лѣтописи. Она поражаетъ и плѣняетъ насъ прежде всего эпическимъ характеромъ своимъ. Разсказъ, подобно эпосу, ведется медленно и спокойно, захватывая на пути все, что представляется важнымъ и интереснымъ, и часто заходитъ въ сторону. Весь тонъ разсказа вполнѣ объективный[1]), лишь въ самые торжественные моменты прерываемый лирическими отступленіями, въ особенности когда дѣло идетъ о событіяхъ важныхъ въ исторіи церкви. Языкъ лѣтописи церковно-славянскій, или древне-болгарскій; но въ немъ встрѣчается и много слѣдовъ древняго народнаго, южно-русскаго языка, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приводятся народныя преданія и собственныя слова или разговоры дѣйствующихъ лицъ. Такія выраженія, какъ «иде въ грекы; тогда по варяги; да поиде за князь нашъ за Малъ», должны быть отнесены къ чисто-русскимъ выраженіямъ. Наконецъ, въ лѣтописи приводится и нѣсколько народныхъ пословицъ; таковы: «аще ли ся въ вадитъ волкъ въ овцѣ, та выноситъ все стадо»; «тогда не будутъ межи намъ мира, или камень начнетъ плавати, а хмѣль начнетъ тонути», погибоша аки Обре» и др.

[1]) См. сочин. № 39.

Всесторонній интересъ, представляемый Несторовой лѣтописью, а также обаятельный образъ ея автора повели къ тому, что это произведеніе довольно рано сдѣлалось предметомъ изученія, и въ настоящее время вопросъ о содержаніи и составѣ лѣтописи, источникахъ и методахъ ея составленія, а также о ея характерѣ и личности творца ея,—имѣетъ уже очень большую и богатую по глубинѣ литературу.

41. Пименъ въ «Борисѣ Годуновѣ», какъ типичный русскій лѣтописецъ.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Національный характеръ творчества Пушкина.

Источники вдохновеній Пушкина:

а) народныя пѣсни,

б) народныя сказки,

в) русская исторія,

г) лѣтописи.

Все **вступленіе** *къ этому сочиненію учащіеся возьмутъ изъ сочиненія № 36.*

Изложеніе.

Личность лѣтописца:

а) религіозность,
См. сочин. № 38.

б) патріотизмъ,
См. сочин. № 38.

в) высокіе нравственные идеалы,
См. сочин. № 38.

г) Объективность,
См. сочин. № 38

д) языкъ.
См. сочин. № 38.

Характеръ лѣтописи Пимена:

а) предметъ лѣтописи—

α) «война и миръ»,

β) «управа государей»,

γ) «угодниковъ святыя чудеса».

б) религіозность
(Отношеніе лѣтописца къ Ѳеодору Іоаннновичу)
в) патріотизмъ
(Цѣль лѣтописи «да вѣдаютъ потомки православныхъ *земли родной минувшую судьбу*»).
г) высокіе нравственные идеалы
(Отношеніе лѣтописца къ Борису Годунову),
д) объективность
(«Ни на челѣ высокомъ ни во взорахъ нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ),
е) языкъ
(Архаизмы «*Зане* святый владыка предъ царемъ въ *храминѣ* тогда не находился).

Заключеніе.

Историческая правда созданнаго Пушкинымъ образа.

42. Владиміръ Мономахъ, какъ идеалъ князя-христіанина. (Личность Владимира Мономаха по его «Поученію»).

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Идеалы русскаго народа въ языческій періодъ.
Крещеніе Руси.
Измѣненіе идеаловъ народа подъ вліяніемъ христіанства.

Изложеніе.

Владиміръ Мономахъ, какъ идеалъ народа въ христіанскую эпоху.

а) Планъ «Поученія»:
α) случай, подавшій поводъ къ написанію «Поученія»,
β) размышленіе о величіи Божіемъ,
γ) общія нравственныя наставленія,
δ) особыя наставленія дѣтямъ—
α′) образъ дѣйствій на войнѣ,
β′) въ мирныхъ отношеніяхъ съ сосѣдями,
γ′) при исполненіи обязанностей судьи,
δ′) въ домашнемъ быту,
ε′) между своими братьями-князьями,
ε) автобіографія Мономаха.

б) Главныя мысли «Поученія»:
   α) отношеніе человѣка къ Богу,
   β) отношенія между властью и подданными,
   γ) отношенія человѣка къ самому себѣ,
   δ) отношенія между людьми.

в Характеристика Владимира Мономаха. Мономахъ.
   α) какъ человѣкъ:
      α′) религіозность,
      β′) дѣятельное христіанство,
      γ′) отношеніе къ духовенству,
      δ′) отношеніе къ ближнему,
      ε′) гостепріимство,
      ζ′) семейная жизнь;
   β) какъ князь:
      α′) отношеніе къ бѣднымъ и слабымъ,
      β′) судъ,
      γ′) отношеніе къ чиновникамъ,
      δ′) трудолюбіе,
      ε′) крестное цѣлованіе.

Заключеніе.

Историческое значеніе «Поученія».

Жалкую картину представляла собою Русь до принятія христіанства. Если судить по остаткамъ народнаго творчества, дошедшаго до насъ отъ того отдаленнаго періода, то идеалы русскаго народа были грубы и матеріалистичны. Единственное, въ чемъ человѣкъ ощущаетъ недостатокъ это физическая сила. Гдѣ ея не хватало, тамъ она замѣнялась хитростью и обманомъ. Идеаломъ князя того времени является Святославъ храбрый, человѣкъ, не интересующійся совершенно вопросами религіи и нравственности, беззаботный относительно своего государства, всецѣло посвятившій себя войнамъ, въ которыхъ онъ ищетъ не практическихъ результатовъ, а исключительно славы и бранныхъ почестей.

Крещеніе Руси вноситъ полную перемѣну во всѣ стороны русской жизни. Конечно, эта перемѣна не могла произойти въ одинъ день. Но черезъ два вѣка послѣ Святослава на его мѣстѣ мы находимъ уже новый идеалъ, уже почти ни въ чемъ не похожій на старый, и вернутый со своего прежняго пьедестала.

Такимъ идеаломъ является Владимиръ Мономахъ, который въ своемъ «Поученіи» дѣтямъ далъ намъ цѣнный матеріалъ для сужденія о личности этого замѣчательнаго князя и объ идеалахъ его времени.

Общій составъ и порядокъ «Поученія» можетъ быть представленъ въ слѣдующемъ видѣ: въ началѣ его описывается встрѣча Владимира съ послами братьевъ, которые приглашаютъ его начать междуусобную войну и тѣмъ нарушить крестное цѣлованіе. Этотъ случай подалъ князю поводъ къ написанію «Поученія». Самое «Поученіе» начинается выписками изъ Псалтири, за коими слѣдуетъ размышленіе о величіи Божіемъ, далѣе—общія нравственныя наставленія, потомъ—особыя наставленія, обращенныя именно къ дѣтямъ, касательно образа дѣйствій на войнѣ, во время мирныхъ отношеній съ сосѣдями, при исправленіи обязанностей судьи, въ домашнемъ быту между своими братьями-князьями. Наконецъ, слѣдуетъ автобіографія Мономаха, въ которой находится много обстоятельствъ, опущенныхъ лѣтописью, а главное—представляется общее изображеніе княжеской жизни того времени, домашнія занятія, хозяйственныя распоряженія, безпрерывныя путешествія изъ города въ городъ по всѣмъ областямъ, составлявшимъ то или другое княжество.

Въ Мономаховомъ «Поученіи» можно намѣтить *три* главныя *мысли*, которыя авторъ старается развивать, и имѣя въ виду начертать правила поведенія человѣка — христіанина вообще, и князя-христіанина въ особенности. Первая и самая главная мысль опредѣляетъ *отношенія человѣка къ Богу*. Хотя попытки такого рода дѣлались и раньше, но заслуга Мономаха въ томъ, что онъ первый сумѣлъ перенести этотъ вопросъ съ теоретически отвлеченной почвы на практическую наглядную. Вторая мысль касается *отношенія между властью и подданными*. Будучи самъ прекраснымъ государемъ, сумѣвъ снискать общую любовь народа, Мономахъ понималъ, что для блага народа отъ князя требуется заботливость и неусыпный надзоръ за строгимъ и безкорыстнымъ исполненіемъ правосудія. Эти требованія и положилъ Владимиръ Мономахъ въ основу второй части «Поученія». Наконецъ, третья мысль указываетъ на *отношеніе человѣка къ самому себѣ* и опредѣляетъ *взаимныя отношенія между людьми*. Вся эта часть «Поученія», по своему внѣшнему виду, представляетъ не что иное, какъ рядъ нравственныхъ правилъ поведенія человѣка

въ его повседневномъ быту. Она проникнута полной вѣрой въ искренность и правду людскихъ отношеній и чаруетъ насъ свѣжестью и отрадностью понятій молодой, еще не испорченной государственными бѣдствіями, до-татарской Руси.

Изъ приведеннаго краткаго содержанія «Поученія» уже ясно виденъ идеалъ, въ немъ выраженный.

Въ основу требованій, которыя Мономахъ ставитъ человѣку, кладется искренняя вѣра и религіозность. При этомъ Мономахъ относится къ числу тѣхъ немногихъ русскихъ людей своего времени, которые правильнѣе и чище остального общества понимали сущность христіанской религіи. Это особенно видно изъ того, что христіанство Владимира Мономаха было не обрядовое, а дѣятельное. Отъ совѣтовъ о поклонахъ и молитвѣ онъ переходитъ къ дѣламъ милосердія и правды— и говоритъ: «всею же паче убогихъ не забывайте». Въ молитвѣ цѣнятся не слова ея, а самый фактъ обращенія мыслью къ Господу. Поэтому достаточно, не зная другихъ молитвъ, повторять про себя: «Господи, помилуй!» Аскетическій идеалъ не удовлетворяетъ Владиміра, и онъ считаетъ возможнымъ «3-ми дѣлами добрыми избити врага и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею», противополагая ихъ «одиночьству, чернечьству, голоду, яко иніи добріи терпять». Конечно, нужно также съ величайшимъ уваженіемъ относиться къ «епископамъ, попамъ и игуменамъ», вообще, къ духовенству.

Изъ религіозныхъ воззрѣній Мономаха вытекаетъ его отношеніе къ людямъ: оно должно представлять соединеніе любви и уваженія къ личности: «старыя чьсти яко отьца, а молодыя яко братью... *Человѣка не минѣте не привѣчавъше*, добро слово ему дадите». Гордости въ человѣкѣ не можетъ быть мѣста: «паче вьсего гордости не имѣйте въ сердьци и въ умѣ». По отношенію къ чужестранцамъ рекомендуется самое широкое гостепріимство, будетъ ли то «простъ или добръ, или солъ (посолъ)». Въ семейной жизни ставится требованіе полнаго равенства между мужемъ и женой и полюбовнаго соглашенія по важнѣйшимъ вопросамъ жизни.

Князь, по мнѣнію Владимира Мономаха, есть оплотъ, защита и послѣднее прибѣжище всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ. «Вьсего паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ корьмите и придавайте сиротѣ и вдовицю оправдите сами, а не давайте сильнымъ погубить человѣка». Самымъ

тщательнымъ образомъ долженъ князь слѣдить за исполненіемъ правосудія, не полагаясь ни «на тивуна, ни на отрока». Судья долженъ быть милосернымъ. «Ни права, ни крива не убиваите, не повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакоя же хрестьяны» — категорически говоритъ Мономахъ. Вообще, полагаться на чиновниковъ ни въ чемъ не слѣдуетъ, а по возможности все нужно дѣлать самому, не предаваясь лѣни, «лѣность бо всему мати». Особенно подчеркиваетъ Владимиръ Мономахъ необходимость соблюдать данную клятву, такъ какъ онъ принялся за свое «Поученіе» съ цѣлью завѣщать дѣтямъ точное выполненіе крестнаго цѣлованія. «Аще ли вы будеть крестъ цѣловати къ братьи, или къ кому, али управивъше сердце свое, на немъ же можете устоати, тоже цѣлуйте, и цѣловавъше блюдѣте, да не преступьни погубите душѣ своеѣ».

По полнотѣ картины, исчерпывающей жизнь князя и гражданина современной Владимиру Мономаху Руси, по яркости и силѣ изображеннаго идеала, по характернымъ фактамъ и штрихамъ, разсыпаннымъ во всемъ «Поученіи» и особенно въ послѣдней части его произведеніе Владимира Мономаха имѣетъ громадный историческій интересъ, и съ нимъ непремѣнно долженъ ознакомиться всякій, кто интересуется нашей древней литературой или исторіей.

43. Владимиръ Мономахъ и Святославъ Храбрый (Параллель).

Матеріалъ для этой работы учащіеся найдутъ въ сочиненіяхъ №№ 38 и 42.

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Идеалы русскаго народа въ языческій періодъ.

Крещеніе Руси.

Измѣненіе идеаловъ подъ вліяніемъ христіанства.

Все **вступленіе** *учащіеся могутъ взять изъ* **вступленія** *къ сочиненію №. 42.*

Изложеніе.

Святославъ Храбрый, какъ идеалъ языческой Руси.

См. сочин. № 38.

Владиміръ Мономахъ, какъ идеалъ русскаго народа въ христіанскій періодъ.

См. сочин. № 42

Святославъ и Владиміръ Мономахъ (Параллель).

а) Черты сходства:

α) Воинственность,
См. сочин. № 38 и 42.

β) энергія,
См. сочин. № 38 и 42.

γ) прямодушіе.
См. сочин. № 38 и 42

б) Черты различія:

α) цѣль войны—

α') у Святослава,
См. сочин. № 38.

β') у Владимира
(защита родины)

β) взглядъ на долгъ

α') у Святослава,
См. сочин. № 38.

β') у Владимира
См. сочин. № 42

γ) отношеніе къ вопросамъ религіи

α') у Святослава,
См. сочин. № 38.

β') у Владимира
См. сочин. № 42.

Заключеніе.

Язычество и христіанство въ русской жизни.
См. сочин. № 39.

44. Древне-русскій паломникъ.

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Паломничество.

Просвѣтительное вліяніе русскихъ паломниковъ.

Описанія путешествій.

«Паломникъ Даніила Мниха».

Изложеніе.

Характеръ «Паломника»:

а) цѣль автора,
б) точность описанія,
в) полнота описанія,
г) стиль,
д) языкъ.

Личность автора «Паломника»:

а) скудость біографическихъ данныхъ,
б) религіозность—
α) интересъ сосредоточивается на религіозныхъ предметахъ,
β) цѣль путешествія,
γ) настроеніе при посѣщеніи святыхъ мѣстъ,
δ) описаніе путешествія, какъ подвигъ благочестія,
в) начитанность,
г) патріотизмъ,—
α) «кандило отъ вьсея русьскыя земли»,
β) молитвы за Русь,
д) христіанское смиреніе,
α) какъ литературный пріемъ,
β) какъ внутреннее настроеніе,
е) простодушіе и наивность
α) въ тонѣ разсказа
β) въ передачѣ легендъ, апокрифовъ и т. п.

Заключеніе

Игуменъ Даніилъ, какъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей своего времени.

Въ XII и послѣдующихъ вѣкахъ особенно распространена была на Руси страсть къ посѣщенію святыхъ мѣстъ. Толпы благочестивыхъ паломниковъ отправлялись туда, чтобы по словамъ былины:

«Святой святыхъ помолитися,
Господню гробу приложитися,
Во Ердань-рѣкѣ искупатися».

Подвижниковъ, совершившихъ длинный и трудный путь, встрѣчало на родинѣ не одно любопытство, но и искреннее уваженіе русскихъ людей. По церковному уставу св. Владимира «странники» принадлежали къ числу «людей церковныхъ». Они становились какъ бы на ряду съ духовенствомъ. На нихъ смо-

трѣли, какъ на людей избранныхъ, угодившихъ Богу. Народная былина разсказываетъ, какъ атаманъ калѣкъ перехожихъ, отправлявшихся въ Іерусалимъ, исцѣлилъ жену Владимира:

«А и дунулъ *духомъ святымъ своимъ*
На младу княжну Апраксѣевну...
Оградилъ ее *святой рукой*».

Эти странники имѣли большое просвѣтительное вліяніе на Русь. Своими умилительными разсказами о томъ, что сами видѣли и слышали, они распространяли въ народѣ свѣдѣнія о святыняхъ Востока и тѣмъ возбуждали и поддерживали религіозный духъ народа. Грамотные люди списывали на востокѣ книги и приносили домой много рукописей, или въ назиданіе потомству записывали свои путешествія, въ которыхъ главное вниманіе обращали на описаніе религіозныхъ предметовъ и передачу разныхъ разсказовъ о чудесномъ. Одно изъ такихъ описаній дошло до насъ подъ названіемъ «Паломникъ Даніила Мниха».

Цѣль, съ которой написанъ «Паломникъ», по словамъ его автора, двоякая: во первыхъ, въ немъ говоритъ любовь къ видѣннымъ имъ святымъ мѣстамъ. Онъ заботится, «дабы не въ забытьи то было, еже ми показа Богъ видѣти недостойному». Во-вторыхъ, онъ пишетъ «вѣрныхъ ради человѣкъ, дабы кто слышавъ о мѣстѣхъ святыхъ *и потъщился душею и мыслію къ святымъ симъ мѣстамъ* и равьну мьзду пріимуть съ тѣми, иже будуть ходили до святыхъ сихъ мѣстъ». Имѣя въ виду эту свою цѣль, Даніилъ старается дать описаніе по возможности вѣрное и точное; онъ не ограничился недѣльнымъ посѣщеніемъ Іерусалима, какъ это дѣлаютъ обыкновенно богомольцы, но прожилъ въ немъ цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ. Описалъ онъ не только Іерусалимъ, но и всю Святую землю, насколько она примѣчательна для христіанъ. Слѣдуя порядку, въ которомъ обозрѣвалъ святыни, и который есть естественный топографическій порядокъ и самъ по себѣ, Даніилъ описываетъ 1) Іерусалимъ со всей его святынею и всѣ ближайшія къ нему святыя мѣста въ собственной Палестинѣ, или древней Іудеѣ (послѣ святынь самого Іерусалима здѣсь читается: о Виѳаніи, Геѳсиманіи, Виѳлеемѣ, Іорданѣ, Іерихонѣ, о монастыряхъ Ѳеодосія, Саввы и Харитона, о Хевронѣ и дубѣ мамврійскомъ); 2) святыя мѣста древней Галилеи (здѣсь—о Самаріи-градѣ, о верховьяхъ Іордана, о градѣ Тиверіадѣ и о морѣ, о горѣ Ѳаворской, о Назаретѣ и Канѣ

галилейской). Въ началѣ и въ концѣ Паломника Даніилъ прилагаетъ краткое расписаніе путей, которыми ѣхалъ изъ Константинополя до Іерусалима и обратно.

Послѣ желанія составить описаніе возможно вѣрное и обстоятельное, оставалось имѣть способность и талантъ, чтобы дать ему литературное изложеніе, по возможности соотвѣтствующее и подходящее. «Азъ написахъ не хитро, но просто написахъ», говоритъ Даніилъ о своемъ «Паломникѣ», и этими словами опредѣляетъ какъ характеръ, такъ и достоинство своего труда. Онъ несомнѣнно былъ человѣкъ настолько въ тогдашнемъ смыслѣ образованный, чтобы имѣть возможность писать литературно и хитрословесно, въ общемъ духѣ тогдашней византійской и русской литературы; но природный тактъ подсказалъ ему, что сочиненіе, подобное его «Паломнику», должно отличаться совершенно, нисколько не хитрословесною простотой, и онъ дѣйствительно написалъ его такимъ образомъ. Къ простотѣ изложенія присоединяется и чисто-русскій языкъ, также составляющій одно изъ крупныхъ достоинствъ его работы.

Кто былъ Даніилъ, совершившій путешествіе въ Іерусалимъ между 1113 и 1115 г.г. въ княженіе Святополка Изяславича[1]),— трудно рѣшить, по отсутствію историческихъ и біографическихъ данныхъ. Упомянутое въ «Паломникѣ» сраженіе рѣки Іордана съ р. Сосною заставляетъ видѣть въ авторѣ жителя Черниговской области. Вотъ и всѣ данныя для біографіи игум. Даніила. За то мы имѣемъ въ его сочиненіи обильный матеріалъ для характеристики личности.

Даніилъ—человѣкъ глубоко религіозный. Весь интересъ его путешествія связанъ съ предметами, напоминающими то или иное событіе изъ священной исторіи. Съ мельчайшими подробностями передаетъ онъ о мѣстахъ, освященныхъ религіозными воспоминаніями, записываетъ преданія, сложившіяся о нихъ, и старается не пропустить ни одного изъ нихъ въ своихъ странствованіяхъ. На пути изъ Константинополя въ Іерусалимъ Даніилъ только мимоходомъ замѣчаетъ объ островахъ, гдѣ добываются мастика, вино, овощи, сѣра (Хіосъ, Лидосъ. Ефесъ для него важенъ потому, что тамъ гробъ Іоанна Богослова Кипръ потому, что тамъ множество святыхъ. Перечисляя острова, которые лежали у него по пути, Даніилъ при этомъ указываетъ, какіе святые почитаются на нихъ. И самая цѣль

[1]) 1093—1113.

составленія описанія, какъ мы видѣли, была чисто религіозная; онъ смотритъ на свое описаніе, какъ на подвигъ благочестія, и хочетъ передать читателямъ тоже благоговѣйное настроеніе, которое владѣло имъ самимъ при посѣщеніи святыхъ мѣстъ. И это настроеніе онъ передаетъ не посредствомъ вычитанныхъ изъ книгъ восторговъ, а простыми искренними доходящими до сердца словами.

Игуменъ Даніилъ, человѣкъ довольно чиновный, бывъ въ Іерусалимѣ, сознавалъ себя какъ бы представителемъ русской земли; поэтому онъ хотѣлъ ознаменовать свое пребываніе въ немъ дѣломъ такого представительства: на день великія субботы, въ которую сходитъ на Гробъ Господень небесный огонь, Даніилъ испросилъ у іерусалимскаго короля Балдуина дозволеніе поставить на гробъ кандило за землю русскую по подобію двухъ другихъ, поставлявшихся на немъ на сей день, кандиль, имѣло греческаго и монастырь св. Саввы. При этомъ онъ подчеркиваетъ что ставитъ кандило «за вся князя наша и за всю русскую землю, за вся христіане русскія земли». Такъ обнаружилъ Даніилъ свою горячую любовь къ родинѣ.

Какъ истинный христіанинъ, Даніилъ проникнутъ глубокимъ смиреніемъ. Онъ не вмѣняетъ себѣ въ особую заслугу того, что ему довелось посѣтить Святую землю, и указываетъ, что «мнози же *дома суще въ своихъ мѣстѣхъ* добри человѣци милостынями къ убогимъ и добрыми дѣлы своими достизаютъ сихъ мѣстъ святыхъ». Впрочемъ, такое смиреніе было въ ходу въ то время въ Византіи какъ обычный литературный пріемъ. Начало «Паломника» безусловно заимствовано Даніиломъ изъ какого-нибудь византійскаго произведенія «Се азъ *недостойный* игуменъ Даніилъ Русьскыя земли *худьшій во всѣхъ мьнисѣхъ*» и т. д.

Отмѣтимъ еще простодушіе, которое царитъ во всемъ изложеніи «Паломника». Авторъ относится съ полнымъ довѣріемъ ко всѣмъ апокрифамъ, легендамъ и разсказамъ, которые онъ слышалъ, и безъ всякихъ колебаній вноситъ ихъ въ свое описаніе («Пупъ земной», «Адамова глава», «Пещера Мелхиседекова» и т. д.). Простодушіемъ вѣетъ отъ разсказа о томъ, какъ авторъ, „шедъ на торгъ, купилъ кандило стькляное велико и налилъ масла древянаго чистаго безъ воды».

Свѣтлый образъ скромнаго путешественника, странствующаго по Святымъ мѣстамъ и простодушно разсказывающаго

о видѣнныхъ имъ чудесахъ разочарованнымъ слушателямъ, и до сихъ поръ производитъ обаятельное впечатлѣніе на всякаго, читающаго безхитростныя строки «Паломника».

45. Личность и міросозерцаніе автора «Слова о полку Игоревѣ».

ПЛАНЪ.

Вступленіе.

Общій характеръ древне-русской литературы.

Дружинный эпосъ и мѣсто, занимаемое имъ въ древне-русской литературѣ.

«Слово о полку Игоревѣ», какъ произведеніе дружиннаго эпоса.

Изложеніе.

А. Личность автора «Слова».

а) Авторъ—свѣтское лицо.
б) Авторъ—дружинникъ.
в) Доказательства:
  α) Авторъ и Боянъ,
  β) его преклоненіе передъ храбростью,
  γ) знакомство съ «былинами сего времени» и
  δ) съ «былинами стараго времени»,
  ε) значеніе дружинной жизни.

Б. Міросозерцаніе автора «Слова».

а) Религія:
  α) языческій элементъ въ вѣрованіяхъ «Автора»—
    α′) боги,
    β′) стихіи,
    γ′) участіе природы въ жизни людей.
б) Политическія убѣжденія:
  α) общерусскій патріотизмъ,
  β) отсутствіе мѣстнаго патріотизма,
  γ) отношеніе къ княжескимъ усобицамъ.

Заключеніе.

Авторъ «Слова», какъ человѣкъ.

Общій характеръ нашей литературы въ первый періодъ ея развитія — чисто-религіозный. Литературныя произведенія этого времени представляютъ собой либо проповѣди духовныхъ пастырей, либо поученія родителей, либо описаніе путешествій въ Святую землю, либо лѣтописную запись достопримѣчательныхъ событій.

Среди этихъ литературныхъ памятниковъ «Слово о полку Игоревѣ», по своему свѣтскому содержанію, изложенію и поэтическому достоинству, занимаетъ совершенно исключительное положеніе. И настолько одинокое, изолированное мѣсто занимаетъ оно въ нашей литературѣ, что много ученыхъ при появленіи этого памятника, который былъ открытъ въ XVIII вѣкѣ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, отрицали его подлинность, считая «Слово» поддѣлкой позднѣйшаго времени. Но этотъ скептическій взглядъ въ настоящее время уже совершенно опровергнутъ.

Напротивъ, можно считать безусловно установленнымъ, что въ до-монгольской Руси существовалъ особый *дружинный эпосъ*. Слѣды его мы можемъ обнаружить во многихъ произведеніяхъ нашей письменности, въ особенности, въ лѣтописяхъ. Правда, до насъ дошелъ лишь одинъ памятникъ этого рода, но въ самомъ «Словѣ» мы находимъ упоминаніе о предшественникѣ автора, талантливомъ дружинномъ пѣвцѣ *Боянѣ*, который, «аще кому хотяще пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомь по земли, сизымъ орьломь подъ облакы».

Мы не знаемъ имени автора «Слова», но все его произведеніе настолько краснорѣчиво и ярко, что мы на его основаніи можемъ судить о томъ, кѣмъ былъ авторъ, и установить многія черты его міросозерцанія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что авторъ «Слова», и цѣлый рядъ фактовъ заставляетъ насъ предполагать, что онъ принадлежалъ дружинѣ. Самъ авторъ сопоставляетъ себя съОяномъ, который, по его же описанію, видимо, былъ поэтомъ или пѣвцомъ дружины: воинственные подвиги князя и его дружины вотъ предметы его пѣсенъ. Въ тѣхъ же рамкахъ остается и авторъ «Слова». Онъ воспѣваетъ Игоря и «буи-тура» Всеволода за ихъ отвагу, мужество; восхваляетъ дружинниковъ,

которые «скачютъ акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищючи себѣ чти, а князю славы». Таковы лучшія и блестящія качества князя, которыя служатъ предметомъ поэтическаго воодушевленія. Далѣе, авторъ подробно знакомъ не только съ «былинами сего времени», но и съ «былинами стараго времени». Современныя событія извѣстны автору не только въ одной какой-нибудь области, гдѣ онъ жилъ, но во всей Руси. Это характеризуетъ его, именно какъ дружинника. Вѣдь въ эпоху созданія «Слова» дружина жила всѣми интересами своего князя, а князь считалъ себя членомъ общей княжеской семьи, «родовичемъ».

Самое изображеніе авторомъ дружины свидѣтельствуетъ о глубокомъ и подробномъ знаніи ея жизни и быта. Вотъ какъ изображена въ «Словѣ» идеальная дружина: «Мои ти Куряне свѣдоми къмети: подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскърмленъ, пути имъ вѣдомы, яруги имъ знаемы, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изострены, сами скачютъ акы сѣрыи вълци въ полѣ, ищючи себѣ чти, а князю славы».

Установивши такимъ образомъ, къ какому сословію принадлежалъ авторъ «Слова», постараемся вывести изъ того же Слова нѣкоторыя черты, характеризующія его міросозерцаніе.

Религіозныя воззрѣнія автора типичны для широкихъ массъ народа, удаленныхъ отъ русско-христіанскаго центра, Кіева. Эти вѣрованія еще миѳическія и являются не какъ поэтическія украшенія, а какъ вѣрованія искреннія, отчего они сохраняютъ всю свѣжесть живыхъ образовъ. Пѣвецъ самъ вѣритъ и въ Стрибога, и въ Дажьбога, и въ Хорса, и въ Велеса. Поэтъ вѣритъ и въ миѳическую силу стихій. Плачущая Ярославна обращается и къ «вѣтру-вѣтрилу», и къ «Днѣпру Словутичю», и къ «свѣтлому и тресвѣтлому солнцу». Къ каждой стихіи она относитъ титулъ «господине», который выражаетъ живую, одушевленную силу. Эти стихіи принимаютъ живое участіе въ спасеніи Игоря изъ плѣна, какъ бы исполняя скорбь и моленіе тоскующей жены. Все это миѳическое міросозерцаніе сообщаетъ поэту множество живыхъ поэтическихъ образовъ, не выходящихъ изъ круга родныхъ вѣрованій. И ихъ сохраняется миѳическое отношеніе къ природѣ, вѣра въ

оборотней, волкодлаковъ, въ добрыя и злыя предвѣщанія, какъ еще живо сохранилъ русскій народъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ не остался чуждъ и христіанства, которое причудливо сплелось въ немъ съ язычествомъ, образуя типичное для его времени двоевѣріе[1]. Въ концѣ «Слова» есть эпизодъ, указывающій на то, что Игорь князь христіанскій; онъ «идетъ по Боричеву къ святѣй Богородицѣ Пирогощей». Впрочемъ, для характеристики идеаловъ поэта этотъ эпизодъ значенія не имѣетъ.

Чрезвычайно любопытны политическія воззрѣнія поэта. Здѣсь мы видимъ не только дружинника, занятаго одними дружинными подвигами брани, но и русскаго человѣка, сознающаго тѣсную связь со всей землей, съ народомъ; сознаніе единства русской земли, несмотря на ея раздробленность, ясно высказывается поэтомъ; онъ чуждъ всякаго мѣстнаго, удѣльнаго патріотизма, онъ страдаетъ равно за всѣхъ русскихъ, приписывая всѣ бѣдствія русской земли тому, что князья сами на себя крамолу куютъ», тому, что каждый изъ нихъ говоритъ: «се—мое, и се—мое же». Преклоняясь передъ ратными подвигами, онъ однако возмущенъ братоубійственными войнами, раздиравшими Русь въ его время, и называетъ Олега Святославовича «Гориславичемъ», за то, что при немъ, «рѣдко ратаеве кликахуть, но часто врани граяхуть, хотять полетѣти на уѣдіе».

Не зная ничего относительно біографіи автора «Слова», мы тѣмъ не менѣе можемъ установить и личность его и его міросозерцаніе благодаря лиризму, которымъ проникнуто все его произведеніе. Такъ могъ писать только высокоодаренный поэтъ, почувствовавшій необходимость въ своемъ произведеніи дать выходъ наболѣвшему чувству. И способность автора страдать общими нуждами и бѣдствіями русской земли, отразить въ своемъ произведеніи всѣ завѣтныя думы и чаянія Руси—даетъ намъ право отнести этого «добраго страдальца за родину» къ числу лучшихъ людей земли русской.

[1]) См. сочин. № 29.

46. Характеристика Игоря Святославовича на основаніи «Слова о полку Игоревѣ».

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

«Слово» и лѣтописный разсказъ о походѣ Игоря:

а) черты сходства,

б) черты различія.

Причины сходственныхъ сторонъ.

[Реализмъ автора; его желаніе писать «по былинамъ сего времени, а не по замышленію Боянія». См. сочин. № 45].

Причины различія.

[Поэтическая сторона «Слова». См. сочин. № 49]

Изложеніе.

Характеристика Игоря.

а) Игорь—князь.

α) Храбрость:

α') выступленіе въ походъ безъ союзниковъ,

β') отношеніе къ солнечному затменію.

[«луче же бы потяту быти, неже полонену быти»].

γ') Игорь въ битвѣ.

β) Честолюбіе:

α') причина похода,

[успѣхъ другихъ князей въ походѣ противъ половцевъ].

β') слава, какъ единственная цѣль похода.

γ) Безкорыстіе

[«Япончицами и кожюхы начаша мосты мостити». *Чьрленъ стягъ, бѣла хоруговь, чьрлена чолка, сребрено стружіе храброму Святославичю»*]

б) Игорь—человѣкъ.

α) Отношеніе къ брату:

α') взаимная любовь между братьями,

β') помощь Игоря брату въ битвѣ

[«Игорь пълкы заворочаетъ: *жаль бо ему мила брата Всеволода»*].

β) Религіозность.

[Игорь ѣдеть по Боричеву къ святѣй Богородици Пирогощей». См. сочин. № 45].

Заключеніе.

Игорь и Святославъ Храбрый:

а) черты сходства:

α) храбрость

См. сочин. № 38 и 46.

β) безкорыстіе

См. сочин. № 38 и 46.

б) черты различія:

α) отношеніе къ религіи

См. сочин. № 38 и 46.

β) отношеніе къ роднымъ

См. сочин. № 38 и 46.

γ) отношеніе къ интересамъ родины

См. сочин. № 38 и 46.

Игорь и Владимиръ Мономахъ.

а) черты сходства:

α) храбрость,

См. сочин. № 42 и 46.

β) религіозность

См. сочин. № 42 и 46.

γ) Отношеніе къ родинѣ

См. сочин. № 42 и 46.

б) черты различія:

α) отношеніе къ усобицамъ

См. сочин. № 42 и 46.

β) честолюбіе

См. сочин. № 42 и 46.

Матеріалъ этого сочиненія учащіеся могутъ использовывать для сочиненій «Игорь и Святославъ», «Игорь и Владимиръ Мономахъ» (Параллель).

47. Содержаніе и планъ «Слова о полку Игоревѣ».

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Общая идея «Слова»—идея единой земли русской.

См. сочин. № 45.

Изложеніе.

Планъ «Слова».

а) *Вступленіе.*

α) Авторъ высказываетъ свое рѣшеніе изображать походъ Игоря исторически («по былинамъ сего времени»), а не поэтически («по замышленію Бояна»).

β) Характеръ творчества Бояна.

γ) Предметъ его пѣснопѣнія.

б) *Изложеніе.*

I главная часть.

Походъ.

α) Солнечное затменіе передъ походомъ.

β) Встрѣча братьевъ-князей.

γ) Наканунѣ битвы.

δ) Первая битва съ половцами.

ε) Побѣда русскихъ.

ζ) Второе сраженіе.

η) Пораженіе.

θ) Смерть Всеволода и плѣненіе Игоря.

II главная часть.

Русь послѣ похода.

α) «Мутенъ сонъ» князя Святослава.

β) «Злато словцо» его.

γ) Воззваніе къ князьямъ:

α′) Всеволоду,

β′) Рюрику и Давиду,

γ′) Ярославу Осмомыслу,

δ′) Роману и Мстиславу,

III главная часть.

Плачъ Ярославны.

IV главная часть.

Освобожденіе Игоря изъ плѣна.

α) Бѣгство Игоря.

β) Погоня.

γ) Игорь въ Кіевѣ.

в) *Заключеніе.*

α) Торжество народа при возвращеніи Игоря.

β) Слава.

Заключеніе.

Форма «Слова о полку Игоревѣ»

48. Природа въ «Словѣ о полку Игоревѣ»

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Отношеніе къ природѣ русскаго человѣка въ первый періодъ его исторической жизни.

См. сочин. № 2.

Крещеніе Руси.

См. сочин. № 34.

Двоевѣріе, какъ соединеніе язычества и христіанства.

См. сочин. № 29.

Изложеніе.

Языческій элементъ въ міросозерцаніи автора «Слова о полку Игоревѣ».

См. сочин. № 45.

Природа въ изображеніи автора «Слова».

а) Природа жива:

α) вѣтеръ,

β) Днѣпръ,

γ) солнце,

δ) Донецъ.

б) Природа на сторонѣ русскихъ,

α) предостерегая ихъ предъ началомъ неудачнаго похода:

α′) солнечное затменіе,

β′) «ночь стонущи ему грозою птичь убуди»,

γ′) «свистъ звѣринъ въста»,

δ′) «въ лци грозу всърожать по яругамъ»,

ε′) «чьрныя тучи съ моря идуть, а въ нихъ трепещютъ синіи мълніи»,

β) помогая имъ въ ихъ начинаніяхъ: во время бѣгства Игоря.

α′) Донецъ лелѣетъ «князя на вълнахъ; стелетъ «зелену траву» и т. д.

β′) «прысну море полунощи»,

γ′) «идутъ сморчи мьглами»,

δ′) «стукну земля»,

ε′) «въшумѣ трава» и т. д.,

γ) и мѣшая ихъ противникамъ. Когда Гзакъ и Кончакъ погнались за Игоремъ,

α′) «врани не граяхуть»,
β′) «галици помълкоша»,
γ′) «сороки не троскоташа» и т. д.

Заключеніе.

Поэтическій элементъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ».

См. сочин. № 49

49. Художественная сторона, «Слова о полку Игоревѣ».

ПЛАНЪ-КОНСПЕКТЪ.

Вступленіе.

Общій характеръ русской литературы въ первый періодъ ея развитія.

См. сочин. № 2.

Дружинный эпосъ.

См. сочин. № 45.

«Слово о полку Игоревѣ» и его положеніе въ ряду современныхъ ему произведеній.

См. сочин. № 45.

Изложеніе.

Художественная сторона «Слова».

а) Лирическій элементъ:

α) Чувства, выраженныя въ «Словѣ»:

α′) патріотизмъ, имѣющій своими слѣдствіями

α″) ратный духъ,
β″) любовь къ родному прошлому,
γ″) скорбь и неудовлетворенность настоящимъ положеніемъ вещей.

β′) вѣра

α″) въ чудесное,
β″) въ знаменія природы,
γ″) въ природу и ея сочувствіе Руси

γ′) любовь къ поэзіи:

α″) въ изображеніи Бояна,
β″) дѣвичьихъ пѣсняхъ и въ
γ″) общемъ тонѣ всего произведенія.

β) Общій тонъ «Слова»

γ) Отношеніе между субъективнымъ и объективнымъ элементомъ въ «Словѣ».

б) Средства изобрѣтательности:

α) эпитеты

(«буй-туръ Всеволодъ», «вѣщій Баянъ», «лебединыя крылья», «серебряныя струи», «жемчужная душа», «цѣпы харалужные», «тресвѣтлое солнце», «поле безводное», «золоченыя стрѣлы», «теплыя мглы»).

β) сравненія

α′) положительныя

(битва сравнивается то съ кровавымъ пиромъ, то съ молотьбою, то съ посѣвомъ: персты Баяна—съ соколами, а струны -съ лебедями).

β′) и отрицательныя

(«не буря соколовъ занесла на широкія поля; то не стаи галокъ побѣжали къ Дону великому: Игорь вступилъ въ золотое стремя»; «то не сороки застрекотали: Гзакъ съ Кончакомъ ѣдутъ по Игореву слѣду»),

γ) метафоры,

δ) олицетворенія,

ε) гиперболы,

ζ) градаціи,

η) риторическіе вопросы,

θ) восклицанія.

в) Народность «Слова».

α) Картины, соотвѣтствующія народнымъ представленіямъ

α′) битва,

β′) смерть,

γ′) погребеніе

β) Отдѣльные пріемы:

α′) эпитеты,

β′) отрицательныя сравненія.

Заключеніе.

Красота и художественность «Слова».

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1. Что такое народная поэзія? 3
2. Періоды въ развитіи народной словесности 7
3. Слѣды язычества въ русскихъ обрядахъ и народныхъ пѣсняхъ . 12
4. Загадки и пословицы 14
5. Русскій народъ въ своихъ пословицахъ 17
6. Положеніе женщины по русскимъ пѣснямъ 18
7. Значеніе русской сказки 26
8. Что такое былина? 29
9. Характеристика Святогора 30
10. Оборотничество въ русскихъ былинахъ 34
11. Характеристика Вольги Святославовича 35
12. Микула Селяниновичъ, какъ переходной типъ отъ старшихъ богатырей къ младшимъ 36
13. Міросозерцаніе народа въ эпоху созданія былинъ о старшихъ богатыряхъ 41
14. Первая поѣздка Ильи Муромца 42
15. Характеристика Ильи Муромца. (Илья Муромецъ, какъ идеалъ народа въ эпоху земледѣльческаго быта) 47
16. Отношеніе народа къ различнымъ сословіямъ по былинѣ о борьбѣ Ильи Муромца съ Жидовиномъ 54
17. Характеристика Добрыни Никитича 55
18. „Господинъ Великій Новгородъ" по новгородскимъ былинамъ . 59
19. Богатыри Кіевскіе и Новгородскіе. (Параллель) 66
20. Младшіе богатыри, какъ идеалъ народа въ земледѣльческую эпоху 67
21. Былины и сказки 68
22. Историческія пѣсни и былины 71
23. Татарская неволя по историческимъ пѣснямъ 76
24. Характеристика Іоанна Грознаго по историческимъ пѣснямъ . 80
25. Апокрифы и духовные стихи 84
26. Планъ и содержаніе „Стиха о Егоріи Храбромъ" 88
27. Святой Георгій Побѣдоносецъ въ народномъ представленіи . . 90
28. Характеръ русскаго народнаго эпоса 93
29. Вліяніе христіанства на русскій народъ 95
30. Просвѣтительная дѣятельность свв. братьевъ Кирилла и Меѳодія и ея значеніе для Россіи 99
31. Планъ, содержаніе и ходъ мыслей въ „Словѣ митр. Иларіона о ветхомъ и новомъ завѣтѣ" 101
32. Планъ, ходъ мыслей и содержаніе „Слова Кирилла Туровскаго въ новую недѣлю на Пасцѣ" 102
33. Планъ, ходъ мыслей и содержаніе „Перваго слова Серапіона, епископа Владимирскаго" 104

34. Характеръ древне-русской проповѣди 106
35. Жизнь Ѳеодосія Печерскаго по „Житію" его, составленному прп. Несторомъ 110
36. Смерть Олега по лѣтописи и по стихотворенію Пушкина . 111
37. Лѣтописное сказаніе о мщеніи Ольги 114
38. Святославъ Храбрый, какъ идеалъ князя-язычника 115
39. Лѣтописный разсказъ о крещеніи Руси 118
40. Характеръ Несторовой лѣтописи 123
41. Пименъ въ „Борисѣ Годуновѣ", какъ типичный русскій лѣтописецъ 129
42. Владиміръ Мономахъ, какъ идеалъ князя-христіанина. (Личность Владиміра Мономаха по его „Поученію") 130
43. Владиміръ Мономахъ и Святославъ Храбрый (Параллель) . . 134
44. Древне-русскій паломникъ 135
45. Личность и міросозерцаніе автора „Слова о полку Игоревѣ" . 140
46. Характеристика Игоря Святославовича на основаніи „Слова о полку Игоревѣ" 144
47. Содержаніе и планъ „Слова о полку Игоревѣ" 145
48. Природа въ „Словѣ о полку Игоревѣ" 147
49. Художественная сторона „Слова о полку Игоревѣ" 148